ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Nº 2 · 2010

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Издается с марта 1999 г.
Периодичность — 4 номера в год.
Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением по СМИ.
Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс по каталогу
«Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6) журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии Кубанского государственного университета, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет **Адрес редакции:**

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149 арственный университет

Кубанский государственный университет Статьи для публикации принимаются по эл. aдресу: chsu1999@yandex.ru Сайт журнала: http://chsu.kubsu.ru

Дизайн обложки:

С.Г. Ажгихин, М. Н. Марченко
Оригинал-макет: Д. А. Хрипков
Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического
центра Кубанского государственного
университета. Адрес: Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Подписано в печать 28.06.2010
Уч.-изд. л. 11,52. Усл. печ. л. 10,39
Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е.В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У); Арутюнян Л.А., д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ); Бабешко В.А., д-р физ.-мат.н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ); Бедерханова В.П., д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ); Бодалев А.А., д-р психол. н., проф., академик РАО; Деллер С., PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); Жаде З.А., д-р полит.н., проф. (Адыгейский ГУ); Зинченко Ю.П., д-р психол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова); Знаков В.В., д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН); Иванов А. Г., д-р ист.н., проф. (Кубанский ГУ); Кузьмина Н.В., д-р психол. н., проф. (РАО); Латфуллин Г.Р., д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления); Марьин М.И., д-р психол. н., проф. (МВД РФ); Никовская Л.И., д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН); Романова А.П., д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ); Рябикина З.И., д-р психол. н., проф. (Кубанский ГУ); **Сморгунов Л. В.**, д-р филос н., проф. (СПбГУ); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. н., проф. (Пермский ГУ); Шабров О.Ф., д-р полит.н., проф. (РАГС); Шпак В.Ю., д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р эконом. н., проф. (зам гл. редактора); Белоконь Т.М., канд. филол. наук, доц.; Дёмин А.Н., д-р психол. н., проф. (зам. гл. редактора); Ермоленко В. В., канд. тех. н., доц.; Ждановский А. М., канд. ист.н., проф.; Кимберг А.Н., канд. психол. н., доц.; Кольба А.И., канд. полит.н., доц. (зам. гл. редактора); **Курбатова Г.С.**, отв. секретарь; Лаврова Т.Г., канд. эконом. н., доц.; Лузаков А.А., д-р психол. н., доц.; Малиночка Э.Г., д-р пед. наук, проф.; Мясникова Т.А., канд. эконом. н., доц.; **Оберемко О. А.**, канд. социол. н., доц.; **Ожигова Л. Н.**, д-рпсихол.н.,проф.;ОстапенкоА.Н.,д-рпед.н.,проф.; Савва Е.В., канд. филос. н., доц.; Филиппов Ю.В., канд. эконом. н., проф.; Фоменко Г.Ю., д-р психол. н., проф.; Юрченко В.М., д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

2—20 — Содержание

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ
Рябикина З.И., Танасов Г.Г. Субъектно-бытийный подход к личности
и анализу ее со-бытия с другими (конструктивная версия постмодернистских
«настроений»)
<i>Толочек В.А.</i> Профессиональная успешность: понятия «способность» и «ресурсы»
в объяснении феномена
социальная психология
Бендюков М.А. Классику отечественной социальной психологии
Б.Д. Парыгину 80 лет
\mathcal{A} ёмин $A.H$. Макропсихологический анализ образовательных притязаний трёх
групп кубанской молодёжи47
психология труда
Носкова О.Г. Евгений Александрович Климов в отечественной психологии труда
(к 80-летию со дня рождения)
ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
H иковская Λ . M ., $Я$ кимец B . H . Публичная политика в регионах России: состояние
и современные вызовы
Чайка И.Г. Технологии информационного противоборства94
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА
Кубанова Ф.А. Влияние избирательной системы на деятельность политических
партий России (региональный аспект)
ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
Егупова М.А. Принципы равенства, инклюзии и недискриминации в реализации
права на образование лицами с ограниченными возможностями здоровья \dots 112
информация для авторов122
ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ123

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД К ЛИЧНОСТИ И АНАЛИЗУ ЕЁ СО-БЫТИЯ С ДРУГИМИ (КОНСТРУКТИВНАЯ ВЕРСИЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ «НАСТРОЕНИЙ»)

3. И. Рябикина, Г. Г. Танасов¹

В предлагаемой статье развиваемый нами и нашими коллегами субъектно-бытийный подход к личности, содержание которого представлено уже во многих защищенных диссертациях и иных научных текстах, предстает с новыми акцентами, обусловленными стремлением прояснить связь субъектно-бытийной интерпретации личности с конструктивными особенностями постмодернизма. Представлена сложившаяся на основании субъектно-бытийного подхода к личности концепция со-бытия, создающая возможность увидеть проблемы отношений между людьми с позиций личности, реализующей определенные стратегии самоактуализации, самоосуществления.

Ключевые слова: личность, субъект, бытие, субъектно-бытийный подход, постмодернизм, общение, со-бытие.

In the present paper we develop ourselves and our colleagues in the subjective-existential approach to personality, the contents of which have already provided many protected dissertations and other scientific texts, is presented with new accents, a result of trying to clarify the relationship of subject-existent with the interpretation of individual design features of postmodernism. Submitted by circumstances on the basis of subjective-existential approach to the personality concept of coexistence, creating an opportunity to see the problem of relations between people in terms of personality, realizes the strategy of self-actualization, self-realization.

Key words: personality, the subject, being, the subjective-existential approach to post-modernism, communication, co-existence.

 $^{^1}$ Рябикина Зинаида Ивановна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: ryabikina@manag.kubsu.ru

Танасов Георгий Георгиевич — кандидат психологических наук, докторант Кубанского государственного университета. Эл. почта: Lyoha@econ.kubsu.ru

Различными дорогами мы шли к постмодерну...

Неклассический вектор в развитии психологической науки, методологическое переоснащение науки в контексте постмодернистского дрейфа, реконцептуализации предметного содержания психологии — все эти заявленные и обсуждаемые перспективы развития психологии проявляют слитность отечественной науки с общими трендами мировой научной мысли.

Тем не менее различными дорогами мы шли к постмодерну...

В отечественной психологии советского периода философские методологические основания научного знания, став основой официальной государственной идеологии, обрели гипертрофированное значение и превратились в косный, неспособный к изменению механизм, незыблемость которого поддерживалась самим институтом политической власти в стране. Не всегда эта регуляция в сфере научного осмысления исследуемых проблем осуществлялась в грубой форме прямого вмешательства внешних оценщиков, цензоров, охраняющих «чистоту идеологии». Чаще исследователь, приняв методологические посылки в процессе формирования своего научного мировоззрения как некие не подвергающиеся сомнению критерии, все последующее здание своих представлении об исследуемом предмете строил на этом фундаменте. Его «внутренний критик» осуществлял дифференциацию последующей научной информации, обеспечивал выстраивание логических цепей, процесс концептуализации. Примером этого может быть высказывание В. П. Зинченко о А. Н. Леонтьеве: «Внешне он был свободен, но ценой внутренней несвободы, что, конечно, сказывалось на его научной деятельности... Идеологическое бытие было не только формой, оно проникало в содержание деятельности и сознание ученого, накладывало печать на личность, лишало ее подлинной непосредственности» [9, с. 134].

Из-за идеологических ограничений отсутствовала возможность для открытого движения мысли и отражающих это движение текстов. Если западные коллеги чувствовали себя в научной дискуссии как приятели за обеденным столом (т.е., конечно, надо соблюдать некий этикет, но не страшно, если вы отворачиваетесь от приятеля, сидящего слева, чтобы поговорить с приятелем, сидящим справа), то в нашей научной «дискуссии» мы не могли не руководствоваться присутствием «каменного гостя».

При этом какая-то часть научного сообщества, действительно, не располагала достаточно полной информацией о происходящем на Западе или получала это знание в препарированном виде, только в критическом ракурсе, обусловленном необходимостью придерживаться идеологически выверенных конструктов, соответствующих принципам диалектико-материалистического подхода; другая же часть научного сообщества обладала более точными представлениями о западной науке, но в силу тех же причин селектировала эту информацию, искала и находила возможность поменять ракурс, переставить ак-

центы, переинтерпретировать. Можно предполагать, что иногда благие побуждения приводили к тому, что отдельные идеи могли заимствоваться, а их авторство вынужденно умалчивалось.

Таким образом, нельзя сказать, что отечественная психология развивалась вне мирового сообщества, но в силу ущербности, искаженности реализуемых способов научной коммуникации это развитие несло отпечаток упомянутых ограничений.

Становление взглядов на предмет психологической науки показывает общность этой динамики в зарубежной и отечественной науке. В зарубежной психологии они демонстрируют следующее движение: от интереса к внутреннему устройству субъективного мира (психологии сознания, структурная школа), к проблеме внешней детерминации психического (отношение между психикой и детерминирующими ее внешними, объективными явлениями: организм, среда, поведение), что реализовалось во фрейдизме, гештальт-психологии, бихевиоризме, и затем к осознанию значения потребности личности в самоактуализации, в связи с чем внимание исследователей гуманистической психологии сфокусировалось на том, как внутреннее реализует себя в переустройстве внешнего мира.

Советская наука предложила свою версию предметного пространства. Принципы марксистской психологии, задававшие ориентацию на исследования сознания и личности через деятельность и акцентировавшие роль культурно-исторического контекста в их формировании, создали основу для включения новых аспектов в понимание предмета психологии, развивающих представления о природе детерминации психического, и тем самым дополнили общую схему предметного пространства психологии. Преодолевая узость подобной трактовки понятия «личность», отечественные психологи, наряду с ним вели разработку понятия «субъект», фокусировавшего внимание на поиске и рассмотрении источников, причин активности в самом человеке (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская и др.).

Таким образом, как западная, так и отечественная психология пришли к осознанию необходимости научного поиска, обращенного к проблемам человека, являющегося *субъектом* преобразований бытия. *Порождающий* характер психики и *субъектная* (преобразующая) направленность личности стали основными направлениями в переосмыслении предмета психологической науки.

В отечественной психологии сложный этап наступил вместе с переживаемой страной перестройкой. С одной стороны, голова закружилась от изобилия хлынувшей из-за рубежа информации. Смесь научных и околонаучных представлений, внедрявшихся в расслабленное сознание упоенных чувством свободы людей (нельзя сбрасывать со счетов и то, что западными коллегами это воспринималось как дарованная им возможность распространить свое

влияние, почувствовать себя миссионерами, проповедующими истину в стане туземцев, заработать, соответственно возобладали более энергичные...). Мы, привыкшие к столу «без излишеств», оказались в центре пиршества, похожего на вакханалию. Какая там методология? До нее ли? Большая часть сил расходовалась (как у человека, впервые попавшего на распродажу в супермаркет) на то, чтобы больше нахватать: звучных имен до этого неведомых западных авторов, названий и в краткой версии кое-как изложенных практико-ориентированных подходов.

В. К. Шабельников характеризует это как «годы хаотических метаний постсоветской психологии, пытавшейся либо определить себя в русле зарубежных школ и направлений, либо использовать эклектическое смешение житейской мудрости с популярными терминами и методиками для решения частных задач» [33, с. 23].

Конечно, более серьезно настроенная часть научного сообщества с самого начала этого «кутежа» сохраняла верность академической науке и стремилась сберечь, поддержать и развить достижения отечественной психологии. Но научные идеи нельзя законсервировать, в новых обстоятельствах жизни они должны быть включены в обновленный дискурс. Этот момент перехода научного знания, сложившегося в условиях советского времени, под определенным идеологическим прессом, в новое качество происходил с активной отсылкой к теме неартикулированного знания.

Историки науки активно заговорили о необходимости вернуться к анализу пройденного и, может быть, реинтерпретировать имевшие место в науке подходы, открытия, иную научную информацию [1]. А.В. Петровский, например, писал, что «следует различать устойчивую и плодотворную традицию советской психологической мысли... и стереотипы, нами некритически усвоенные и сложившиеся под влиянием недостаточно обоснованных подходов, отражавших ситуативные высказывания отдельных, в том числе и видных, ученых» [18, с. 56].

Продолжателям и интерпретаторам открылась возможность напомнить о сказанном, но не написанном; о написанном, но не опубликованном; об опубликованном, но которые «теперь в новых обстоятельствах надо читать совсем не так, как это было написано, потому что автор был под прессом и говорил иносказательно» и т. д.

Отсутствие ясной соотнесенности между прошлыми достижениями отечественной науки и современными исследованиями не преодолено и обоснованно относится авторами, анализирующими современную ситуацию в науке, к симптомам неблагополучия, нарушения целостности, коммуникативной эффективности научного сообщества [36].

Говоря сейчас о нашей непростой научной истории, участниками и субъектами которой мы были и остаемся, мы преследуем единственную цель — напомнить о тех мощных деформирующих развитие отечественной науки влияниях, которым она долгое время подвергалась. Наш путь был не легким, тем не менее мы, так и не построив коммунизм и не создав единственно верную методологию советской психологии, оказались в постмодерне и в пострациональной модели психологического знания вместе с нашими коллегами с Запада, которые шли совершенно иным путем. Оказались мы там со всем нашим багажом, накопленным на долгом пути становления отечественной психологии.

Категория «субъект» и содержание субъектно-бытийного подхода к личности

Деконструкция важных для науки понятий, которые мы как преемники и последователи вынесли из советской психологии, показывает, что, пронеся их через разные контексты собственных научных интересов, поместив в различающиеся категориально-понятийные модели, мы обогатили их новыми смыслами. В категории «субъект», в зависимости от развиваемого научного подхода (субъектно-деятельностного, субъектно-системного, субъектносредового или субъектно-бытийного), от той внутренней истории «работы с понятиями», происходившей в процессе оформления подхода, акцентируются разные аспекты. Если в создаваемой А.В. Брушлинским психологии субъекта главенствовало «стремление... при исследовании психологии человека не ограничиваться когнитивными схемами рассуждений (выделено нами. — 3. Р., Г. Т.)» и для ученого это было очевидным, когда он обратился к анализу проблем тоталитаризма, свободы, гуманизма, духовности [11], то в субъектнобытийном подходе к личности обращенность к категории «субъект» стала необходимой, чтобы операционализировать гуманистическую интерпретацию личности со свойственным ей акцентом на теме самоактуализации.

В субъектно-бытийном подходе продолжены *традиции гуманистической* интериретации личности и субъектного подхода к человеку. Предлагая свою концепцию человеческой природы, представители гуманистической психологии утверждают, что человеку свойственна интенция самоактуализации, стремление «состояться во всей полноте своего потенциала» [15]. Сама интенция дана человеку от природы, но конкретные очертания, возможность и содержание самоактуализации, того, как и с какой полнотой человек реализует себя в мире, определяются социальными обстоятельствами, культурой, тем местом, которое занимает человек в мире. Среда может благоприятствовать или препятствовать интенции самоактуализации. В последнем случае принято говорить о «социальных прессах» [31].

Субъектный подход фокусирует внимание на поиске и рассмотрении источников, причин активности в самом человеке, на *«изначально* активной роли

социализируемого индивида» (А.В. Брушлинский), а также на взаимной имплицированности бытия и человека (С. Л. Рубинштейн), на свойственной человеку как субъекту способности порождать новые формы бытия, объективируя в нем свое субъективное.

Субъектно-бытийный подход обусловливает направленность человека на переустройство бытия в соответствии со *структурой сложившихся личностных смыслов*, т.е. на преобразование реальности внешнего мира таким образом, что он становится следствием объективирования субъективного и продолжением личности, следствием ее экспансии. При этом пространства бытия личности непосредственно включаются в ее структуру (этот взгляд представлен также в концепциях

У. Джемса, К. Левина, Э. Мэйли, С. К. Нартовой-Бочавер и др.) и личность становится фактором, объединяющим все стороны бытия человека (как субъективные, так и объективные) в неразрывное целое.

При этом генез отдельных личностных смыслов и их организация в систему не могут быть поняты без анализа трех системно организованных пространств объективных явлений (среда, организм, поведение), предваряющих становление личности и прослеживающихся в последующем как в структурной организации психики в целом, так и в трехкомпонентном строении личностного смысла. А. В. Юревич называет это «фундаментальной психологической триадой» и призывает провозгласить ее «универсальным принципом построения психологической реальности» [35, с. 509—510].

Отнесенность психического к организму и отнесенность к внешнему миру традиционно выступают как два кардинальных параметра. Характер связи с деятельностью выделяется своей еще большей слитностью с областью психических явлений.

Глобальная задача, решаемая по мере формирования психической организации и личности как вершинного интегратора этой организации, состоит в согласовании системы потребностей индивида с системой «означенных» культурой событий среды (среди которых потенциальные предметы его потребностей) и системой освоенных индивидом способов деятельности, ориентированных на присвоение отвечающих его потребностям предметов.

Личность предстает как полисистемное образование, включающее пространство психических явлений и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность). При этом, дифференцируя пространство психических явлений на *смысловой и действенный (бытийный)* слои [3], следует сказать, что в *бытийном* слое психики представлены три пространства явлений, имеющих непосредственное продолжение в объективно фиксируемых событиях человеческого бытия: организмические состояния индивида, реалии среды и деятельность (поведение). В психологическом про-

странстве они воссоздаются как взаимосвязанные взаимоперетекающие подпространства: «мотивационно-потребностная сфера», «образ мира», «планы и структуры поведения». Захватывая смысловое или собственноличностное поле, они репрезентированы в личностном смысле как его компоненты: аффективный, когнитивный, конативный.

Таким образом, в личностном смысле «присутствуют»: информация о внешнем событии, ставшем предметом отражения; акты поведения, обеспечивающие распредмечивание, «опредмеченная» потребность, конкретизировавшаяся в мотиве и окрасившая предмет и поведение пристрастностью.

Системно организуясь, смыслы образуют смысловую сферу личности. Именно смысловой слой психики и составляет особую психологическую субстанцию личности, определяя собственно личностный слой бытия.

В отличие от рассмотрения структуры личности через перечисление ее свойств, подструктур (например, характер, темперамент и пр.), в котором личность предстает как «объективно» описываемая бессубъектная сущность, в субъектно-бытийном подходе к личности стержневую, главенствующую позицию в структуре личности занимает рефлексируемый личностью, в значительной мере сознательно конструируемый ею как субъектом смысл жизни.

Абстрагируясь от его содержательных характеристик, понимаемых и представляемых каждым человеком по-своему, можно сказать, что формально-динамическая сторона *смысла жизни* состоит в тенденции к упорядочиванию систем четырех пространств: системы личностных смыслов с системной организацией среды (предметно-пространственная среда, время жизни, структура межличностных отношений и пр.), с системой деятельностных (поведенческих) возможностей и с мотивационно-потребностной системой индивида.

Сформировавшееся у личности представление о смысле жизни приводит к изменению нижележащих в иерархии смыслов и инициирует переструктурирование, содержательное изменение перечисленных объективных пространств бытия. Овладевая подчиненными ей субъективными и объективными пространствами бытийности, личность выстраивает их, самоактуализируясь в этом созидании, воспроизводя структурные характеристики своего смыслового пространства и его содержание в пространствах своей организмичности, своей деятельности, своей жизненной среды (организация времени, предметно-пространственной среды, межличностных отношений и пр.).

Конструктивная версия постмодернистских «настроений» в субъектнобытийном подходе к личности

Парадоксальная ситуация, о которой пишут А. Л. Журавлев и А. В. Юревич в предисловии к книге «Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива» [8], проявляется в том, что психологическая практика существен-

но опережает теорию и методологию. Еще одним аспектом, подтверждающим парадоксальность в развитии психологической науки предстает запаздывание методологической рефлексии по отношению к теоретическим новациям. Для автора теоретических размышлений важнее оказывается отослаться в обосновании своего подхода к устоявшимся методологическим принципам, чтобы утвердить свои претензии на его эвристичность и жизнеспособность. Аналитическая методология, или методология «последействия» (после теоретического оформления взглядов на проблему и после эмпирических исследований, подтвердивших здравость оформленных в теорию идей), нередко запаздывает. Новая методология зачастую не эксплицирована. Как вполне обосновано пишет М. С. Гусельцева, «проникновение постмодернизма в психологию на самом деле уже совершалось неявным, не всегда заметным образом» [6, с. 57]. Нет оснований оспаривать эти утверждения, хотя бы потому, что «нельзя остаться сухим, если в мире идет дождь».

В каких идеях, в каком виде постмодернистский дух просочился в субъектно-бытийный подход? Попробуем увидеть это.

О постмодернизме написано много, но принципиальная недоконцептуализированность препятствует однозначному толкованию и смешивает доводы. Тем не менее целесообразно подчеркнуть, что постмодернизм не предполагает резкой смены парадигм. Это, скорее, нюансировка, «утренний» взгляд, вскрывающий новые стороны в знакомом объекте. Это переакцентирование и реинтерпретация, которые могут не отрицать результаты предшествующего анализа, а добавлять к нему новые аспекты, обогащая и углубляя исследование. В. В. Знаков, сравнивая три типа рациональности, соответствующие историческим этапам человеческого познания, делает вывод о возможности их системного сосуществования [10].

Рассуждая о возможностях и ограничениях постмодернизма в научном познании мира, Г. Л. Тульчинский считает, что он хорош как приправа к блюду, но самого блюда он заменить не может; блюдо должно быть изначально приготовлено [28, с. 30]. Попытка сделать из критического анализа, из деконструкции чего-либо самостоятельную концепцию не конструктивна. Именно такого рода чаяния приводят к разочарованию и жесткой критике в адрес постмодерна, который уличают как идеологическую мистификацию. Й. Паркер полагает, что под влиянием постмодернизма происходит размывание психологических понятий, и игровые теоретические рефлексии уводят от реального состояния дел в психологии [37].

В субъектно-бытийном подходе, как мы уже отмечали, продолжены традиции гуманистической интерпретации личности и субъектного подхода к человеку, и этот вектор совпадает с существенным для постмодернизма трендом. «Постмодернизм возвращает в психологию методологический принцип субъ-

ектности — легализует субъективный опыт», — отсылаясь к А. В. Юревичу, пишет М. С. Гусельцева [6, с. 69].

В субъектно-бытийном подходе бытийное пространство личности рассматривается как субъективно-объективная реальность или неповторимая целостность взаимообусловленных феноменов внутреннего мира человека, его организмических состояний, поведенческих моделей и событий внешнего мира, в котором он претворил свою субъектность (объективировал субъективное), т.е. «происходит снятие дихотомии внешней и внутренней реальности» [6, с. 48]. «Каждому субъекту картина мира открывается из его уникальнобытийной перспективы...» [6, с. 66] –это утверждение описывает особенности взгляда на человека, исследуемого и трактуемого с позиций постмодернистской методологии, и это же утверждение в полной мере соответствует взглядам на личность, развиваемым в субъектно-бытийном подходе.

Исследования в рамках субъектно-бытийного подхода обращены к самопознанию и самоосуществлению личности, что также отражает важную для постмодернистских настроений исследовательскую стратегию. В них отразилось, свойственное современной психологии в рассмотрении проблем человека «повышение субъективности и гуманистичности» [14, с. 199], так как смысловая организация личности рассматривается как ядерное образование, обусловливающее становление и проявление разнообразной личностной феноменологии, структурирование личностью ее бытия.

Анализ со-бытия личности с Другими с позиций субъектно-бытийного подхода

Субъектно-бытийный подход к личности открывает перспективы новой интерпретации феноменов бытия, по отношению к которым личность выступает субъектом. Одно из таких направлений анализа и интерпретации — сфера межличностных отношений личности, общение. Общение может быть рассмотрено как область самоактуализации личности, одно из пространств бытийности, которое она (личность) стремится организовать в соответствии со структурой своих личностных смыслов, реализуя потребность в аутентичном бытии в пространстве межличностных отношений [25].

Мы неоднократно подчеркивали, что при понимании личности как субъекта, создающего реальность своего бытия, важно увидеть и понять проблемы, возникающие в связи с тем, что в процессе объективации своего замысла личность всегда сталкивается с сопротивлением бытия других людей, воплощающих свои смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий и в то же время [22]. Определенным образом организованные пространства бытия другого человека могут быть и поддерживающим ресурсом для личности. Важно то, подчеркивал С. Л. Рубинштейн, что «другой

человек со своими действиями входит в «онтологию» человеческого бытия, составляет необходимый компонент человеческого бытия» [20, с. 379].

Бытие с Другим, или со-бытие, следует отнести к таким средовым обстоятельствам, в которых человек с присущей ему интенцией самоактуализироваться доступными ему способами пытается состояться во всей полноте своего потенциала, расширить свое бытие. В обстоятельствах со-бытия с Другим он, селектируя возможные виды активности, возможные социальные роли, пытается объективировать свой субъективный мир, претворив его в предметнопространственной среде общего жилища, в организации времени совместной жизни и пр.

В. А. Петровский пишет о двух формах актуализации: культурализации (т.е. предметно-преобразовательной деятельности) и персонализации субъекта (продолжении своего бытия в Другом) [19]. При этом предполагается, что в общении реализуется возможность самоактуализации в форме персонализации (идеальная представленность в Другом). Но организация смыслового пространства другого человека (других людей), приведение ее в соответствие со структурной организацией смысловой сферы субъекта самоактуализации осуществляется и посредством реорганизации объективных пространств их совместной бытийности. Таким образом, две названные формы актуализации в со-бытии с Другим смешиваются. Как обоснованно пишет В.Е. Клочко, мы до сих пор «сталкиваемся с ... проблемой игнорирования в психологии онтологических оснований человеческой жизни, когда нивелируются проблемы пространственно-временной развертки бытия, включая проблемы предметности, реальности и действительного мира» [12, с. 47]. Нашей науке «по-прежнему не хватает понятий, описывающих процесс «инкарнации» (М. Бахтин) вещей в человека, а человека в мир, хотя с каждым днем все глубже принимается мысль о том, что границы между человеком и миром весьма условны» [12, с. 46].

Когда бытийные пространства двух и более человек характеризуются структурно-стисловой общностью, можно говорить о со-бытийности. В идеале («основной идеальный объект» теории [5]) со-бытийность предполагает единый образ мира (и структурированную совместно предметнопространственную среду, время и пр.); сходство поведенческих паттернов, сложившихся способов распредмечивания реальности; достижение телесной (организмической) синтонности, единства или сходства мотивационнопотребностных состояний.

В качестве модели для выделения и анализа феноменологии со-бытия и рассмотрения закономерностей этого сложного явления можно принять супружеские отношения. Субъектно-бытийный подход к личности позволяет по-новому рассмотреть и дефинировать феноменологию этого бытийного поля, по-новому интерпретировать практики супружеской жизни.

Со-бытийность строится в непрерывном *диалоге* субъектов. Это «повседневный мир, состоящий из асимметричных, неопределенных, неустойчивых процессов» [6, с. 49–50], именно таких, какими сейчас предстают отношения мужчины и женщины в формате брачного партнерства. Понимание такого мира возможно только в диалоге, через анализ диалога, поскольку «объективности можно достичь посредством диалога, коммуникации...» [6, с. 65]. Именно и только интерсубъективность здесь становится критерием истинности.

В исследовании, которое с нашим участием провела А.Р. Тиводар, предложена теоретико-феноменологическая модель со-бытия личности в браке. Она представляет систему теоретических утверждений, позволяющих выделить и концептуализировать феноменологию брачного со-бытия. Феноменологическая часть модели позволяет представить особенности и различия позиционирования мужчины и женщины в браке, динамику феноменов со-бытийности в процессе развития брачных отношений, увидеть и проинтерпретировать противоречия современного брака [27].

Модель со-бытия предполагает континуальность, непрерывность происходящих изменений, а следовательно, возможность преодоления фрагментарности и статичности чертографического подхода, поскольку внимание в исследованиях переключается с рассмотрения личностных черт (как фактора совместимости) на дуальный процесс оформления личностной идентичности субъектов и их аутентичного со-бытия в браке.

В теоретическом рассмотрении проблемы брачных отношений осуществлен переход от *статичного* конструкта «совместимость» и соответствующей ему модели адаптации к *динамическому* конструкту «со-бытийность», отвечающему основным посылам субъектно-бытийного подхода к личности, и соответствующей ему модели конструирования бытия взаимодействующими в общем бытийном пространстве субъектами.

Если основным индикатором *совместимости* служит эффективность совместной деятельности, срабатываемость, то *со-бытие* предполагает помимо деятельности включение многих иных пространств, в которых субъекты выстраивают свое бытие (предметно-пространственная среда, время, пространство межличностных отношений и т.д.). Об эффективности этих процессов свидетельствует чувство *субъективного благополучия* личности, глубинной причиной которого является состоявшаяся самоактуализация, обеспечивающая возможность экспансии личности на внешние пространства, достижение конгруэнтности между внутренним и внешним миром и вследствие этого чувство личностной идентичности, подкрепленное тем, как организованы ее бытийные пространства (предметно-пространственная среда квартиры, пространство межличностных отношений и пр.).

Переход от индивидуального и автономного бытия личности к совместной жизни в браке традиционно рассматривался как сложный и чреватый кризи-

сами период взаимного приспособления, проверки и уточнения отношений. В традиционных подходах для его описания применяется модель адаптации. Однако слова «взаимная адаптация» мало проясняют проблему. Остаётся открытым вопрос о том, чьи нормы принимаются за основу и как определяется необходимое направление адаптивного движения тогда, когда встречаются и пересекаются бытийные пространства двух партнеров в браке. Модель адаптации не дает ответа на эти вопросы. Она не отвечает также и на вопрос о том, чьим становится бытие брачной пары после некоего периода согласования. Модель со-бытия представляется более конструктивной.

Рассмотрение со-бытия брачных партнеров позволило уточнить и дополнить новым эмпирическим содержанием понятие «бытийное пространство личности». Данное понятие позволяет зафиксировать способ существования человека как объективной реальности, наделенной субъективной составляющей. Это объективно-субъективная реальность, обусловленная многообразием различных статусов, которыми наделен человек. Будучи объективным, оно не сводится только к вещественной данности, но одновременно является ментальной конструкцией, обусловливающей наделенность предметов среды смыслами, чувственной окраской, переживанием ценностности и прочей субъективной психологической феноменологией. Бытийное пространство это продолжение личности (объективация ее личностных смыслов в преобразованиях среды), единство ее средовых идентификационных признаков, закрепленный в предметах и ритуалах порядок ее существования. Это поддерживающий ее идентичность свод напоминаний о пройденном, о том, что состоялось в прошлом и обрело статус материализованного в предметах факта; это обращенные к личности напоминания о намерениях, инициирующие ее активность стимулы, расположенные в бытийном пространстве в соответствии с их значимостью.

Предметно-пространственная среда жилища — одно из бытийных пространств личности, в котором она реализует (претворяет) свою субъектность, подчиняя организацию среды своей сложившейся системе смыслов. Если прибегнуть к образной формуле В.Е. Клочко, «смыслы — это субъективная «разметка» объективной реальности, вырезающая из безразличной «среды» (или столь же безразличного «окружения») то, что соответствует человеку здесь и теперь как необходимое условие жизни» [12, с. 49].

В исследовании супружеского со-бытия интерсубъективность партнеров взята как предмет рассмотрения и в вербальном диалоге, и как реализованная в предметном пространстве квартиры. Как подчеркивает Д. А. Леонтьев, выделяя один из аспектов неклассического прорыва в психологии, «психические содержания и процессы существуют не только в интраиндивидной форме, будучи привязаны к активности нервной системы индивида», но и «в объективированной, опредмеченной форме в культурных артефактах и могут переда-

ваться (транслироваться) от индивида к индивиду» [13, с. 79]. В практике повседневного бытия это происходит менее пафосно, посредством организации предметов и пространства близкими нам людьми, создающими предметнопространственную среду совместной жизни.

Как метод анализа возможна, обоснованна и эвристична деконструкция (Ж. Деррида предложил этот термин для обозначения процесса переосмысления прожитого) «предметного мира», т.е. неязыковых атрибутов культуры. Диалог не исчерпывается обменом словами. Смыслы «разомкнутых сознаний» (М. Бахтин) взаимодействуют, создавая ткань субъективно-объективного пространства со-бытия и посредством других знаковых систем. Любой предмет, соотносимый с субъектностью другого человека, предстает в нашем сознании как знак, информирующий нас о характеристиках, намерениях, отношении к нам этого субъекта. Деконструкция «больших научных понятий» — это ее пафосный вариант. В рассмотрении бытовых отношений между конкретными субъектами жизнедеятельности как участниками никогда не прекращающегося диалога анализ предметно-пространственной среды квартиры, в которой они живут, — пример такой деконструкции.

Исследования показали, что субъектная позиция личности в браке обусловлена ее потребностью в достижении приватности в жилище. Вступив в брак, человек переструктурирует границы своего личного поля в связи с новой конфигурацией отношений как с брачным партнером, так и с другими членами семьи. Каждый из партнеров очерчивает границы своего приватного пространства (организуется предметно-пространственная среда квартиры, строится и согласуется временной распорядок жизни, выстраиваются приоритеты в отношениях с внешними Другими и т.д.) и пространства своей сформировавшейся молодой семьи. Разделенность среды и выделение в ней приватного пространства позволяют личности, с одной стороны, реализовать свою субъектность, а с другой — стать средством для балансирования ее потребностей в совместности и автономности. В отношении личности с предметной средой жилища прослеживается ее субъектно-интерпретационная претворенность (формирующийся «образ дома») и субъектно-деятельностная претворенность (изменение внешних признаков жилища).

Исследования показали, что у женщин и мужчин интенсивность потребности в приватности и ее отдельных составляющих, ее динамика в процессе брака различаются. Анализ структурирования предметно-пространственной среды жилища показал, что проявления приватности с начала брака больше свойственны женщине. С возрастанием стажа брачного со-бытия эти проявления упрочиваются, в то время как мужчина уступает свою территорию в более приватных частях жилища и позиционирует себя на внешних по отношению к жилищу территориях (машина, мастерская и пр.) или на более открытых, менее защищенных от контактов территориях (гостиная). Таким образом, проис-

ходит укоренение женщины на территории приватного пространства жилища и вытеснение мужчины с этой территории.

Более того, выявлено, что существенным фактором субъективного благополучия личности в браке является интенсивность потребности в приватности, а «мужская» и «женская» ситуации выглядят контрастными. У мужчин с чувством субъективного благополучия снижены потребности в приватности (как у них самих, так и у их брачных партнерш). У женщин субъективное благополучие связано с собственными высокими показателями приватности. Оно обусловлено также тем, насколько муж способен артикулировать и защищать свои ценности и насколько ему свойственно чувство своей территории и готовность ограждать ее от вторжений. Но женщина не удовлетворена браком, если превалирует мужская претензия на приватность.

Анализ динамики показателей приватности показал, что на первых порах супружество как союз двоих прежде всего ориентировано на создание жизни вдвоем, на отделение своего бытия от бытия тех более опытных и зрелых людей, вместе с которыми жили молодые люди до вступления в брак. Поэтому субъективное благополучие партнеров связано с более высокими показателями их приватности. Но поскольку приватность есть присвоенность, естественны конкурентные отношения между людьми, выстраивающими свое бытие на единой территории. В более зрелом браке то, что было благом в начале супружеской жизни, может обернуться проблемой, обусловливающей конфликтность внутри самой супружеской пары. Поэтому в парах с более продолжительным стажем супружеской жизни субъективно благополучными оказываются те партнеры, у которых нет высоких показателей, характеризующих их претензии на приватность.

Анализ средового поведения субъектов брачного со-бытия в приватном пространстве жилища выявил различные модели поддержки идентичности у мужчин и женщин: женщине необходимо уединиться, временно отграничить себя от влияний со стороны мужа, укрыться от контактов, углубившись в осмысление происходящего в семье (созерцательно-рефлексивная позиция субъекта); мужчине требуется углубиться в привычную, уводящую от проблем семейных отношений деятельность (действенная позиция субъекта).

Как показывают приведенные факты, сложившаяся на основании субъектнобытийного подхода² к личности концепция со-бытия создает возможность увидеть проблемы отношений между людьми с позиции личности, реализующей определенные стратегии самоактуализации, самоосуществления.

 $^{^2}$ Его содержание представлено во многих защищенных диссертациях и иных научных текстах [2; 4; 7; 16; 17; 21–23, 26, 27, 29, 30, 32, 34 и др.].

Библиографический список

- 1. *Анциферова Л. И.* История психологии и психологическая теория личности // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. М.: Издво «Институт психологии РАН», 1992.
- 2. *Бондарева О.В.* Особенности проявления эгоистической направленности личности в пространстве супружеских отношений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2009.
- 3. Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
- 4. *Бурмистрова-Савенкова А.В.* Личность и среда: регуляция границ бытийного пространства. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
- 5. Василюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
- 6. *Гусельцева М. С.* Постмодернистские перспективы развития психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива/отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- 7. *Диденко Е. Н.* Психология со-бытия супругов в семьях моряков и «береговых» семьях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2008.
- 8. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Введение // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива/отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Издво «Институт психологии РАН», 2007.
- 9. *Зинченко В. П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2.
- 10. Знаков В.В. От психологии субъекта к психологии человеческого бытия // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива/отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- 11. Знаков В.В. Психология субъекта А.В. Брушлинского, герменевтика субъекта М. Фуко и психология человеческого бытия // Личность и бытие: субъектный подход/отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- 12. *Клочко В.Е.* Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме трансспективного анализа // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей/отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- 13. *Леонтьев Д. А.* Неклассический вектор в современной психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива/отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- 14. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.
- 15. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997.
- 16. *Ожигова Л. Н.* Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
- 17. Панов Д. А. Личность как субъект предметно-пространственной среды дома: дизайнер и пользователь: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005.
- 18. Петровский А.В. Развитие личности. Возрастная периодизация // Психология развивающейся личности. М.: Педагогика, 1987.

- 19. Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
- 20. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- 21. *Рябикина З.И.* Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1995.
- 22. *Рябикина З.И.* Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия/под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- 23. *Рябикина З.И.* Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал. 2008. № 2.
- 24. *Рябикина З.И.* Теоретико-эмпирическая интерпретация личности с позиций психологии субъекта А.В. Брушлинского // Личность и бытие: субъектный подход. К 75-летию А.В. Брушлинского/отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, В.В. Знаков, З.И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- 25. Рябикина З.И., Сомова Е.Г. Личность и ее самоактуализация в общении // Мир психологии. 2001. № 3.
- 26. *Танасов Г.Г.* Личность в переговорном процессе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2002.
- 27. Тиводар А.Р. Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях: автореф. дис. ... д-ра. психол. наук. Краснодар, 2008.
- 28. *Тульчинский Г. Л.* Постчеловеческая персонология // Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002.
- 29. *Удачина П.Ю.* Личность как субъект организации времени: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.
- 30. *Фоменко Г.Ю.* Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: автореф. дис. ... д-ра. психол. наук. Краснодар, 2006.
- 31. Холл К., Линдсей Г. Теории личности. М.: Изд-во «КСП+», 1997.
- 32. Чистилин А.Н. Личностная обусловленность содержания свободного времени: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2004.
- 33. *Шабельников В. К.* Предметность и субъектность детерминирующего мира в концепциях психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1.
- 34. Шлыкова Ю. Б. Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.
- 35. *Юревич А.В.* Интеграция психологии: утопия или реальность? // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива/отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- 36. *Юревич А. В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5.
- 37. *Parker I.* Against postmodernism: Psychology in cultural context // Theory and Psychology. 1988. Vol. 8 (5).

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ: ПОНЯТИЯ «СПОСОБНОСТЬ» И «РЕСУРСЫ» В ОБЪЯСНЕНИИ ФЕНОМЕНА

В. А. Толочек¹

Прогноз профессиональной успешности человека на основании диагностики его способностей часто бывает неудовлетворительным. Понятием, интегрирующим в себе собственные свойства субъекта, а также потенциально доступные ему состояния и условия среды, в том числе свойства других людей, выступают «ресурсы». Способности, рассматриваемые как «функциональные системы» и один из видов ресурсов субъекта, наиболее действенно проявляющихся в искусственной среде (диагностика, обучение и т.п.). Понятие «ресурсы» органично связано с деятельностью, протекающей в реальной среде, отражает экологический подход к успешности. Исторически первая парадигма, объясняющая успешность способностями, т.е. «свойствами субъекта», может дополняться другими парадигмами, которые оперируют «отношениями субъекта».

Ключевые слова: способности, ресурсы, профессиональная успешность, субъект, парадигма, свойства, отношения.

Forecast of professional success based on diagnosis of his abilities is often unsatisfactory. The notion that integrates the intrinsic properties of the subject, as well as potentially available to him the status and environmental conditions, including the properties of other people, «the resources». Ability, regarded as «functional systems» and one of the resources of the subject, most effectively manifested in an artificial environment (diagnosis, training, etc.). The term «resources» organically connected with the activity which takes place in a real environment, reflects the ecological approach to success. Historically the first paradigm, which explains the success skills, «characteristics of the subject» may be supplemented by other paradigms that operate «attitude of the subject».

Key words: capacity, resources, professional success, the subject, paradigm, properties, relationships.

¹ Толочек Владимир Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии способностей им. В. Н. Дружинина Института психологии РАН. Эл. почта: tolochek@psychol.ras.ru

Исследование поддержано грантом РГНФ № 09-06-00199а по теме «Профессиональное становление субъекта в социономических профессиях».

Сформулируем проблему: способности — лишь одно из условий успешности (учебной, профессиональной и т.д.) человека, одна из ее составляющих. Научные понятия, используемые для описания, измерения и оценки профессиональной успешности, чаще характеризуются ограниченностью их прогностических возможностей. Историческое увеличение в психологии числа таких понятий, расширение состава их компонентов, числа учитываемых параметров успешности не ведут к появлению надежных алгоритмов решения научных и практических задач.

Цель исследования: рассматривая три сопряженных феномена — *способности, успешность и ресурсы*, вернуть в сферу научного анализа ряд свойств (качеств), состояний, отношений субъекта и условий его жизнедеятельности, определяющих его профессиональную успешность, от которых «классическая психология» абстрагировалась на начальных этапах своего становления.

Феномен способностей имеет длинную историю изучения как зарубежными психологами (Г. Айзенком, А. Бине, Дж. Гилфордом, Д. Векслером, Ж. Пиаже, Ч. Спирменом, Л. Терстоуном, В. Штерном и др.), так и отечественными (Л.А. Венгером, Э.А. Голубевой, В.Н. Дружининым, Е.П. Ильиным, В.А. Крутецким, Б.М. Тепловым, М.А. Холодной, В.Д. Шадриковым и др.). Работы многих из них стали хрестоматийными. При этом в феномене способностей остается множество проблемных «узлов».

В 1923 г. Э. Клапаред, профессор Женевского университета, размышляя о сущности способностей, отмечал большую сложность задачи дать им определение. Аналогичной констатацией открывается монография (2007 г.) В. Д. Шадрикова, ведущего отечественного специалиста в этой области: «До настоящего времени остается открытым вопрос: что же такое способность?» [47, с. 3]. Другими словами, тема, более столетия активно изучаемая в мировой психологии, до сих пор остается *проблемой*, обнаруживающей множество слабо связанных аспектов.

При очевидной продуктивности разработки учеными обсуждаемой темы следует признать, что почти вековая история изучения способностей и интеллекта в мировой психологии в конце XX столетия венчается острой критикой «состояния вопроса». В теоретическом аспекте она формулируется, в частности, как критика «психометрического интеллекта» (Д.Б. Богоявленская, В.Н. Дружинин, М.А. Холодная, В.Д. Шадриков), как необходимость учета не только «элементарных», но и высших личностных особенностей (Д.Н. Завалишина, В.В. Знаков, В.А. Пономаренко, В.Д. Шадриков), как тема «интеллектуального диапазона» — верхних и нижних «порогов» детерминации успешности (Дж. Гилфорд, Д. Х. Додд и Р.М. Уайт, В.Д. Дружинин, Е.П. Торенс, Д. Хардгривс и И. Болто, К. Ямамото и др.), как критика «академического интеллекта» (Дж. Равеном, Р. Стербергом и др.), как критика вообще стандартных тестов и условий их проведения (Дж. Равен, Х. Томе и др.) [2; 5; 6; 7; 8; 23; 44; 47

и др.] в области практического использования — как низкая валидность психологических методик, в том числе — тестов интеллекта, в оценке персонала сравнительно с другими методами [12; 39; 43 и др.]. Разнятся и подходы ученых. С последовательностью и стройностью анализа феномена В. Д. Шадриковым контрастирует его проблематизация в работах В. Н. Дружинина. Блестящий экспериментатор В. Н. Дружинин подвергает сомнению и критическому переосмыслению едва ли не все «аксиомы» в этой области при сильной фактографической аргументации своей позиции [5; 6].

Среди аналогов выделим работы В. Д. Шадрикова, более тридцати лет последовательно и конструктивно изучающего феномен, в тесной связи с рассматриваемой ученым успешностью учебной и практической деятельностью субъекта — второй сопряженной проблемы, обсуждаемой в настоящей статье [46; 47]. Обратимся к хронологически последнему определению как к квинтэссенции изучения вопроса в рамках классической парадигмы: «Способности есть свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и в качественном своеобразии освоения и реализации деятельности» [46, с. 50]. Содержательная интерпретация феномена способности адекватна только в «трех взаимосвязанных измерениях» — как способности индивида, способности субъекта деятельности и способности личности. В отношении трех измерений, или видов, имеет место генетическая связь: на основе способностей индивида формируются способности субъекта, а «постановка способностей (субъекта) под контроль личностных ценностей и смыслов переводит их в качество способностей личности» [46, с. 83].

В практическом плане проблема способностей чаще предстает в одном из ее аспектов — не как легкость и быстрота овладения деятельностью, а как фактор социальной успешности, профессиональной успешности, прежде всего. Отмечая роль способностей в жизнедеятельности человека в целом как успешность его адаптации к социальной и физической среде, последнее в психологии декларируют, но не рассматривают [6; 7; 26; 27; 46; 47 и др.].) Признано, что способности определяют успешность деятельности [5; 7; 8; 33; 40; 45; 46; 47 и др.], но не сводятся к ней. Сделаем очевидные предположения, следующие из работ ведущих специалистов: 1) способности — одно из условий успешности человека; содержание феномена успешности лишь отчасти пересекается с содержанием способностей; 2) сущностные характеристики феномена «деятельность» не транслируются непосредственно и не исчерпывают понятие «профессиональная деятельность», а последнее — «квалифицированная (профессиональная) деятельность» и «высококвалифицированная (профессиональная) деятельность»; это разные фрагменты социальной реальности; 3) положения, адресованные к категории «деятельность», к понятиям «квалифицированная (профессиональная) деятельность» и «высококвалифицированная (профессиональная) деятельность», лишь отчасти соответствуют друг другу, другим понятиям и содержанию стоящих за ними феноменов.

Обратимся к феномену успешности. В изучении успешности сложились сходные исторические тенденции. Выделим некоторые из них.

- 1. Число составляющих успешность, выделяемых учеными, исторически прогрессивно возрастает (способности, интеллект, знания, умения, навыки, профессионально важные качества, компетентность, компетенции, ресурсы, потенциал, потенциалы личности и т. п.) [3; 10; 14; 19; 31].
- 2. Введение новых понятий, отражающих успешность деятельности субъекта, не является радикальным и окончательным решением. Их содержание в разных дисциплинах и даже в границах одной дисциплины сильно разнится, их структура крайне неопределенна, состав их компонентов тяготеет к бесконечности [28; 35].
- 3. С середины XX в. в структуре личности стали выделять составляющие, непосредственно связанные с успешностью (самоактуализация, самоэффективность, локус контроля и т.п.). В конце XX в. в психологии труда стала складываться обратная тенденция введение в состав профессиональной успешности высших личностных образований: «внепрофессиональных потенциалов», «духовности», «духовных способностей» и т.п. [8; 23; 46 и др.].
- 4. В середине XX столетия в понимании профессиональной успешности стали складываться подходы, альтернативные традиционным. Так, например, Е.А. Климов, В.С. Мерлин и др. постулировали возможность достижения высоких и высших профессиональных результатов лицами с разными природными задатками и способностями, возможность компенсации ограничений одних способностей другими посредством формирования адекватного индивидуального стиля деятельности. Многие исследователи приписывают значительные ресурсы повышения эффективности деятельности когнитивным стилям, стилям руководства и др.
- 5. Практика решения задач по оценке профессиональной пригодности и успешности представителей *социотехнических* профессий с опорой на стандартные методики нередко дает сравнительно невысокие коэффициенты корреляции и обычно лишь с частью шкал (субтестов) [3; 14; 23 и др.] в *социономических* профессиях она часто менее эффективна [12; 14; 38; 45].

Обобщая, можно констатировать, что задачи оценки и прогноза профессиональной успешности людей, в том числе с опорой на оценку их способностей, не поддается простым алгоритмам решения. Если при этом такие прогнозы можно признавать удовлетворительными в отношении больших групп испытуемых, то в отношении отдельных персон они остаются неудовлетворительными. Прогнозы индивидуальной успешности людей более состоятельны, чем прогнозы успешности совместной деятельности. (В настоящей статье нами

рассматривается *профессиональная успешность* вне ее связи с другими видами социальной успешности. То же обычно делают и наши коллеги, выделяя и рассматривая учебную или диагностическую успешность.)

Обращаясь к социальной практике, можно выделить ряд условий, часто игнорируемых исследователями. С одной стороны, высшие профессиональные достижения нередко сопряжены с активностью и участием других людей (единомышленников, группы поддержки, оппонентов), удачным стечением обстоятельств, с умением профессионала использовать эти обстоятельства. С другой — успеху часто предшествуют и сопутствуют затяжные серии неудач, продолжительные периоды работы в экстремальных условиях, в условиях неопределенности и пр. Подобные испытания отражают наличие латентных свойств (качеств), состояний людей и внешних факторов, которые в обычных, «нормальных» и тем более в лабораторных, искусственных условиях не акцентированы. Но, возможно, именно подобные латентные факторы могут выступать как базовые, структурирующие и актуализирующие другие — те, которые и проявляются как функциональные системы, и лучше фиксируются аппаратом современной науки, тогда как сами латентные факторы могут оставаться за пределом научного анализа, в области абстрагирования.

Проблема остается довольно сложной, даже если вводить ограничения в понимании успешности, рассматривая исключительно профессиональную успешность, принимая, что: 1) профессиональные достижения не тождественны профессиональной карьере; 2) социальные достижения не тождественны профессиональным достижениям; 3) в профессиональной успешности значима роль социальных факторов (социальной ниши человека, его социальной микро-, мезо- и макросреды и т.п.) 4) успешность деятельности не сводится к успешности решения отдельных профессиональных задач; 5) профессиональная успешность слабо коррелирует с другими видами социальной успешности [15; 16; 28; 35 и др.]. (Обратим внимание: по отношению к социальной успешности профессиональная успешность предопределяется сравнительно более узким спектром специфических условий, как по отношению к ней выступает успешность в искусственной среде, предопределяемая еще более узким спектром условий.)

Решающим препятствием на пути продуктивной разработки обсуждаемых вопросов — отношений способностей, успешности и ресурсов — нам видится не количество понятий (переменных), вовлеченных в научный анализ, а изменение самой методологии исследования и отношения к ней ученого. Одним из методологических барьеров на этом пути выступает сама картезианская дизъюнкция, в рамках которой развивалась психология в XX столетии и каноны которой сохраняют свое влияние. Именно противопоставление Р. Декартом субъекта и объекта во многом предопределило последующие методологические подходы к решению частных дисциплинарных задач. Поэтому

радикальным путем развития психологии должно быть не добавление новых опосредствующих переменных, не их количество и соответственно количество отражающих их научных понятий, а само изменение представлений о взаимодействиях человека как субъекта и окружающего мира (среды его жизнедеятельности). Признание более тесных отношений субъекта и среды потребует по-новому ставить многие прежние и новые вопросы.

В понимании успешности более продуктивным нам видятся подходы, дополняющие исторически сложившийся подход. Один из таких дополнительных подходов — обращение к широкому контексту деятельности и жизнедеятельности человека и привлечение к анализу новых реалий. Необходимо изменение самих исходных положений, координат научного анализа. В основу представлений об успешности должны быть положены не отдельные свойства (качества) — способности, мотивация и т. п., или их комплексы — ПВК, компетенции и т.п., присущие исключительно отдельному субъекту, легко актуализируемые и проявляющиеся спонтанно, а потенциально доступные субъекту свойств (качества), состояния и условия, в том числе свойства среды и других людей, которые субъект может использовать. Наиболее целостным понятием, интегрирующим в себе триаду — множество потенциальных качеств (свойств) субъекта и со-субъектов, состояний и условий среды, нам представляется понятие «ресурсы». Оно может быть естественной психологической «клеточкой» и адекватной психологической единицей анализа целостных фрагментов реальности. (К слову, прецеденты обращения к понятию ресурсов в отечественной психологии способностей уже есть [5; 7 и др.]. Понятие «ресурсы» (человеческие ресурсы), развивающее и расширяющее понимание сущности организованных групп людей (работники, сотрудники, персонал), более двух десятилетий используется в организационной психологии. Понятие «ресурсы» становится ключевым в современной экономике.) В словарях русского языка дается сходное толкование ресурсов: 1) запасы или источники средств; 2) средства, используемые в нужное время или в необходимом случае. Понятие «ресурсы» чаще используется во множественном числе [4; 19].

Понимая способности как «функциональные системы» (по В. Д. Шадрикову) и один из видов ресурсов субъекта — интрасубъектные ресурсы, мы исходим из совокупности актуализируемых условий реальности, более узко — из условий субъекта и профессиональной деятельности, сопряженных с успешностью субъекта. За основу анализа избирается понятие, органично связанное с контекстами профессиональной деятельности, обеспечивающее реализацию экологического подхода к проблеме. Если внимание психологов чаще сосредоточено на внутренних условиях (в том числе — способностях, мотивах, установках и др.), через которые преломляются внешние причины, то объектом нашего исследования избраны преимущественно внешние, внесубъектные условия, способны становиться внутренними условиями — средства-

ми решения профессиональных задач (функциональными системами и т.п.). При экологическом подходе акцент сделан на внешних условиях, которые могут не только преломляться, но и интегрироваться с ранее сложившимися внутренними условиями, переводя их тем самым в новое состояние и новое качество, и, возможно, даже порождать новые внутренние условия. Предлагаемый подход, не отделяющий предмет исследования от самого изучаемого объекта, требующий, выделяя и анализируя предмет, не абстрагироваться при этом от сущностных свойств объекта, можно назвать целостным, экологическим, эволюционным, интегрирующим, синергетическим, т.е., не разделяющим целостную реальность и не рассматривающим в декартовской оппозиции субъект и объект, человека и среду как противостоящие друг другу.

Рассмотрим отношения *способностей*, *успешности и ресурсов* в новой формулировке проблемы. В качестве иллюстрации выделим характерные особенности деятельности в *искусственно созданной среде*, абстрагированной от реальности (ситуации лабораторного моделирования деятельности, ситуации тестировании и т.п.), лежащих в основании *типичных моделей* при изучении способностей:

- 1) вычленение одних элементов и условий деятельности как актуальных и абстрагирование от других как несущественных;
- 2) произвольное выделение ограниченного числа элементов в структуре конструируемой (моделируемой) деятельности, вследствие чего количество решенных типовых заданий интерпретируется как качество выполнения деятельности в целом и, соответственно, как уровень способностей, интеллекта, потенциала и т.п.;
- 3) наличие четкой обратной связи о результатах деятельности (даже если они намеренно искажаются);
- 4) дифференцированная и оперативная оценка индивидуальных действий субъекта и результатов;
- 5) минимизация, игнорирование, затенение роли других со-субъектов (руководителя, тренера, наставника, консультанта, коллеги, оппонента, конкурента и пр.) в составляющих успешности деятельности субъекта (ученика, воспитанника, спортсмена и т. д);
- 6) практически полное устранение социально-психологических эффектов взаимодействия людей (соперничества, конкуренции, сотрудничества и пр.)
- 7) постоянное присутствие социального наблюдателя (преподавателя, экспериментатора и др.)
- 8) позитивное отношение сторонних экспертов и наблюдателей (в большинстве случаев);
- 9) актуализация и поддержка мотивации субъекта в силу множества вычленяемых и оперативно оцениваемых промежуточных действий и результатов,

комфортных условий работы, оптимального психофизиологического состояния:

- 10) стабильность условий среды (самое большее, что допускается, моделирование изменений в каком-то диапазоне);
- 11) минимизация всей активности, связанной с выбором и изменением стратегий деятельности;
- 12) успешность, определяемая на основании минимума четких, однозначных, предельно формализованных критериев.

Каждая из названных особенностей не является нейтральной для успешности субъекта, а все вместе они создают совершенно иную экологическую ситуацию, иное качество деятельности и структуру факторов ее успешности, актуализируют новые контексты, которые в свою очередь могут актуализировать новые условия [21; 22]. При последовательном анализе в любой из названных особенностей можно выделять более частные, сопровождающие любое моделирование деятельности и задач людьми, в частности, при составлении тестовых заданий [1; 15; 28; 29; 32].

Если же в центр внимания поставить целое — успешность человека в реальных условиях жизни (научные открытия, изобретения, шедевры искусства, сделанные ученым, изобретателем, художником; эффективное решение, принимаемое военачальником, руководителем, политиком в экстремальных условиях; проекты инженера, архитектора, создаваемые при ограниченных ресурсах; карьерное продвижение человека при неблагоприятных условиях, его профессиональное развитие на протяжении большей части карьеры и др.), едва ли целесообразно начинать с абстрагирования от множества физических и социальных реалий. Для сравнения рассмотрим некоторые условия реальной среды квалифицированной профессиональной деятельности людей:

- 1) взаимосвязи и взаимозависимости всех актуализированных внешних и внутренних ресурсов;
- 2) ситуативно ограниченный состав актуализированных ресурсов (чем их меньше, тем более успешной признается деятельность);
- 3) деятельность в ситуациях большей или меньшей неопределенности при значительных субъективных искажениях восприятия действительности;
- 4) чаще отсроченную, искаженную и не всегда адекватную оценку действий самим субъектом и другими лицами;
- 5) ключевую роль других людей на разных стадиях деятельности, порою решающую роль обстоятельств;
- 6) высокую долю неуспешных действий, значительный объем черновой и подготовительной работы, выполняемой в отсутствие сторонних экспертов;

- 7) прямое или косвенное, более или менее выраженное соперничество (как в профессиональной среде, так и за ее пределами);
- 8) отсутствие однозначной внешней стимуляции и высокую роль самомотивирования и саморегуляции (эффектов самодетерминации, самоэффективности, самоактуализации и т.п.)
 - 9) динамичность условий среды (как физической, так и социальной);
- 10) социально-психологические эффекты взаимодействия людей, актуализирующиеся и усиливающие пропорционально уровню социальной значимости ожидаемого результата с преобладанием отрицательных эффектов;
- 11) актуализацию целостной активности, связанной с различными стратегиями деятельности, которая становится решающим фактором успешности («расклад сил на дистанции», умение находить и использовать дополнительные ресурсы, выбирать адекватные индивидуальным особенностям средства, находить единственные, оптимальные или компромиссные решения и др.)
- 12) успешность, определяемую на основании множества более или менее четких, прямых и косвенных, объективных и субъективных критериев, связанных с непосредственными и отсроченными эффектами.

Итак, различая особенности деятельности в искусственной и реальной среде, различая условную, моделируемую и квалифицированную профессиональную деятельность, мы должны подчеркнуть, что в этих двух средах имеют место разные экологические ситуации, разные деятельности и детерминанты их успешности [36]. Если же рассматривать высококвалифицированную профессиональную деятельность, спектр ее актуальных условий будет расширен и изменен — здесь, в частности, актуализируются и дифференцируются темпоральные характеристики планирования и осуществления деятельности.

В первом приближении выделим два основания классификации ресурсов: 1) континуум «субъект — объект», 2) континуум «субъект-объектные — субъект-субъектные отношения». Мы получаем четыре группы (пентабазис по В. А. Ганзену): 1) индивидуальные ресурсы человека, в число которых входят традиционно изучаемые способности, умения, знания, навыки, мотивация и т.п.; 2) ресурсы физической среды, структурируемые как пентабазис: пространство (быть близко/далеко, совпадать по месту и т.п.) время (продолжительность, структурированность, своевременность и др.) информация (полнота, неполнота, избыточность, противоречивость); энергия (как все, что способствует/препятствует решению задач, как «валентность» элементов поля, по К. Левину, и т.п.). 3) ресурсы социальной среды (культура, социальные технологии), рассматриваемые как опосредованные результаты деятельности других людей, запечатленные в культуре (новые знания, «подсказки», аналоги, технологии, социальные институты, социальные нормы, критерии, историческая востребованность определенных личностных типов и др.) 4)

ресурсы взаимодействия людей, понимаемые нами как процессы отношения (взаимодействия, взаимозависимости, взаимосвязи, взаимовлияния и т.п.) и как их результаты-эффекты. Можно различать такие отношения людей, как брак, воспитание, обучение, наставничество, патронаж, руководство, лидерство, подчинение, консультирование, коучинг, соперничество, сотрудничество и др. Обширен и спектр соответствующих эффектов: удовлетворенность, сработанность, совместимость, «зона ближайшего развития» (ЗБР), знание, умение, мотивация, убеждение, заражение, внушение, подражание, сопротивление, идентичность, «раппорт» и др.

Через призму концепции ресурсов раскрываются как взаимосвязи ресурсов разных групп, так и биполярность и амбивалентность свойств ресурсов, динамичность и неоднозначность эффектов, возникающих при обращении людей к ним.

Индивидуальные ресурсы человека характеризуются их актуальным состоянием и могут сравнительно легко и адекватно измеряться. Они динамичны: могут изменяться, развиваться, угасать.

Ресурсы физической среды отличаются выраженной динамичностью. Они редко становятся предметом научного исследования.

Ресурсы социальной среды (культуры) характеризуются различием актуального и латентного, высокой ситуативной изменчивостью. Они не всегда доступны субъекту и реализуемы им. В психологии способностей они редко становятся предметом научного исследования в должном объеме.

Ресурсы взаимодействия людей процессуальны и скоротечны, избирательно реактивны, имеют ближайшие и отсроченные множественные эффекты. Они хорошо описаны в социальной психологии, но вне связи с проблемой способностей и ресурсов.

В качестве иллюстрации неоднозначности и динамичности сущностных свойств ресурсов рассмотрим особенности ресурсов взаимодействия людей. Едва ли не все эффекты взаимодействия людей характеризуются биполярностью и амбивалентностью. Биполярность можно обозначить как наличие выраженного положительного полюса, способствующего развитию субъекта (индивида, личности, индивидуальности), и отрицательного полюса, препятствующего и угнетающего развитие. В научной литературе, однако, чаще выборочно обсуждаются проявления одного из полюсов. Например, «зона ближайшего развития» (ЗБР) трактуется Л.С. Выготским как возрастание возможностей ребенка в процессе взаимодействий со взрослым. Воспитание и обучение традиционно рассматривается многими учеными как позитивный процесс формирования у ребенка социально ценных качеств; руководство — как организующее начало, направляющее, интегрирующее, мотивирующее людей. Своекорыстие интересов воспитателя, руководителя, лидера, консуль-

танта, склонности манипулировать другим, строить воспитание под себя, руководство в целях собственного благополучия и безопасности чаще остаются вне научного анализа эффектов взаимодействия людей. Второй полюс, порождающий посредственности и бездарности, пассивность и инфантильность поведения людей, заслоняется позитивным и односторонним названием эффекта: «воспитание», «руководство» и т.д. Еще сложнее в рамках сциентистского подхода фиксировать амбивалентность — периодические колебания валентности, положительного или отрицательного знака эффектов взаимодействия людей.

В последние два-три десятилетия феномен ЗБР все чаще рассматривается диалектически — не как постоянный и позитивный эффект, а как динамичные, неоднозначные и вариативные эффекты взаимодействия более опытного субъекта с менее опытным субъектом, осваивающим тему, предмет, дисциплину, профессию [1; 13; 21; 22; 32; 46].

Собственно, такой двойственностью характеризуются не только эффекты, но, видимо, и процессы взаимодействия людей. На примере обучения это убедительно рассматривается А. Н. Поддьяковым, В. В. Рубцовым, С. Д. Смирновым и др. [21; 23; 29; 32]. Продвигаясь в анализе феномена биполярности и амбивалентности взаимодействия людей в сферах воспитания, образования и управления, следует признать подобную более или менее выраженную двойственность фаз, эффектов и процессов едва ли не каждой сложной реальной деятельности, даже такой индивидуальной, как психодиагностика интеллекта [5; 6; 21; 23; 40; 45].

Признания требует даже не столько достаточно очевидная двойственность едва ли не всех психологических феноменов, а сама необходимость выработки соответствующего понятийного аппарата дисциплины и методического инструментария изучения ее объектов. Для нас первым шагом на этом пути является обращение к феномену и понятию «ресурсы», логически следующим за освоением феномена и за операционализацией понятия «способности».

Различие между феноменами и понятиями «способности» и «ресурсы» не ограничивается и не сводится к большей или меньшей их адекватности в описании активности человека в искусственной и естественной средах, к локализации феномена в масштабе отдельного индивида или контактной группы. Принципиальное различие в ином: способности есть типичный идеальный теоретический объект (ИТО) в структуре теоретического знания дисциплины (по В. С. Степину), т. е. абстракт, допускающий бесконечные деления на более элементарные составляющие и их произвольное синтезирование в новые концепты, тогда как ресурсы есть идеальный эмпирический объект (ИЭО), т. е. осязаемый, конкретный фрагмент реальности, при последовательном рассмотрении приближающийся к конкретному единичному объекту, каким, например, оперирует психологическая практика (по Ф. Е. Василюку) — психотерапия,

управленческое консультирование и т. п. Эффекты способностей, как правило, описываются в логике малых систем. Для описания эффектов ресурсов требуется обращение к логике и аппарату больших систем.

Другими словами, исторически актуальным нам видится введение в классическую психологию ИЭО как равноправного качественно нового типа понятий наряду и в дополнение к исторически сложившейся понятийной системе — ИТО. Принципиальное разделение двух психологий началось уже в фазе ее зарождения как самостоятельной научной дисциплины (В. Вундт, В. Дильтей, Г. Риккерт, Ф. Шлеемахер, В. Штерн и др.), интеграция двух ее ветвей — сциентистской, естественно-научной и гуманитарной, герменевтической все еще остается нерешенной задачей (В. А. Кольцова, В. А. Мазилов, А. В. Юревич и др.).

Сущность концепции ресурсов как альтернативы концепции способностей заключается в следующем. В масштабе целого — единства человека и среды важное значение имеет не только состав, число, величина, качественное разнообразие используемых субъектом ресурсов, но и их временная и пространственная согласованность, их гармония, возможность и качество их интеграции (синхронизации разных систем субъекта), их зарождение, развитие, функционирование и, как следствие, синергетические эффекты, в самом исходном составе ресурсов не представленные. Ключевыми моментами здесь могут выступать даже не сами ресурсы, их состав а какие-то особые отношения компонентов ресурсов между собой, а также компонентов ресурсов со свойствами субъекта.

Близкой аналогией обсуждаемых явлений нам видится физиология организма: есть организм как целое, есть постоянно действующие и эпизодически активируемые органы и системы и есть внешняя среда. Функциональная специализация одних частей организма не компенсируется объемом и мощностью других. Неблагоприятная среда угнетает организм в целом и последовательно разрушает отдельные органы, прежде всего «слабые звенья», которые в свою очередь блокируют потенциал организма как целого. Уровень неблагоприятности среды определяется не только её физическими свойствами, но и потенциалом отдельных органов и их отношениями с целым организмом. Сущность физического здоровья — гармония (от греч. harmonia — связь, стройность, соразмерность) взаимодействия всех частей целого, синхронизация всех систем, их синергия, слаженный ансамбль физической активности. Возможно, нечто подобное присуще и составляющим психической активности человека, проявляемой в специфической социальной среде.

Понятно, что обращение к понятию «ресурсы» побуждает к формулированию новых гипотез. Одна из них следующая: важным фактором профессиональной успешности могут выступать *отношения субъектов* совместной деятельности.

Весомые эмпирические подтверждения в пользу роли фактора «отношения субъектов», полученные на материале юношеского спорта и спорта высших достижений, приводились ранее [33; 39]. Нами же рассматриваются данные, полученные на выборке государственных служащих. Если на модели спорта критерием успешности выступала непосредственная результативность спортсмена, одним из признанных факторов профессиональной успешности служащих считается карьера, оптимальное карьерное продвижение. Если на модели спорта наше внимание было сфокусировано на двух со-субъектах — на функциональной диаде «тренер — спортсмен», то на модели служащих рассматривался более широкий спектр социальных условий. Анкетируемыми были лица (227 чел.) в возрасте 30-54 лет (x = 40,4), занимающих должности от специалиста до заместителя министра, имеющих стаж работы от 2 до 37 лет (x = 18,2). Выборка была гомогенна и отражала типичные социально-демографические особенности работников государственной службы [14; 15]. В анкете о динамике составляющих профессионализма субъектов на протяжении их профессиональной карьеры все вопросы формулировались не акцентированно к их карьере. Один из них: «Оцените роль разных лиц и условий в становлении Вашего профессионализма»; должностная позиция рассматривались как независимая переменная. Для оценки предлагались 9-балльная шкала — от 0 до 8 баллов. Предполагалось, что признание большей или меньшей роли людей и других условий социальной среды сопряжено с более или менее конструктивными отношениями субъектов (тесными, теплыми, чуткими, конструктивными, продуктивными, взаимно согласованными отношениями людей, а также большей сензитивностью опрашиваемых к разным условиям, их способностью понимать, реагировать, учитывать и использовать как статику, так и динамику условий среды).

Содержание нового эмпирического материала позволяло сформулировать две дополнительные гипотезы: 1) в профессиональной успешности субъекта важную роль играют не только отдельные отношения с отдельными значимыми другими, но и множество отношений с составляющими социальной среды; 2) отношения субъекта с разными составляющими социальной среды взаимосвязаны.

Ввиду того что анкетирование государственных служащих проводилось в рамках изучения иной темы, мы использовали стратегию поэтапного усиления однородности выборки. Располагая возможностями большого массива данных, мы сделали три варианта, три поуровневых анализа (t-критерий для независимых выборок соответственно задачам исследования [18]), продвигаясь последовательно к уточнению поставленных вопросов:

а) анализ всего массива данных, различая специалистов и руководителей (т.е. лиц, занимающих руководящие должности от начальника отдела до заместителя министра);

- б) анализ выборочного массива, различая специалистов и руководителей, т.е. лиц, занимающих руководящие должности начальника отдела (исключая вышестоящие должностные позиции как возможные «политические назначения» и заместителей начальника отдела как неопределенную позицию);
- в) анализ выборочного массива, различая специалистов и руководителей (начальников отдела) в возрасте от 35 до 45 лет (средний возраст 40,4 плюс/минус стандартное отклонение 4,9).

Последовательную концентрацию массива данных и искусственного повышения однородности выборки можно принять как методический прием, позволяющий ориентироваться на характер и динамику связи переменных. Мы получили ожидаемые результаты. Выраженность различий между людьми с разной успешностью, понимаемой как должностное продвижение, по мере повышения однородности групп усиливается. Наибольшие различия выявлены среди лиц, близких по возрасту и относящихся к одному поколению, к одной культурно-исторической ситуации. Так, средняя величина различия одиннадцати рассматриваемых нами факторов социальной среды между специалистами и руководителями последовательно возрастает: средняя дельта при варианте a была равна 0,79, при варианте δ она составляла 0,85 и при варианте в — 0,99. Другими словами, при последовательном повышении гомогенности подгрупп по социально-возрастным характеристикам различия в роли анализируемых факторов в становлении профессионализма служащих прогрессивно возрастали — в подгруппе руководителей они были выше, чем в подгруппе специалистов (у представителей двух подгрупп различия по возрасту и по стажу работы не выражены). При этом наибольшие различия между подгруппами имело место в отношении ключевых, по нашему мнению, факторов — роли отца (родителей), друзей, мужчин, непосредственных руководителей, ситуаций (см. таблицу). Число переменных, достигающих критерия статистической значимости различий также последовательно возрастает: при варианте a одна (роль ситуаций), δ — две (роль мужчин и ситуаций) и в — четыре (роль родителей, мужчин, руководителей и ситуаций).

Поскольку профессиональную успешность мы рассматривали под углом карьерного продвижения, полученные факты мы рассматривали как подтверждение наших рабочих гипотез. Не случайными, а взаимосвязанными видятся выраженные различия между теми, кто остался в позиции подчиненных и теми, кто стал начальниками. Определяющими детерминантами выступают составляющие социальной микросреды: первоначально авторитет и роль родителей (роль отца заметно выше роли матери), позже — друзей (различия между специалистами и руководителями имеют тенденцию к увеличению, хотя и не достигают уровня статистической значимости), мужчин и непосредственных руководителей, а также роль ситуаций (иначе — более высокая чувствительность к изменениям среды и более выраженная способность использовать

Соотношение между должностной позицией и оценками государственными служащими роли разных факторов социальной среды в их профессиональном становлении (С – специалистами и Р – руководителями подразделений)

Факторы социальной	A		Б		В	
среды	Вся выборка		Специалисты и на-		Специалисты и на-	
			чальники отделов		чальники отделов (35–45 лет)	
	Специ- алисты	Руково- дители	Специ- алисты	Руково- дители	Специ- алисты	Руково- дители
Родители	3,28	4,03	3,06	4,57	3,12	4,29*
Братья и сестры	2,13	1,58	1,97	1,90	1,82	2,18
Родственники	3,58	1,94	3,65	2,10	3,82	1,82
Друзья	3,90	4,29	3,94	4,71	4,25	5,41
Женщины	4,24	4,00	4,30	4,10	4,61	4,47
Мужчины	4,04	4,64	3,99	5,14*	3,87	5,82***
Супруги	2,82	3,85	2,73	3,90	2,83	3,76
Дети	4,35	2,43	4,35	2,38	4,50	2,71
Руководители	5,24	5,61	5,25	5,95	5,24	6,18**
Профессиональные группы	4,25	4,89	4,26	4,67	4,32	4,41
Ситуации	3,32	3,96*	3,28	4,10**	2,82	4,18***
Всего	199 чел.	28 чел.	176 чел.	21 чел.	110 чел.	17 чел.

Примечания: * – различия статистически значимы при 0,05; ** – различия статистически значимы при 0,02; *** – различия статистически значимы при 0,001.

эти изменения у тех, кто «сделал карьеру»). Внимание к ситуациям, умение их «правильно» использовать, видимо, связаны с особенностями воспитания в благополучной родительской семье. (Согласно данным В. Н. Маркова, в органах государственной службы преимущественно работают лица, вышедшие из социально благополучных семей, при этом среди руководителей доля «благополучных на старте» выше, чем среди специалистов [14].) Сопоставление интеркорреляций детерминирующих факторов между собой, а также названных детерминант с социально-демографическими характеристиками государственных служащих указывает на различие структур социальной сензитивности более и менее профессионально успешных субъектов (но это отдельная большая тема, которая здесь не обсуждается). Используя поэтапный анализ данных и искусственно концентрируя выборку, мы легко получили данные, признаваемые в современной науке как достаточные для подтверждения рабочих гипотез.

Обобщая материал о роли факторов социальной среды (микросреды) на модели спорта [33; 39] и профессиональной успешности государственных

служащих, мы получили достаточно убедительные подтверждения реальности фактора «отношения субъекта» для его социальной (статусной) дифференциации. Как в сравнительно короткой и концентрированной спортивной карьере, так и в более развернутом во времени варианте — в профессиональной карьере людей в системе государственной службы мы отмечаем те же зависимости успешности субъекта от факторов социальной среды. Зависимость от этих факторов двух качественно разных составляющих успешности субъекта — непосредственных, личных, индивидуальных (спортивного результата), равно как и косвенного, опосредствованного, диффузного, отражающего стаж работы, лояльность непосредственному руководству, корпоративной культуре и т.п. (карьерного продвижения), подтверждает, что в их основе лежит реальный прогресс человека как профессионала, а не просто соглашения партнеров с учетом третьих оснований (личные симпатии, фактор безопасности, членства в команде и пр.), замещающие должные свойства (качества) профессионала. Как в сфере с доминированием физической активности субъектов, так и в сфере с доминированием коммуникативной активности весома роль фактора «отношения субъекта», под которым понимаются отношения субъекта и других лиц, включенных в иерархические профессиональные отношения.

Заключение

1. Научные понятия функционируют в рамках научных парадигм. Сопоставление двух подходов к проблеме успешности — с точки зрения способностей и ресурсов — сразу же выявляет возможность сосуществования разных парадигм. Анализ литературы позволяет сделать вывод о доминировании в XX столетия в психологии способностей субъектной парадигмы, т.е. рассмотрении способностей как принадлежащих отдельному человеку свойств, в работах многих ведущих отечественных и зарубежных специалистов — Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, Г. Гарднера, В. А. Крутецкого, Ж. Пиаже, К. Спирмена, Б.М. Теплова, Л. Терстоуна, Д.В. Ушакова, М.А. Холодной, В.Д. Шадрикова и др. При том, что учеными рассматриваются разные детерминанты, условия развития и механизмы, выдвигаются разные модели способностей и интеллекта, чаще признается весомая роль социальной среды, для многих из них общим выступает понимание способностей именно как свойств субъекта деятельности. Логическим следствием такого подхода можно считать своеобразный кризис проблемы (рассматриваемый нами в начале статьи).

Не отрицая достоинства исторически первой парадигмы «свойств субъекта» (в частности, рассмотрения способностей как свойств отдельного человека) и области ее адекватного применения, нужно признать и ее потенциальные ограничения, которые могут компенсироваться дополняющими парадигмами, оперирующими понятием «ресурсы». Следуя логике классификации ресурсов, вероятными и эвристичными нам видятся парадигмы «отношения субъекта», «культура (социальных технологий)», «экология (физической среды)». Аргументация в пользу парадигмы «отношения субъекта» нами приведена. Во второй парадигме, как уже отмечалось, во главу угла ставятся не столько центрированные на отдельном человеке его отношения к объектам и другим людям (В. Н. Мясищев), сколько связанные с отношениями взаимодействия, состояния, их сопровождающие, эффекты взаимодействия людей, связи их взаимного изменения и т.п. (Тема парадигм «культура» и «экология» требует соответствующей разработки.)

- 2. Более разработанное в психологии понятие «способностии» адекватно объясняет успешность субъекта в искусственно созданных условиях и лишь отчасти в естественных. Ресурсы адекватно объясняют успешность субъекта в естественных условиях социальной и физической среды, но они редко представлены должным образом при лабораторном моделировании деятельности. В структуре теоретического знания, как уже отмечалось, способности выступают идеальными теоретическими объектами, а ресурсы идеальными эмпирическими объектами. В этом состоит их принципиальное различие (но тема структуры теоретического знания современной психологии в настоящей работе нами не рассматривается). В первом приближении феномен способности можно понимать как один из видов интерсубъектных ресурсов (наряду со знаниями, умениями, мотивацией и пр.), а вектор движения от способностей к ресурсам как естественную эволюцию психологической науки в ее движении к реальным социальным объектам.
- 3. Выделенные на моделях спорта и профессиональной деятельности государственных служащих качественно разные критерии профессиональной успешности субъектов (результативность и карьерное продвижение) продуктивно могут рассматриваться в контекстах разных дополняющих научных парадигм свойств субъекта и отношений субъекта. Определяющими детерминантами успешной карьеры служащих выступают составляющие социальной микросреды, отражающие отношения субъекта: авторитет и роль родителей (отца прежде всего), друзей, мужчин, непосредственных руководителей, роль ситуаций.

Библиографический список

- 1. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Ин-т практической психологии, 1996.
- 2. *Богоявленская Д. Б.* Что выявляют тесты интеллекта и креативности // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2004. № 2.
- 3. Бодров В.А. Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. М.: ИП РАН, 2006.
- 4. Большой толковый словарь русского языка/под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Издво АСТ, 2004.

- 5. Дружинин В. Н. Психология способностей. М.: ИП РАН, 2007.
- 6. *Дружинин В.Н., Воробьева Е.В.* Воздействие общения экспериментатора на проявление психометрического интеллекта у подростков монозиготных близнецов // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 1.
- 7. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2005.
- 8. *Завалишина Д. Н.* Практическое мышление: специфика и проблемы развития. М.: ИП РАН, 2005.
- 9. Ильин Е. П. Изучение свойств нервной системы. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1978.
- 10. Ильин Е.П. Психофизиология физического воспитания (факторы, влияющие на эффективность деятельности). М.: Просвещение, 1983.
- 11. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2004.
- 12. *Купер Д., Робертсон И., Тинглай Г.* Отбор и найм персонала: технологии тестирования и оценки. М.: Вершина, 2005.
- 13. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: ИП РАН, 2000.
- 14. *Марков В.Н.* Личностно-профессиональный потенциал управленца и его оценка. М.: РАГС, 2001.
- 15. *Марков В.Н.* Проблемы профессиональной самореализации кадров управления М.: РАГС, 2004.
- 16. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: РАГС, 1996.
- 17. Методы и портативная аппаратура для исследования индивидуальнопсихологических различий человека. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1976.
- 18. *Наследов А.Д.* Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб.: Питер, 2005.
- 19. Ожегов С.И. Словарь русского языка/под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Мир и Образование, 2003.
- 20. Поваренков Ю.П. Проблемы психологии профессионального становления личности. М.: Канцлер, 2008.
- 21. Поддьяков А. Н. Методологический анализ парадигм конкуренции в обучении. М.: ПЕР СЭ, 2006.
- 22. Π оддьяков A. H. Психодиагностика интеллекта: подавление и выявление способностей, выявление и подавление способных/Психология: журнал Высшей школы экономики. 2004. \mathbb{N} 2.
- 23. Пономаренко В.А. Психология духовности профессионала. М.: ПЕР СЭ, 2004.
- 24. Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М.: Академия, 2001.
- 25. Психология творчества: школа Я.А. Пономарева/под ред. Д.В. Ушакова. М.: ИП РАН, 2006.
- 26. *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр, 2002.
- 27. *Равен Дж.* Педагогическое тестирование: Проблемы, заблуждения, перспективы. М.: Когито-Центр, 2001.

- 28. *Родина О.Н.* О понятии «успешность трудовой деятельности» // Вестник МГУ. Сер. 14. 1996. № 3.
- 29. Рубцов В. В. Основы социально-генетической психологии. М.: Изд-во ИПП, 1996.
- 30. Синягин Ю. В. Психологические механизмы формирования руководителем управленческой команды. М.: Монография, 2001.
- 31. Синягин Ю. В. Личностно-профессиональный опросник РАГС и его модификация. М.: РАГС, 2004.
- 32. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Аспект-Пресс, 1995.
- 33. *Теплов Б.М.* Способности и одаренность // Психология индивидуальных различий: тексты. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- 34. *Толочек В.А.* Интерсубъектные, интрасубъектные и внесубъектные ресурсы профессиональной успешности субъекта // Социология и управление персоналом. 2008. № 2.
- 35. Толочек В. А. Профессиональная пригодность субъекта: ретроспектива и перспектива оценки // Акмеология. 2006. № 1.
- 36. *Толочек В.А.* Профессиональная успешность субъекта: психологические и социальные аспекты // Методы исследования психологических структур и их динамики. М.: ИП РАН, 2007. Вып. 4.
- 37. *Толочек В. А.* Стили деятельности: Модель стилей с вариативными условиями. М.: Измайлово, 1992.
- 38. Толочек В.А. Стили профессиональной деятельности. М.: Смысл, 2000.
- 39. Толочек В.А. Устойчивые и изменчивые характеристики и компоненты индивидуального стиля деятельности (на примере спортивной борьбы дзюдо): автореф. дис.... канд. психолог. наук. М., 1985.
- 40. Ушаков Д. В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: ИП РАН, 2003.
- 41. *Ушаков Д.В.* Тесты интеллекта, или Горечь самопознания // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2004. № 2.
- 42. Фидаров М. С., Бурдин И. Ф. Определение уровня мастерства борцов // Спортивная борьба: Ежегодник/сост. А. А. Новиков. М.: Физкультура и спорт, 1976.
- 43. Фулер С.Р., Хьюбер В.Л. Набор и отбор персонала // Управление человеческими ресурсами/под ред. М. Пула, М. Уорнера. СПб.: Питер, 2002.
- 44. *Холодная М. А.* Психологическое тестирование и право личности на свой вариант развития // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2004. № 2.
- 45. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.: Барс, 1997.
- 46. Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект-Пресс, 2007.
- 47. *Шадриков В.Д.* Психология деятельности и способностей человека. М.: Логос, 1996.
- 48. *Diaz E., Hernandez J.* Zones of negative development: Analysis of classroom activities and the academic performance of bilingual, Mexican American students in the United States // Abstracts of the 4th Congress of the ISCRAT. Denmark, Aarhus, 1998.
- 49. *Cattell R.B.* Personality: A systematic, theoretical and factorial stady. New York: McGraw-Hill, 1950.

КЛАССИКУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ Б. Д. ПАРЫГИНУ 80 ЛЕТ

М. А. Бендюков¹

Статья посвящена жизненному пути и научному творчеству заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора философских наук, профессора Б.Д. Парыгина — пионера возрождения отечественной социальной психологии, основателя ее современного философско-социологического направления в нашей стране. В работе раскрывается методологическое и теоретическое значение работ Б.Д. Парыгина для развития отечественной социальной психологии в прошлом и будущем.

Ключевые слова: социальная психология, методология, социально-психологическая теория Б.Д. Парыгина, диалектический материализм, идеология, позитивизм.

The article is devoted to the life and scientific work of the Honored Scientist of the Russian Federation, Ph. D., Professor B. D. Parygina — a pioneer of the revival of domestic social psychology, the founder of modern philosophical and sociological trends in our country. The paper reveals the methodological and theoretical value of B. D. Parygin's works for the development of domestic social psychology in the past and the future.

Key words: social psychology, methodology, socio-psychological theory of B. D. Parygina, dialectical materialism, ideology-logy, positivism.

19 июня 2010 г. доктору философских наук, профессору Борису Дмитриевичу Парыгину исполнится 80 лет. Б. Д. Парыгин родился в Ленинграде. Подростком пережил ленинградскую блокаду. Вся жизнь ученого неразрывно связана с Ленинградом — Петербургом. Именно здесь он сформировался как незаурядная личность и крупный ученый. Вместе с городом, который Даниил Гранин удачно назвал «великим городом с областной судьбой», переживал взлеты и падения.

 $^{^1}$ Бендюков Михаил Александрович — доктор психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Эл. почта: 2741282@bk.ru

Интерес к социальной психологии проявился у Б. Д. Парыгина еще во время обучения на философском факультете Ленинградского государственного университета, который он закончил с отличием в 1953 г. В те годы социальная психология, как и психология вообще, была запретной темой и существовала как составная часть идеологии. В связи с этим осмысление социальнопсихологических проблем оказывалось возможным лишь в общефилософском смысле, как научное обеспечение идеологической работы с народными массами. Однако развитие и усложнение советского общества делали все более значимым осмысление социально-психологических феноменов. К числу таких феноменов можно отнести «общественное настроение», по проблемам которого Б. Д. Парыгин в 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию.

То, что Б. Д. Парыгин является пионером возрождения отечественной социальной психологии в 1960-х гг. и одним из основателей социальной психологии в СССР, не подлежит сомнению. Его статьи «О психологическом направлении в современной буржуазной социологии и о социальной психологии» (1959), «К вопросу о предмете социальной психологии» (1962) и монография «Социальная психология как наука» (1965) были первыми научными публикациями, которые не только доказывали необходимость социально-психологических исследований, но и впервые в отечественной науке определяли социальную психологию как самостоятельную систему научного знания, имеющую свою историю, специфический предмет, методологию, теорию и область практических и прикладных исследований. Первой была и его докторская диссертация на тему «Социальная психология как наука (вопросы истории, методологии и теории)», защищенная в 1967 г. в Ленинградском университете. Для того времени это были весьма актуальные работы, которые по сути вводили объективную науку в концептуальное поле, до той поры полностью занятое идеологией.

С 1968 по 1976 г. Б. Д. Парыгин возглавлял кафедру философии в ЛГПИ им. А.И. Герцена, где создал лабораторию социально-психологических исследований и первый в СССР факультет социальной психологии (на правах факультатива). Основные результаты исследований, проводимых в возглавляемой им лаборатории, были представлены в книгах «Руководство и лидерство» (1973), «Личность и группа» (1971), изданных с участием и под редакцией Б. Д. Парыгина. Эти публикации были его первым, но далеко не последним опытом сравнительного анализа социально-психологических особенностей статуса, роли и характера коммуникативной деятельности субъектов, институционального руководства и спонтанного лидерства.

Об актуальности и новизне социально-психологической теории Б.Д. Парыгина говорит хотя бы тот факт, что его книги «Социальная психология как наука» и «Основы социально-психологической теории» (1971) были переведены и изданы в Болгарии, Бразилии, Германии, США, Уругвае, Чехословакии, Японии и вошли в каталоги ведущих научных библиотек мира

(например, в каталог Библиотеки Конгресса США). Борис Дмитриевич и сегодня продолжает активную научную и педагогическую деятельность в стенах Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, являясь почетным заведующим кафедрой социальной психологии СПбГУП — кафедры, которую он создал и возглавил в 1992 г.

Приближающийся юбилей ученого дает хороший повод не только для того, чтобы оценить личный вклад Б.Д. Парыгина в отечественную психологическую науку (он несомненен и не нуждается в дополнительных доказательствах), но и поразмышлять о тех изменениях, которые произошли в методологии психологии в конце XX— начале XXI в.

Пути развития научных теорий извилисты. Это тем более верно для психологии, которая является идеологически нагруженной отраслью науки. А. Н. Леонтьев в предисловии к книге «Деятельность. Сознание. Личность» указывал, что «в современном мире психология выполняет идеологическую функцию и служит классовым интересам; не считаться с этим невозможно» [4, с. 6].

Следует напомнить тот научный контекст, в котором возникла социально-психологическая теория Б. Д. Парыгина. Уже изданы книги С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание» (1957) и «Принципы и пути развития психологии» (1959). В 1960 г. впервые опубликована работа Л. С. Выготского «История развития высших психических функций». В 1965 г. вышло второе, дополненное издание книги А. Н. Леонтьева «Проблемы развития психики», а в 1969 г. работа Б. Г. Ананьева «Человек как предмет познания». Можно сказать, что период 1960—1970 гг. был «осевым временем» (К. Ясперс) для отечественной психологии. Именно тогда были сформированы (или стали доступны научной общественности) те методологические основания отечественной психологии, которые придали ей своеобразие и несомненную ценность для мировой науки. Монография Б. Д. Парыгина «Социальная психология как наука» (1965), без сомнения, является составной частью этого «осевого времени».

Упомянутые классики отечественной психологии в качестве методологических оснований своей работы принимали философские постулаты диалектического материализма как философского направления, изучающего наиболее общие закономерности и сущность бытия, отношение человека к миру и исторические изменения этого отношения в процессе предметно-практической и духовно-теоретической деятельности. Основной характеристикой конкретной научной теории, исходящей из познавательных принципов диамата, является целостность, которая отражает целостность бытия. На философском уровне эта целостность выражена в системе категорий. «Перед человеком сеть явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т.е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [3, с. 85]. Благодаря категориям единичные предметы воспринимают-

ся и осмысливаются как частные проявления общего, включенные в систему обобщенных отношений.

Говоря современным языком, классические для отечественной психологии теории фрактальны относительно диалектического материализма (Бенуа Мандельброт определяет фрактал как «структуру, состоящую из частей, которые в каком-то смысле подобны целому» [6, с. 19]). Именно так, на наш взгляд, строились культурно-историческая теория развития психики Л. С. Выготского, теория деятельности А. Н. Леонтьева и антропоцентристская методология психологии Б. Г. Ананьева.

И тем же путем в построении социально-психологической теории пошел Б. Д. Парыгин. В полном соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей, который утверждает, что все явления в мире находятся в непрерывном, постоянном диалектическом развитии, источник которого — возникновение и разрешение внутренних противоречий, ведущих к отрицанию одних состояний и образованию принципиально новых качественных явлений и процессов, Б. Д. Парыгин вскрывает основные социальнопсихологические противоречия личности, деятельности и общения и на этой основе выстраивает методологически обоснованное видение социальной психологии как объективной и целостной научной дисциплины.

К сожалению, социально-психологическая теория Б.Д. Парыгина не заняла в отечественной психологии того же места, которое в ней занимают концепции Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и Б.Г. Ананьева. Развитие социальной психологии пошло иначе. Как указывает Г.М. Андреева, «марксистский подход здесь... заявлял о себе преимущественно как некоторый философский принцип, преломленный в общепсихологической теории» [1, с. 13]. Иными словами, отечественная социальная психология стала фрактальной не диалектико-материалистической теории познания, а общепсихологической теории, точнее, теории деятельности А.Н. Леонтьева и в основных своих чертах стала отражать именно ее.

Причины того, что социально-психологическая теория Б.Д. Парыгина не заняла центрального места в развитии социальной психологии в СССР, во многом отражают дух того времени. Как уже отмечалось, концептуальное поле социальной психологии в то время занимала идеология. «Вторжение» естественнонаучного описания советского общества, хотя и было необходимым, вызывало серьезное сопротивление партийных работников, монополизировавших эту сферу общественной жизни. И если общая психология, а также прикладные направления (педагогическая, инженерная психология и психология труда) уже не вызывали такой реакции, как в 1936 г. (имеется в виду известное Постановление ЦК ВКП (б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов»), то социальная психология все еще воспринималась идеологически неправомерной.

Борис Дмитриевич рассказывал, как в 1972 г. состоялось специальное совещание с идеологическим активом в ЦК КПСС, где обсуждалась книга Б. Д. Парыгина «Основы социально-психологической теории» (1971). На этом совещании автор был объявлен лидером международного (sic!) ревизионизма в марксизме, замаскированного психологическим подходом. И только выступления ведущих ученых (в том числе и А. Н. Леонтьева) избавили его от неприятных «оргвыводов». Тем не менее несколько позже в Ленинграде Б. Д. Парыгину было предъявлено обвинение в стремлении подменить марксистскую философию философией человека. В связи с этим он был фактически изгнан из Педагогического института, где на тот момент им уже были созданы лаборатория социально-психологических исследований и первый в стране факультет социальной психологии. Случались и просто казусы. Например, незадолго до вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 г. там была издана книга «Социальная психология как наука». Понятно, что это не более чем совпадение, но Б. Д. Парыгин был признан идеологически неблагонадежным.

Таким образом, сложилась ситуация, когда развитие социальной психологии как отдельного научного направления оказалось невозможным. Единственный способ развивать это направление науки состоял в том, чтобы облечь ее в формы признанных «идеологически верными» психологических теорий, в частности, теории деятельности А. Н. Леонтьева. Именно это и было сделано психологами московской школы.

Г. М. Андреева отмечает: «Кардинальная идея этой теории, заключающаяся в том, что в ходе деятельности человек не только преобразует мир, но и развивает себя как личность, как субъект деятельности, была воспроизведена в социальной психологии и «адаптирована» к основному предмету ее исследования — группе. Содержание принципа деятельности раскрывается в данном случае в понимании деятельности как совместной, а группы как субъекта, что позволяет изучать ее характеристики как атрибуты субъекта деятельности» [1, с. 15]. В результате итогом второго этапа дискуссии о социальной психологии стало полное признание ее права на существование как особой «маргинальной» дисциплины» [1, с. 15]².

Несомненно, вторичность методологических оснований отечественной социальной психологии привела к резкому сужению поля социально-психологических исследований, которые оказались сосредоточены на исследовании процессов в малых группах. В то же время из поля советской социальной психологии выпали или не получили адекватного эмпирического изучения такие фундаментальные социально-психологические категории, разработан-

² Маргинальность (лат. margo – край, граница) определяется как «понятие, традиционно используемое в социальной философии и социологии для анализа пограничного положения личности по отношению к какой-либо социальной общности, накладывающего при этом определенный отпечаток на ее психику и образ жизни» [7, с. 456].

ные Б.Д. Парыгиным, как социально-психологическая структура личности, социально-психологические особенности различных общностей, социальная психология состояния, общественное настроение и пр.

В силу сказанного отечественная социальная психология стала вполне подобной западной психологии с ее приматом позитивизма, где единственным источником истинного, действительного знания являются эмпирические исследования и отрицается познавательная ценность философского исследования. Между тем главный труд Б. Д. Парыгина «Основы социально-психологической теории» (1971), раскрывающий диалектико-материалистический базис новой науки, имел значительный резонанс за рубежом, о чем говорит ее перевод и неоднократные переиздания на английском, немецком и японском языках.

В 1976 г. Б. Д. Парыгин перешел на научно-исследовательскую работу в недавно созданный Институт социально-экономических проблем (ИСЭП) РАН, где он организовал и возглавил сектор социально-психологических проблем трудовых коллективов. Результаты научно-исследовательской деятельности возглавляемого им коллектива нашли отражение в книге Б. Д. Парыгина «Социально-психологический климат коллектива. Пути и методы изучения» (1981), а также в коллективной монографии «Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива», вышедшей в 1986 г. под его редакцией. Разработанные под его руководством инновационные технологии диагностики, прогнозирования и регуляции социально-психологического климата, широко применяемые в практике, получили высокую оценку ведущих ученых. В частности, в книге «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории», вышедшей под редакцией А.В. Брушлинского в 1997 г., о них говорилось как о «надежных методах измерения и контролируемого воздействия на состояние социально-психологического климата коллективов» [8, с. 436].

В последующие годы, когда Б. Д. Парыгин наряду с сектором трудовых коллективов возглавил в ИСЭП и отдел проблем образа жизни, он обратился к вопросам психологии территориального самоуправления. Результатом этой работы стали объективные и верифицированные методы диагностики и прогнозирования психологической готовности к эффективной деятельности субъектов территориального самоуправления в условиях социальной трансформации. Результаты были представлены в книге «Социальная психология территориального самоуправления» (1993). Знаменательно, то, что теоретические наработки того времени и конкретные методы вызвали интерес за рубежом, но не были внедрены в практику работы государственных органов управления в нашей стране. За рубежом работы ученого были включены в каталоги крупнейших библиотек мира: Библиотеки Конгресса США и научных библиотек Англии, Японии, Австралии и пр.

Возвращаясь к методологическим проблемам отечественной социальной психологии, следует отметить, что социально-психологическая тео-

рия Б.Д. Парыгина — это попытка реализации гегелевского метода «восхождения от абстрактного к конкретному» в процессе познания социальнопсихологических явлений. Гегель следующим образом определил этот принцип: «...познание катится вперед от содержания к содержанию. Прежде всего, это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что последующие определенности становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит в себе свое начало, и дальнейшее движение этого начала обогатило его (начало) новой определенностью. Всеобщее составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть понимаемо как течение от некоторого другого к некоторому другому. В абсолютном методе понятие сохраняется в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя» [2, с. 315].

Думается, что отечественная социальная психология не смогла пройти тот путь «восхождения от абстрактного к конкретному», который был пройден в рамках теории деятельности А. Н. Леонтьева плеядой его учеников, именно в силу того, что имеющиеся теоретические абстракции не послужили основой эмпирических исследований. Развиваясь в русле эмпиризма, а в последнее время еще и логического позитивизма, отечественная социальная психология оказалась «вторичной», не только по отношению к теории деятельности, но и к западно-европейской социальной психологии.

Конечно, можно спорить о том, какой подход является более верным методологически и более ценным для практики. На первый взгляд позитивизм с его стремлением к получению эмпирического знания более практичен и в силу этого более востребован в практике, где знание все более становится товаром (становится «перформативным» в терминологии Ж.Ф. Лиотара). Те виды знания, которые не отвечают критерию перформативности, отмирают, и это естественный, с точки зрения Лиотара, процесс [5].

Однако диалектически ориентированная гносеология, на наш взгляд, куда более свойственна и понятна русской науке. Вот что говорит по этому поводу один из наиболее ярких русских мыслителей второй половины XX в., социолог и философ А. А. Зиновьев: «Я в свое время выдвинул такую формулу: чтобы нам устоять в сражении с Западом, который стремится нас занизить и в конце концов уничтожить, мы располагаем одним единственным оружием, это оружие — интеллект. Нам нужно переумнить Запад. Насколько я знаю состояние интеллектуальной сферы Запада, эти проблемы там не решаются и не будут решаться, у них нет в этом надобности. Там преобладают эмпирические методы. Вот пример. На заре авиации Жуковский на пяти видах винта сделал порядка ста

экспериментов. Американцы решали эти проблемы на 150 видах винта, сделали десятки тысяч экспериментов. Жуковский совместно с Чаплыгиным на мизерном эмпирическом материале создали аэродинамику. Американцы не построили теории, хотя результаты были примерно те же. Интеллектуальное развитие в том направлении, о котором мы говорим, есть экономия сил. Вот что требуется. Еще пример. Вы знаете, отцом водородной бомбы является Сахаров. Если бы в то время были компьютеры, вычислительные центры, он бомбу не сделал бы. Создали бомбу, как тогда говорили, буквально с логарифмической линейкой. И опередили американцев года на 3–4» [9].

Таким образом, целостное теоретическое знание не стоит рассматривать как пережиток прошлого и элемент идеологического оснащения советского общества. Скорее можно говорить о «методологическом соблазне» позитивизма — подходе, не требующем интеллектуальных усилий для своего освоения, по сути, «профанном знании» для постмодернистского массового потребителя.

В связи с изложенным актуальной представляется не столько задача интеграции отечественной социальной психологии в методологическую структуру западной науки, основой которой являются различные формы позитивизма, а в последние годы и социальный конструкционизм (Дж. Джерджен), сколько соединение двух относительно независимых линий развития отечественной социальной психологии: диалектико-материалистического теоретизирования и позитивистского эмпирического исследования.

Кафедра социальной психологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов и ученики Б. Д. Парыгина в разных городах России по мере возможности стараются решать эту задачу. Но включение в эту работу молодых ученых, несомненно, позволит сделать это более эффективно.

Библиографический список

- 1. *Андреева Г. М.* К истории становления социальной психологии в России // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1997. № 4.
- 2. Гегель. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль, 1975. Т. 2.
- 3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 29.
- 4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность М.: Политиздат, 1975.
- 5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб: Алетейя, 1998.
- 6. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002.
- 7. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Минск.: Книжный Дом, 2003.
- 8. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории/под ред. А. В. Брушлинского. М.: ИП РАН, 1997.
- 9. Пятьдесят лет методологии: сверка курсов (дубль-интервью) 15 сентября 2003 г. URL: http://www.socialdesign.ru/zinoviev/round³.htm).

МАКРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ ТРЁХ ГРУПП КУБАНСКОЙ МОЛОДЁЖИ

А. Н. Дёмин¹

В статье проведён макропсихологический анализ образовательных притязаний учащихся средней школы, профессионально-технических училищ и колледжей, выявленных в постсоветский период. Притязания соотносятся с показателями сферы образования Краснодарского края. Для каждой из групп молодёжи установлены особенности соотношения притязаний с региональными характеристиками высшего образования, дана макропсихологическая интерпретация этих соотношений.

Ключевые слова: макропсихология, молодёжь, образовательные притязания, институциональная доступность высшего образования

In the article presents the macro psychology analysis of educational aspirations of students in secondary schools, vocational-technical schools and colleges identified in the post-Soviet period. Claims relate to the performance of education of the Krasnodar Territory. For each of the groups of young people the specific features of the ratio of claims to the regional characteristics of higher education, given macro psychology interpretation of these relations.

Key words: macro psychology, youth, educational aspirations, institutional access to higher education.

Новый для отечественной науки макропсихологический подход в немногочисленных исследованиях трактуется неоднозначно. Здесь и психологическая интерпретация объективных социальных показателей, представленных в форме статистических данных, и анализ социальных представлений, идеалов, ценностных ориентаций больших социальных групп, и отражение в общественном сознании макропроцессов, и выделение психологических факторов этих макропроцессов [15].

¹ Дёмин Андрей Николаевич — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: demin@manag.kubsu.ru

Исследование выполнено при поддержке РГНФ и администрации Краснодарского края, проект № 08-06-38603а/Ю.

Зарубежная наука имеет устойчивые традиции макропсихологических исследований, среди которых нас особо интересуют традиции изучения процессов занятости. В этой области активно взаимодействуют экономисты, психологи, социологи, специалисты по управлению человеческими ресурсами, политологи и др. Можно выделить несколько основных направлений подобных исследований.

Во-первых, это статистический анализ объективных макроэкономических и макросоциальных показателей и стремление дать им комплексную, в том числе психологическую, интерпретацию. В рамках этого направления классическими являются исследования М. Бреннера, продемонстрировавшие связь уровня безработицы со смертностью, психическими расстройствами, асоциальным поведением [25]. Данная традиция продолжается в изучении показателей сегментации рынка труда, безработицы, трудовой мобильности, алкоголизма, социального сиротства, взаимосвязей этих и других социально-экономических переменных, взятых как в национальных, так и в региональных масштабах (см., например: [26; 27; 29]).

Во-вторых, это совмещённый анализ социально-экономических и выявленных в ходе опросов психологических характеристик больших групп населения (выпускников школ, безработных, расово-этнических групп). В данном направлении получены результаты и предложены модели, демонстрирующие реципрокную, т.е. взаимную, зависимость обобщённых оценок, объяснений, мотиваций, психологического самочувствия людей с функционированием рынка труда и социальной сферы (оборот рабочей силы, безработица, дискриминация, правонарушения) [28; 30; 31 и др.].

В отечественной науке макропсихологический подход к процессам занятости — новая область исследований. Ему близки складывающиеся макроподходы в смежных областях: исследование качества жизни и субъективного экономического благополучия населения, динамика ценностных ориентаций социальных групп с разными статусами в сфере занятости, отношение к деньгам, экономическая ментальность, макропсихологическое состояние общества в целом [15; 17; 18]. Если исходить из того, что психология занятости изучает психологические явления и закономерности, которые связаны с вовлечением населения в различные виды и формы трудовой занятости, участием в них и выходом/исключением из них [9, с. 66], то очевидно, что одним из её объектов должны выступать карьерные ориентации. В них реализуется отношение людей к способам и институтам построения карьеры, они включают в себя профессиональные предпочтения, образовательные планы и притязания, должностные и финансовые притязания, предпочитаемые места работы, трудовые ценности, отношение к безработице, готовность к трудовой мобильности и т.п. Данные компоненты включены в механизм адаптации молодёжи к социальным изменениям [7; 13; 20].

В данной статье мы сосредоточились на таком компоненте карьерных ориентаций, как образовательные притязания. Они характеризуют тот уровень образовательного статуса, который человек считает для себя достаточным (соответствующий статус предполагает получение общего среднего, начального профессионального, среднего профессионального образования).

Цель статьи — изучить соотношение образовательных притязаний разных групп кубанской молодежи с показателями региональной системы профессионального образования в постсоветский период. Дополнительно мы решали задачу накопления методических подходов и теоретических обобщений в рамках макропсихологического анализа карьерных ориентаций молодёжи.

В статье реализуется подход, который характеризуется несколькими особенностями.

Во-первых, будет проведён совмещённый анализ образовательных притязаний больших социально-возрастных групп молодёжи и статистических показателей большой социо-экономической среды (сферы образования). Возможность такого совмещения заложена в принципиальной сопоставимости показателей. Как заметил А.В. Юревич, «довольно трудно найти существенный для общества и потому фиксируемый в статистических справочниках показатель, который был бы полностью лишён психологического значения» [24, с. 283]. Совмещённый анализ предполагает построение динамических рядов (временных последовательностей) как психологического, так и социально-экономического, т. е. он одновременно становится сравнительно-историческим анализом.

В этом случае, как было установлено нами ранее [8], требуется изучать степень синхронизации/десинхронизации психологических характеристик и социально-экономических (исторических) факторов. Речь идёт о том, в какой степени и как долго совпадают темпы и ритмы психологических и непсихологических изменений, что опережает, а что отстаёт, в какой последовательности это происходит и т. д. Также требуется детализация социально-экономических (исторических) ситуаций, выделение в них разнообразных параметров. Данная проблема по своему содержанию не является чисто психологической, но без её решения трудно продвигаться в сравнительно-исторических изысканиях. Как показывает анализ литературы, психологи склонны ограничиваться предельно общими характеристиками исторических ситуаций, указывая на тотальные или очень серьёзные изменения, например, распад СССР, дефолт и т.п. Между тем любые масштабные изменения погружены в потоки менее значительных, непрерывных и частных изменений, которые нужно научиться фиксировать.

Во-вторых, основной масштаб анализа в нашем исследовании — региональный. С одной стороны, это детализация социально-экономических ситуаций,

позволяющая учитывать идеи психологов о важной роли локальных/региональных сообществ и институтов в развитии человека (У. Бронфенбреннер, Р. Каталано, Г. Элдер и др.). С другой стороны, многие исследования, претендующие на обобщения в общероссийских масштабах, фактически региональны, в лучшем случае — межрегиональны; именно поэтому развитие региональной психологии представляется очень важным и перспективным, дающим возможность для сравнительного анализа и обобщения результатов, полученных на разных территориях.

В-третьих, внимание будет сосредоточено на тех больших группах учащейся молодёжи, которые готовятся переместиться в другую образовательную среду или выйти на рынок труда. Тем самым закладываются возможности для объединения в анализе и интерпретации различных этапов социализации молодёжи. Обращаясь к молодёжи, мы опираемся на фундаментальные положения К. Манхейма и Э. Эриксона, неоднократно подтверждённые исследованиями отечественных и зарубежных учёных, о том, что в подростковом возрасте, юности и молодости человек наиболее чувствителен к особенностям текущего исторического момента, поэтому новые ценности, технологии, идеологические течения и способы жизни оказывают на него особенно сильное влияние. Одновременно молодой человек своей активностью, убеждениями и потенциями закладывает контуры будущих социальных институтов и перемены в обществе [16; 23].

Эмпирической базой исследования выступили две группы источников.

1. Первичные и вторичные (обобщённые и опубликованные) данные, собранные в 1996 (развёртывание радикальных реформ в стране), 2001 и 2006 гг. (относительная стабилизация социально-экономической ситуации) в рамках обследований молодёжи в г. Краснодаре. Все обследования проводились по идентичной программе, охватывали те группы молодёжи, которые находятся в переходных точках жизненного пути (учащиеся 11-х классов общеобразовательных школ, учащиеся выпускных курсов ПТУ и колледжей, поступившие туда после 9-го класса). Соотношение численности опрошенных групп молодёжи в целом соответствует распределению учащихся по ступеням образования (только в 1996 г. количество опрошенных студентов колледжей незначительно превысило количество опрошенных 11-классников). В табл. 1 представлены структуры выборок для каждого года обследования.

В ряде случаев, которые специально оговариваются в тексте, привлекались данные о притязаниях молодёжи, полученные в более ранние периоды в других регионах. Это делалось для расширения временных рядов эмпирических показателей и оценки общих тенденций в развитии интересующего нас феномена.

Образовательные притязания измерялись с помощью шкалы, предложенной Е.И. Головахой и В.С. Магуном [6]. Она была незначительно модифи-

 $\begin{tabular}{l} $\it Taблица~1$ \\ \begin{tabular}{l} $\it C$ труктура выборок в обследованиях 1996, 2001 и 2006 гг., чел

Год	Учащиеся 11-го класса (16 лет)	Учащиеся выпускно- го курса ПТУ (17 лет)	Студенты выпускного курса колледжей (18 лет)	Всего
1996	384	106	395	885
2001	372	168	293	833
2006	283	153	255	691

цирована, в частности, не использовалась позиция «аспирантура», но были добавлены 4 дополнительных пункта, включающих комбинации школы, профессионально-технического училища (ПТУ), колледжа и вуза с курсами обучения/переобучения. В итоге на вопрос «Какое образование Вы считаете для себя достаточным?» респондентам предлагалось выбрать один из следующих вариантов ответа: средняя школа; средняя школа и какие-нибудь курсы обучения/переобучения; профессиональное училище и какие-нибудь курсы обучения/переобучения²; техникум, колледж; техникум, колледж и какие-нибудь курсы обучения/переобучения; институт, университет; институт, университет и какие-нибудь курсы обучения/переобучения. При обработке смежные пункты (например, «профессиональное училище» и «профессиональное училище и какие-нибудь курсы обучения/переобучения») могут объединяться, в результате чего итоговые показатели становятся сопоставимыми с данными Е. И. Головахи, В. С. Магуна и других исследователей, работавших с данным инструментом.

2. Статистические данные о состоянии системы образования Краснодарского края с 1990 по 2008 г. Выбор 1990 г. в качестве точки отсчёта объясняется следующими причинами: он относится к советской эпохе, предшествует началу «шоковых» реформ, представлен в официальных статистических публикациях, соответствующие показатели позволяют количественно оценить переход от советской эпохи к постсоветской. Выбор 2008 г. в качестве финальной точки обусловлен тем, что это дата последних доступных статистических данных, позволяющая к тому же учесть инерцию социопсихологических процессов (воплощение притязаний в реальные перемещения молодёжи, особенно учащихся профессиональных школ, на другие уровни образования).

Первоначально планировалось использовать статистические данные по г. Краснодару, но в интересующем нас интервале времени они оказались недоступны. Тем не менее мы полагаем, что соотнесение показателей притязаний молодых людей, проживающих в Краснодаре, с социально-экономическими

 $^{^2}$ Приводится версия шкалы для 11-классников. В шкалу для учащихся ПТУ и колледжей пункты, упоминающие среднюю школу, не включались.

Таблица 2 Динамика притязаний на высшее образование среди разных групп молодёжи, % от числа опрошенных

Группы молодёжи		Год	Год	
	1996	2001	2006	
11-й класс	83,6	88,6	92,6	
ПТУ	16	46,9	53,6	
Колледж	66,1	76,3	83,9	

показателями всего края уместно и позволяет выявлять некоторые общие тенденции.

При сборе статистических показателей о региональных системах образования и рынка труда мы стремились соблюдать содержательное соответствие между карьерными ориентациями и объективными социально-экономическими переменными, о чём подробнее будет сказано далее.

Результаты исследования, их обсуждение

Согласно собранным эмпирическим данным в обследованных группах молодёжи ведущее место в структуре притязаний занимает высшее образование, поэтому далее сосредоточимся на этом уровне целей (табл. 2).

У 11-классников образовательные притязания характеризуются, во-первых, изначально очень высоким уровнем, во-вторых, плавным увеличением, которое за период 1996—2006 гг. составило тем не менее 9%, что весьма существенно; при этом притязания стали близки к абсолютному пределу.

В середине 1990-х гг. выпускники ПТУ демонстрировали самый низкий уровень притязаний на высшее образование (более чем пятикратный разрыв с уровнем притязаний у 11-классников), что вполне объяснимо: молодые люди, выбравшие данный уровень профессионального образования, как правило, имели проблемы с обучением в общеобразовательной школе. Это в основном молодежь из малообеспеченных семей — 75% отмечали, что в их семьях не могут позволить себе покупать товары длительного пользования (холодильник, телевизор и т.п.) [4, с. 13]. Через пять лет картина изменилась. Если в середине 1990-х гг. только 16% из завершающих обучение в ПТУ назвали высшее образование в качестве достаточного для себя уровня, то в 2001 г. их число выросло почти в 3 раза, достигнув 46,9% (этот уровень целей стал однозначно доминировать среди учащихся ПТУ). Ещё через пять лет доля притязающих на высшее образование выросла ещё на 6,7%.

У выпускников колледжей образовательные притязания неуклонно росли в исследуемый период: общая прибавка в ориентации на высшее образование составила почти 18%, а уровень этой ориентации превысил 80%. По-видимому,

Таблица 3 Численность учащихся, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании, показатели приёма студентов в вузы Краснодарского края и показатель институциональной доступности высшего образования в 1990–2008 гг.

Год	Численность учащихся,	Приём студентов в государ-	Показатель институ-
	получивших аттестат о среднем (полном) общем	ственные и негосударствен-	циональной доступности
	о среднем (полном) оощем образовании, тыс. чел.	ные вузы на очные и заоч- ные отделения, тыс. чел.	высшего образования, %
1000		* * * * * * * * * * * * * * * * * * * *	17
1990	53,5	9,3	17
1992	49,2	9,5	19
1993	47,2	10,7	23
1994	47,0	12,6	27
1995	49,2	14,2	29
1996	53,3	15,3	29
1997	55,4	19,4	35
1998	58,9	20,4	35
1999	62,0	19,9	32
2000	65,1	25,4	39
2001	66,1	27,7	42
2002	65,9	34,7	53
2003	66,9	39,1	58
2004	67,2	40,4	60
2005	62,3	40,8	65
2006	59,7	39,7	66
2007	55,5	43,6	79
2008	48,9	42,2	86

многие представители данной социальной группы обучение в колледже рассматривали всего лишь как ступеньку или тактический ход для получения высшего образования.

Таким образом, за годы реформ образовательные притязания разных групп молодёжи возрастали, хотя и в разной степени. Во второй половине 2000-х гг. их уровни стали значительно ближе друг к другу, чем в середине 1990-х гг.

В табл. 3., составленной на основе источников, полученных в территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю, представлены три основных показателя региональной высшей школы. В первую очередь следует обратить внимание на производный показатель, предложенный нами и названный институциональной доступностью высшего образования (ИДВО). Он демонстрирует место высшего образования как института социализации в структуре жизненного пути

и профессионального развития молодёжи, проживающей в данном регионе. Значение ИДВО в каждый конкретный год определяется через отношение численности студентов, принятых в вузы, к численности учащихся, получивших аттестат о среднем общем образовании, окончивших общеобразовательные учреждения, профтехучилища и техникумы; полученная величина умножается на 100. Таким образом, ИДВО отражает долю принятых в вузы среди тех, кто получил аттестат о среднем общем образовании в соответствующем году; данный показатель сопоставим с показателем образовательных притязаний молодёжи — в обоих случаях определяется удельный вес людей с соответствующим социальным статусом (или психологической характеристикой) в изучаемой популяции. В будущем данный показатель следует детализировать, поскольку не все молодые люди, получающие аттестат в текущем году, сразу поступают в вузы; но и в такой форме он позволяет фиксировать масштабы перемещения молодёжи в сферу высшего образования.

Как следует из табл. 3, показатель ИДВО неуклонно рос на протяжении всего постсоветского периода. Если в 1990 г. 17% получивших аттестат о среднем общем образовании были приняты в вузы Краснодарского края на все формы обучения, то в 2006 г. эта доля выросла в 3,9 раза и составила 66%, а в 2008 она увеличилась уже в 5 раз, составив 86%.

С чем может быть связан рост предложения услуг в сфере высшего профессионального образования? Если искать ответ в экономической плоскости, за пределами сферы образования, то здесь мы вряд ли найдём приемлемые объяснения, поскольку неудачная структурная перестройка экономики, её деиндустриализация и снижение наукоёмкости не содержат в себе запроса на людей с высшим образованием.

По-видимому, ключевую роль в расширении региональной системы высшего образования сыграли притязания (запросы) подавляющей части молодёжи, которые сложились ещё в советский период. Высказанное суждение относится прежде всего к притязаниям выпускников общеобразовательных школ, потому что имеются сопоставимые показатели. Судя по опубликованным данным, в 1985 г. 82,5% представителей этой категории молодёжи притязали на высшее образование [5, с. 65], в 1990–1991 гг. — 82% [14, с. 11]. Показатели получены не в Краснодарском крае, поэтому возникает вопрос, насколько сопоставимы разные регионы? Приведём мнение В.С. Магуна, анализирующего три этапа собственного исследования, проведённого с использованием инструментария, на который опирались и мы, в 1985, 1990-1991 и 1995 гг. Он пишет, что подавляющее большинство (80-90%) учащихся выпускных классов, опрошенных на всех этапах исследования, заявили, что стремятся окончить институт или университет; кроме того, различные города в этом плане сегодня практически не отличаются [13, с. 11]. Этот вывод подтверждается и другими авторами, проводившими сравнительные исследования образовательных планов (это не притязания, но очень близкий к ним феномен) в разных регионах Российской Федерации и СССР [21].

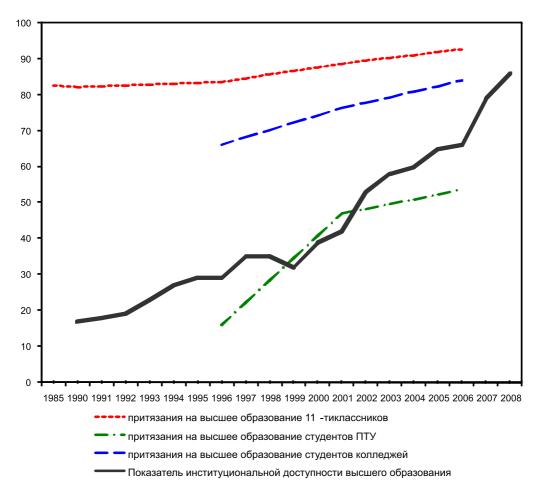
Иными словами, данные, характеризующие краснодарских школьников в 1996 г., корректно соотносить с данными, полученными в советский период в других регионах. Высокие притязания этой группы молодёжи «повели» за собой высшую школу, выступили тем рубежом, на который она стала ориентироваться и к которому стала неуклонно приближаться весь постсоветский период (см. рисунок): разрыв между притязаниями и показателем ИДВО сокращается с условных 65% в 1990 г. до 54,6% в 1996 г., 26,6% в 2006 г., а с учётом 2008 г. — до 6,6%.

Похожая картина наблюдается и в отношении учащихся колледжей: разрыв между показателем ИДВО и их образовательными притязаниями сокращается с 37,1% в 1996 г. до 17,9% в 2006 г., а в 2008 г. показатель ИДВО начинает даже превосходить их притязания на 2,1%. По-видимому, данная категория молодёжи, влияя на расширение региональной системы высшего образования, выступает всё же силой второго эшелона — вслед за выпускниками общеобразовательных школ. Будущее покажет, станет ли она силой первого эшелона или нет.

Притязания выпускников общеобразовательных школ и колледжей были чутко уловлены предприимчивыми менеджерами высшей школы, которые увидели в их удовлетворении возможность не только экономического выживания вузов в новых социальных условиях, но и увеличения личных доходов. В отсутствие стратегии развития высшей школы и соответствующих стратегических ограничителей это было естественным и закономерным явлением.

У учащихся ПТУ рассматриваемое взаимодействие характеризуется иной динамикой. Их образовательные притязания изначально были ниже показателя ИДВО, поэтому сближение с этим показателем в 2001 г. следует объяснять ведущей ролью сферы высшего образования. Она подтягивала к себе притязания, выступая социальным эталоном для данной группы молодёжи. После 2001 г. показатели притязаний и ИДВО стали расходиться, вторые росли значительно быстрее, подтверждая тем самым свою независимость от первых. Всё это свидетельствует об особом статусе группы учащихся ПТУ в системе регионального образования. С одной стороны, на её притязания не могли не повлиять общие социальные процессы и процессы в сфере высшего образования, с другой стороны, у этой группы уже после 9-го класса формируется такая карьерная линия, которая затрудняет получение высшего образования. О причинах мы уже упоминали: проблемы с успеваемостью в школе, выход из малообеспеченных семей; сюда следует добавить достаточно высокую определённость трудового будущего, в котором объективно нет места высшему образованию.

В целом можно заключить, что динамика психологического и социальноэкономического в сфере образования имеет сходную направленность. Более

Притязания разных групп молодёжи на высшее образование и динамика показателя институциональной доступности высшего образования

того, представленные данные демонстрируют конвергенцию (сближение) образовательных притязаний учащейся кубанской молодёжи и интегрального показателя региональной системы высшего образования. В рамках этой конвергенции притязания двух групп молодёжи — 11-классников и студентов колледжей выступают ведущим, провоцирующим началом. Разумеется, нельзя не учитывать и обратное влияние: расширяющееся предложение образовательных услуг поддерживало и способствовало росту образовательных притязаний, но, скорее всего, такое обратное влияние стало проявляться только во второе десятилетие постсоветского периода (в отношении притязаний учащихся ПТУ оно имело место на протяжении всего постсоветского периода).

Осмысление проблемы взаимодействия психологического и социально-экономического побуждает обратиться к теоретическим наработкам в области притязаний.

К. Левин и его коллеги предлагали довольно сложную целевую структуру уровня притязаний, в которую входят: цель мечты; более реалистичная цель намерения; уровень, которого человек ожидает достигнуть при объективной оценке ситуации; низкий уровень, которого он достигает, если счастье от него отвернется. «Где-то на данной шкале будет расположено то, что можно назвать целью действия, т.е. то, что человек «пытается сделать в данное время»; где-то выше будет находиться идеальная цель» [12, с. 87–88]. Расстояние между идеальной целью и целью действия было названо «внутренним несоответствием».

По замечанию Б.С. Братуся, в большинстве исследований уровня притязаний изучались либо идеальные, либо реальные цели и мало внимания уделялось их соотношению [2]. Это достаточно странная ситуация, поскольку в общепсихологических моделях порождения поведения неоднократно указывалось на важность обратного. Например, Ж. Нюттен, подводя итог своих многолетних исследований мотивации, выделил два аспекта в процессе целеполагания — творческий и реалистический. Переход к эффективному (рациональному) поведению обусловливается взаимодействием фантазий и реальности [32], или, по терминологии К. Левина, особенностями «внутреннего несоответствия».

В рамках проводимого макропсихологического анализа идеальной целью той или иной группы молодёжи является доля ответов о достаточности высшего образования; индикатором же реальной цели (цели действия) может выступать показатель институциональной доступности этого уровня образования. Такой индикатор цели действия выбран потому, что он post-factum свидетельствует о результатах оценки молодыми людьми реальной ситуации после окончания школы и принятии ими решения по поводу своего дальнейшего образования.

На протяжении всего постсоветского периода у большей части обследованной учащейся молодёжи мы наблюдаем неуклонное, ускоряющееся сближение идеальных образовательных целей и реальных целей, которые могли быть достигнуты в складывавшейся ситуации. Это означает, что дистанция между желаемым положением вещей и осознаваемыми внешними ограничениями всё время уменьшалась. Почему? На наш взгляд, это произошло из-за соединения двух факторов.

Во-первых, имел место отложенный спрос на высшее образование, т. е. соответствующие неудовлетворённые потребности молодёжи, которые сформировались ещё в советское время. Об этом свидетельствуют как уже упоминавшиеся, так и другие литературные источники. В частности, В. Н. Шубкин полагает, что советская школа ориентировалась на подготовку учащихся для вузов

ещё в предвоенный период (1930-е гг.) соответствующие ориентации выпускников школ подкреплялась «демографическим эхом войны» в конце 1950-х — начале 1960-х гг. [22].

Во-вторых, в постсоветский период в рамках так называемого «рывка к свободе» государство отказалось от регулирования рынка труда и, следовательно, образования, а работодатели никак не обозначили себя в образовательной политике. По этой причине механизм социально-профессионального отбора и восхождения оказался в поле воздействия преимущественно одной силы — молодых людей и стоящих за ними домохозяйств с их социальными, финансовыми и прочими ресурсами и амбициями.

Радикальное сближение идеальных и реальных целей, приведшее к поистине революционному преобразованию «внутреннего несоответствия» в образовательных притязаниях, свидетельствует о принципиально ином психологическом статусе современной молодёжи по сравнению с советскими сверстниками. Этот психологический статус обнаруживает себя в специфических феноменах. Один из них — массовые элимарные профессиональные ориентации, освобождённые от социально-экономических ограничений.

Термин «элитарные профессиональные ориентации» в середине 1990-х гг. ввёл Н.С. Пряжников. Стремление к элитарности — это «стремление к ощущению (переживанию) значимости собственной жизни как в собственных глазах, так и в глазах окружающих людей»; это стремление человека к лучшему [19, с. 127]. Н. С. Пряжников справедливо отмечает, что существуют различные его проявления и пути реализации (выбор престижных профессий, совершенствование в избранном деле, идентификация с представителями элитной профессиональной группы и др.). Соглашаясь с подходом Н. С. Пряжникова, заметим, что элитарные профессиональные ориентации существовали и в советское время, но они были разнообразнее, а главное, регулировались потребностями экономики. Как только последнее обстоятельство стало сходить на нет, появился постсоветский вариант элитарности: самореализация как таковая, самореализация без учёта реальных возможностей трудоустройства, самореализация, в которой важна не столько профессиональная, сколько доходностатусная компонента (потому что доход и статус стали доминирующими критериями социальной оценки) или компонента исключительности, неординарности. Этим можно объяснить фиксируемый на протяжении двух десятилетий стабильно высокий интерес молодёжи к узкому кругу профессий, среди которых присутствуют, с одной стороны, профессии, ассоциируемые с доходом (юрист, экономист, менеджер и т. п.), с другой стороны, редкие или новые для общественного сознания виды деятельности (дизайнер, модельер, архитектор, психолог и др.) $[3; 10]^3$.

³ Здесь мы ссылаемся на результаты обследования кубанской молодёжи, но, если судить по публикуемым данным, аналогичная ситуация сложилась во многих регионах России.

При объяснении постсоветских массовых элитарных ориентаций следует отметить тенденцию превращения высшего образования в «зал ожидания» для определённой части выпускников (терминология У. Бека). Суть данного понятия в следующем: отсутствие надёжных перспектив хорошо оплачиваемой и престижной работы приводит к тому, что профессиональное образование теряет функцию профессиональной подготовки к будущей работе и становится самоценным, т.е. самостоятельной сферой занятости и самореализации молодых людей [1]. Соответственно при выборе целого ряда профессий экономическая целесообразность вообще отсутствует, а пребывание в высшей школе рассматривается как отсрочка встречи с реальностью рынка труда. Одновременно в высшей школе активно распространяются инновационные, экспериментальные методы и формы обучения, которые являются уже формой самореализации преподавателей (чьи трудовые перспективы, к слову сказать, в последнее время также становятся ненадёжными).

С преобразованием структуры образовательных притязаний и массовым распространением элитарных профессиональных ориентаций, освобождённых от социально-экономических ограничений, связано ещё несколько явлений. Перечислим их.

В условиях, когда образовательные притязания получают всё больше шансов для своего воплощения в образовательные траектории, становятся малопригодными традиционные профориентационные технологии, базирующиеся на триаде «хочу — могу — надо». Компонент «хочу» заглушает два других компонента. Вероятно, в этом причина глубокого кризиса системы профориентационной работы в школах. Специалистам трудно апеллировать к способностям молодых людей и реальным потребностям рынка труда, когда под их желания уже конструируются учебные места.

Другое явление: новые по своей внутренней структуре и содержательному наполнению образовательные притязания приводят к замещению ориентации на получение знаний жаждой статуса. Для весьма значительной части студентов важен только диплом, который даёт возможность претендовать в будущем на занятие более высоких должностных позиций или избежать в настоящем неблагоприятных для себя социальных исходов (например, для юношей поступление в вуз было и остается способом избежать армии). Влияют ли данные процессы на дух высшей школы? По-видимому, влияют. Изменения в мотивации учения молодёжи сказываются на организации учебного процесса, отношении к нему как самих молодых людей, так и их родителей и преподавателей, а в более широком плане ведут к деквалификации и профессиональному цинизму (т.е. пренебрежению профессиональными этическими нормами) участников рынка труда.

Следствием лёгкой реализуемости притязаний на высшее образование стали изменения в сфере трудовой занятости: доля лиц с высшим образованием

в экономике Краснодарского края выросла с 14,3% в 1992 г. до до 24,6% (25,7% среди работающих по найму) в 2008 г. Это не могло не привести к изменению социальных ожиданий на рынке труда. Всё чаще при приёме на работу желательно или необходимо иметь высшее образование, даже если оно объективно не требуется. В итоге люди стремятся обрести соответствующий квалификационный документ. Здесь имеет место социально-психологический механизм взаимного индуцирования ожиданий социальных групп, с одной стороны, и организаций, с другой стороны.

Заключение

Предложенный подход к макропсихологическому анализу образовательных притязаний молодёжи позволил установить тип их взаимодействия (конвергенция) с важными параметрами сферы высшего образования Краснодарского края в постсоветский период.

По результатам исследования мы имеем основания рассматривать идеальные цели образовательных притязаний как ту психологическую характеристику молодёжи (речь идёт только о выпускниках средней школы и колледжей), которая оказывала прямое стимулирующее влияние на расширение регионального высшего образования в постсоветский период. Иными словами, на довольно длительном интервале времени мы фиксируем влияние психологического на социально-экономическое в конкретной области.

Вероятно, внутренние структуры образовательных притязаний современной и советской молодёжи очень сильно отличаются: после начала реформ произошло радикальное сближение идеальных и реальных целей, т.е. почти исчезло «внутреннее несоответствие» в притязаниях. Это способствовало массовому распространению элитарных профессиональных ориентаций, освобождённых от социально-экономических ограничений, кризису института профессиональной ориентации школьников, изменению мотивации учения в высшей школе, изменению социальных ожиданий на рынке труда. Гипотетически новая структура образовательных притязаний должна быть связана с формированием нового типа работника, новых форм и механизмов реализации карьеры.

А. Л. Журавлёв и А. В. Юревич видят значение макропсихологии в её высокой социальной релевантности, т.е. в способности участвовать не только в «малых», но и в «больших делах», таких, как оценка общего состояния общества, выработка программ его развития и т.п. [11, с. 6].

Итоги исследования приводят к выводу о том, что специфическая модель «экономики спроса», которая доминировала в отечественном высшем образовании, по-видимому, себя исчерпала. Молодёжь и стоящие за нею домохозяйства не могут быть ведущими субъектами образовательной политики. Вряд ли на эту роль могут претендовать и менеджеры того сегмента высшей школы, которые

в 1990 и 2000-е гг. активно удовлетворяли элитарные профессиональные ориентации молодёжи, сформировали для этого соответствующие структуры и естественным образом заинтересованы в их сохранении. Очевидно, что роль государства и бизнеса в регулировании процессов учебной занятости должна быть более весомой. С психологической точки зрения их функция — поддерживать оптимальное «внутреннее несоответствие» в образовательных притязаниях молодёжи. Если говорить о государстве, то оно уже пытается осуществлять данную функцию (сокращение числа вузов, перераспределение бюджетных квот между специальностями, внедрение системы ЕГЭ — тому пример) и её дальнейшее усиление неизбежно. Важно, чтобы принимаемые решения были социально адекватными и эффективными (например, не вели к массовой безработице среди преподавателей и т.д.), при этом задачи психологической науки — предлагать обоснованные оптимумы «внутреннего несоответствия», давать психологическую оценку возможных последствий принимаемых решений.

В целом значение проведённого исследования мы видим в создании методических, эмпирических, теоретических заделов для дальнейшего макропсихологического анализа образовательных притязаний и других карьерных ориентаций кубанской молодёжи, а также в возможности макропсихологической экспертизы социально-экономической политики на региональном и — при наличии данных — общероссийском уровнях.

Библиографический список

- 1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- 2. Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
- 3. Выбор профессии: профессиональные и социальные ориентации выпускников общеобразовательных школ: информационный бюллетень/авт.-сост. А. Н. Дёмин. Краснодар: Краснодарский городской центр занятости населения, 1996.
- 4. Выпускники профтехучилищ и колледжей, работающая молодёжь Краснодара: профессиональные и социальные ориентации: информационный бюллетень/авт.-сост. А.Н. Дёмин. Краснодар: Краснодарский городской центр занятости населения, 1996.
- 5. *Головаха Е. И.* Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988.
- 6. *Головаха Е.И., Магун В.С.* Теоретические и методические проблемы исследования // Профессиональное самоопределение и трудовой путь молодёжи/под ред. В. Л. Оссовского. Киев: Наукова думка, 1987.
- 7. Дёмин А. Н. Адаптация молодежи к социальным изменениям // Социальные изменения в России и молодежь/науч. ред. В. Магун. М.: Московский общественный научный фонд, 1997.
- 8. Дёмин А.Н. Историческое время и психологические характеристики человека. Возможно ли их соединение в исследованиях современности? // Личность как субъект организации времени своей жизни. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.

- 9. *Дёмин А. Н.* Справочник по психологии труда и психологии занятости. Краснодар: Просвещение-Юг, 2010.
- 10. Дёмин А.Н., Журавлёва Е.А. Профессиональные планы и притязания учащихся общеобразовательных школ Краснодарского края на примере шести муниципальных образований: аналитическая записка. Краснодар: ГУП «Карьера», 2008.
- 11. *Журавлёв А.Л., Юревич А.В.* Введение // Макропсихология современного российского общества/под ред. А.Л. Журавлёва, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- 12. Λ евин К., Дембо Т., Фестингер Λ ., Сирс П. Уровень притязаний // Психология личности: тексты. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- 13. *Магун В. С.* Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодёжи: 1985—1995 годы // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодёжи: 1985—1995 годы. М.: Изд-во Института социологи РАН, 1998.
- 14. *Магун В. С., Литвинцева А. З.* Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. М.: Институт социологии РАН, 1993.
- 15. Макропсихология современного российского общества/под ред. А. Л. Журавлёва, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- 16. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- 17. Проблемы экономической психологии/отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. Т. 1.
- 18. Проблемы экономической психологии/отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. Т. 2.
- 19. *Пряжников Н. С.* Психологический смысл труда. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997.
- 20. *Рожков А. Ю., Дёмин А. Н., Самаркина И. В.* Социальные проблемы кубанской молодёжи в условиях изменяющегося общества 1920-х и 1990-х годов. Краснодар: ИЭиУКГМА, 2004.
- 21. Руткевич М. Н., Потапов В. П. После школы: Социально-профессиональные ориентации молодёжи. М.: Мин-во труда РФ, 1995.
- 22. Шубкин В. Н. Начало пути (проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы.). М.: Молодая гвардия, 1979.
- 23. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис: пер. с англ./общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Изд. группа «Прогресс», 1996.
- 24. *Юревич А.В.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Макропсихология современного российского общества/под ред. А. Л. Журавлёва, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- 25. Brenner M. H. Mental Illness and the Economy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973.
- 26. Burchell B. Towards a social psychology of the labour market: or why we need to understand the labour market before we can understand unemployment? // Journal of Occupational & Organizational psychology. 1992. Vol. 65, № 4.
- 27. *Catalano R., Lind S. L., Rosenblatt A. B., Attkisson C. C.* Unemployment and foster home placements: estimating the net effect of provocation and inhibition // American Journal of Public Health. 1999. Vol. 89, № 6.

- 28. *Darity W. Jr., Goldsmith A. H.* Social psychology, unemployment and macroeconomics // Journal of Economic Perspectives. 1996. Vol. 10, № 1.
- 29. *Dooley D., Catalano R.* Unemployment and alcohol disorder in 1910 and 1990: Drift versus social causation // Journal of Occupational & Organizational Psychology. 1992. Vol. 65, № 1.
- 30. *Goldsmith A.H., Veum J.R.* Unemployment, joblessness, psychological well-being and self-esteem: theory and evidence // Journal of Socio-Economics. 1997. Vol. 26, № 2.
- 31. *Elmslie B., Sedo S.* Discrimination, social psychology, and hysteresis in labor market // Journal of Economic Psychology. 1996. Vol. 17, № 4.
- 32. Nuttin J. Motivation, planning, and action. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Ass., 1984.

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КЛИМОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

O. Г. Hоскова¹

Статья посвящена юбилею видного отечественного психолога Е. А. Климова. Раскрыта научная биография учёного, показан его вклад в психологию труда и смежные отрасли психологии, в практическую деятельность психологов, подготовку научных кадров и популяризацию психологии.

Ключевые слова: психология труда, профессия, становление профессионала.

The article is devoted to the anniversary of a prominent national psychology E.A. Klimov. The scientific biography of the scientist shows its contribution to the psychology of work and related areas of psychology, the practice of psychologists, science education and popularization of psychology.

Key words: psychology of work, profession, becoming a professional.

Исполнилось 80 лет Евгению Александровичу Климову. Для многих психологов нашей страны этот человек стал образцом беззаветного служения народу, науке. Для современной психологии труда и многих ее приложений работы Е. А. Климова являются надежным фундаментом.

Е. А. Климов — доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии профессий и конфликта факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, академик Российской академии образования, действительный член Международной академии психологических наук и Международной академии информатизации. Он родился 11 июня 1930 г. в селе Вятские Поляны Кировской области в крестьянской семье. Окончил отделение русского язы-

¹ Носкова Ольга Геннадьевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Эл. почта: nog4813@mail.ru

ка, логики и психологии историко-филологического факультета Казанского университета (1953), ученик профессора Вольфа Соломоновича Мерлина. В 1953−1968 гг. работал преподавателем на кафедре педагогики и психологии Казанского университета и одновременно (1953−1956) вел уроки логики и психологии в средней школе № 1 Казанской железной дороги; в 1969−1976 гг. заведовал отделом психологии труда ВНИИ профтехобразования Госпрофобра СССР в Ленинграде.

В 1959 г. Е.А. Климов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Индивидуальные особенноститрудовой деятельноститкачих-многостаночниц в связи с подвижностью нервных процессов», в 1969 г. ему присвоена ученая степень доктора наук за диссертацию на тему «Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. К психологическим основам научной организации труда, учения, спорта».

В 1976-1980 гг. Е.А. Климов — профессор кафедры психологии Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена (ныне — Российский государственный педагогический университет). В 1980 г. он был приглашен на факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Здесь Евгений Александрович заведовал кафедрой психологии труда и инженерной психологии (с 1983 по 2002) и руководил факультетом психологии МГУ им. М.В. Ломоносова как декан (с 1986 по 2000). Это был тяжелый для нашей страны период, годы радикальной смены идеологии, социально-политических и экономических отношений. В это трудное время Евгению Александровичу удалось сохранить ранее сложившиеся научные направления и содействовать поступательному развитию обучения студентов-психологов и научных исследований. Е.А. Климов был первым организатором и председателем Научнометодического совета Учебно-методического объединения университетов РФ по психологии (1988–2000), организовал разработку первых государственных образовательных стандартов подготовки специалистов-психологов. По итогам конкурса, организованного Российским психологическим обществом (2000), факультет психологии МГУ был признан лучшим в стране по подготовке профессиональных психологов и отмечен призом «Золотая Психея».

Евгений Александрович много сил отдавал и отдает общественной и научно-организационной работе в качестве председателя экспертного совета по педагогике и психологии ВАК РФ (1998–2001), председателя специализированного совета при МГУ по защите докторских диссертаций, главного редактора журнала «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология» (1986–2000), члена редсовета журнала «Вопросы психологии» и некоторых других журналов.

Е. А. Климов — один из инициаторов возрождения профессионального психологического сообщества России в начале 1990-х гг. В эпоху, последовавшую за распадом СССР, он вместе с А.В. Брушлинским, В.Д. Шадриковым,

В. В. Рубцовым, Т. Ю. Базаровым, М. И. Марьиным и другими ведущими психологами участвовал в разработке Устава Российского психологического общества, программы его деятельности [10; 25]. Научный, организаторский талант и личностный авторитет ученого помог психологам страны объединиться для осмысленной, полезной совместной деятельности. Дважды (в 1994 и 1998) Е. А. Климов избирался Президентом Российского психологического общества.

Евгений Александрович известен психологической общественности как ведущий специалист в области дифференциальной психологии и психофизиологии труда, психологического профессиоведения, психологии профориентации и профконсультации, в исследовании проблем психологии профессиогенеза, формирования необходимых особенностей профессионального сознания и самосознания субъекта труда, в методологии, теории и истории психологии труда, автор широко известной классификации профессий.

Е. А. Климов — пионер изучения проблем индивидуального стиля трудовой деятельности в нашей стране. В кандидатской диссертации ему удалось обнаружить, что среди ткачих-многостаночниц, перевыполнявших норму выработки, были работницы, обладавшие противоположными биодинамическими свойствами, а именно свойствами подвижности/инертности нервных процессов. Выделив в результате психофизиологического обследования две группы ткачих (подвижных и инертных), он наблюдал за особенностями их профессиональной деятельности, беседовал с представительницами этих групп с целью выявления своеобразных профессиональных стратегий, рефлексии, системы трудовых ценностей. В результате были установлены приемы подготовительных, ориентировочных и исполнительных действий, специфичные для подвижных и инертных работниц. Интересно, что наиболее ярко различия в стиле трудовой деятельности (как ее внешних поведенческих форм, так и внутренних, ментальных проявлений) обнаруживались именно у работниц-новаторов, отличавшихся высокой побудительной мотивацией труда, творческим отношением к делу. Отсюда ученым был сделан вывод о том, что эффективный индивидуальный стиль трудовой деятельности не образуется сам собой, стихийно, случайно, но оказывается продуктом творческого поиска работника, рационализирующего свой труд с максимально возможным учетом социальнопрофессиональных требований и собственных возможностей и ограничений.

Признание реально существующих индивидуально-психологических различий людей (на примере биодинамических свойств) послужило основанием для разработки индивидуализированных методов обучения передовым приемам работы [13], для критики идей программированного производственного обучения, адепты которого в 1950–1960-е гг. пытались рассматривать проблему эффективности труда, профессионализма как целиком детерминированную теориями и методами обучения. При этом индивидуальные различия в успешности обучения и дальнейшей работе трактовались как артефакты,

а природа способностей целиком сводилась к развитию примерно одинаковых у разных людей природных задатков в процессе по-разному организованного и отличающегося по предметному содержанию обучения. Е. А. Климов и В. С. Мерлин «держали удар» в защите представлений о существовании свойств индивидуальности, слабо подверженных или вовсе не поддающихся обучающе-развивающим воздействиям. Так, в частности, Климов обнаружил, что относительно низкий уровень интеллекта у некоторых ткачих мешает им адекватно планировать свою деятельность, негативно сказывается на выработке эффективного индивидуального стиля труда. Этот факт был установлен в ходе организации психологического сопровождения ткачих в целях содействия формированию эффективного индивидуального стиля деятельности [20].

В докторской диссертации и соответствующей ей по названию монографии [8] показана возможность управляемого формирования эффективного индивидуального стиля в труде, учении, спорте, разработан алгоритм исследования и формирования такого рода индивидуального стиля деятельности в отношении тех ее видов, для успеха которых важными психодинамические индивидуальные свойства субъекта. С помощью учеников (В. П. Мерлинкина, Λ.Β. Петропавловской, С.И. Субханкулова, Асфандияровой, Н.И. Петровой, В.М. Шадрина, М.Р. Щукина, Б.И. Якубчика и др.) ученым были исследованы варианты проявлений индивидуального стиля деятельности в акробатике и гребле, в спортивных единоборствах, в токарном деле, в труде учителя начальной школы и других профессиях [31; 38; 43 и др.]. Был установлен важный внешний критерий возможности формирования эффективного индивидуального стиля деятельности, обозначенный как «зона неопределенности» в способах осуществления деятельности. Таким образом, в нашей стране в условиях, когда изучение индивидуально-психологических различий было темой опасной, когда говорить и писать о существовании устойчивых индивидуальных различий можно было только с учетом уничтожающей критики генетики и ее приложений к человеку, когда термин «тесты» и практика тестирования все еще оставались запретными, ибо было не принято отменять Постановления ЦК ВКП (б) (имеется в виду Постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», 1936 г.), усилиями Е.А. Климова и В.С. Мерлина в реальности был осуществлен весомый прорыв, обеспечивший восстановление и прогрессивное развитие проблемы индивидуально-психологических различий человека в последующие десятилетия.

Проблема индивидуального стиля деятельности получила дальнейшее развитие в работах ученика К.Е. Климова — В.А. Толочека: была доказана возможность и необходимость учета факторов изменчивости среды, а также особенностей тех лиц, с которыми взаимодействует субъект деятельности, выявлены

устойчивые и изменчивые характеристики и компоненты индивидуального стиля, обнаружены феномены гибкой смены разных стилей у одного субъекта [39; 40].

По всей видимости, не случайно Е. А. Климов был приглашен после защиты докторской диссертации для руководства отделом психологии труда во ВНИИ профтехобразования СССР в Ленинграде, ибо этому отделу поручалось реконструировать теорию и практику психологии профориентации и профконсультации молодежи, проблематику, «замороженную» в середине 1930-х гг. Это направление требовало для своего развития опоры на дифференциальную психологию труда, психологию личности и психологическое профессиоведение. Климов оказался именно таким подготовленным, редким в те годы специалистом. Необходимо напомнить, что как отрасль науки психология труда была в СССР восстановлена в правах лишь в 1957 г. Отделений психологии в университетах страны было крайне мало, а психологов труда и инженерных психологов стали целенаправленно готовить лишь с 1970 гг.

Весомые достижения Е.А. Климова в области психологии труда были не случайным продуктом его научной фантазии, а результатом тщательно спланированных научных проектов, в ходе реализации которых ему удавалось объединить и вдохновить своих коллег и учеников. К значительным достижениям ученого можно отнести разработку программы психологического изучения и описания профессии, рассматриваемой как многопризнаковый объект. Профессии изучались в целях профориентации молодежи, в этой работе участвовали вместе с Е. А. Климовым О. И. Галкина, В. Е. Гаврилов, Р. Д. Каверина, С. Н. Левиева, Е. К. Пузыревская, И. П. Титова и др. Программа профессиографирования включала до 100 признаков [4]. Профессиоведческая информация была частично формализована и упорядоченно фиксировалась на перфокартах с краевой перфорацией, позволявших проводить ручной поиск профессий по выбранной совокупности признаков. Тем самым можно было устанавливать соотношение требований профессии и индивидуально-психологических свойств оптантов. Такого рода профессиограммы были составлены по большинству профессий и специальностей системы профтехобразования г. Ленинграда и Ленинградской области (около 100 профессий). Под руководством Е.А. Климова была развернута работа по сбору и публикации описаний профессий, составленных по единой программе в целях профориентации школьников. Для ориентации старшеклассников в мире профессий (а также для оперативной ориентации профконсультантов) ученым была разработана компактная шестнадцатипризнаковая четырехъярусная классификация профессий, получившая широкое распространение в нашей стране. Впервые она была опубликована в книге Е.А. Климова, написанной для старшеклассников [9]. Классификация представляет четыре яруса признаков: базовый ярус делит профессии по предметному содержанию труда на 5 типов (технономические, социономические, биономические, сигнономические и артономические). Второй ярус включает выделение признаков, характеризующих преобладающие в профессии цели трудовых действий (преобразовательные, гностические и изыскательские). Третий ярус охватывает используемые орудия труда (ручные, механизированные, автоматизированные, функциональные). Четвертый ярус указывает на признаки профессии, обусловленные условиями труда (бытовые, работа на открытом воздухе, необычные, связанные с моральной ответственностью). Каждая профессия может быть охарактеризована в контексте данной классификации через составление ее формулы, представляющей собой указание на свойственные ей признаки, поочередно для каждого из четырех ярусов классификации. Профессии как многопризнаковые объекты могут, с точки зрения автора, содержать и несколько признаков в ячейке формулы каждого яруса, ибо предмет труда может быть многообразным, охватывающим несколько типов. Могут сочетаться разные трудовые задачи и свойственные им цели, орудия труда, а также на разных этапах работы может быть сложносоставным и показатель, отображающий условия труда. Представленная классификация профессий использовалась ученым и его учениками в организации занятий со школьниками, направленных на их ознакомление с миром профессий. Работа по классификации профессий успешно продолжена учениками Е. А. Климова. Так, В. Е. Гаврилов составил классификацию гностических профессий [3], выделил подтипы в классификации профессий по предметному содержанию, реализовал идею модульного принципа в классификации массовых рабочих профессий.

Установление неслучайных связей между объектными признаками профессии, зафиксированными в классификации, и требованиями профессии к работнику позволило организовать работу со школьниками по профориентации так, чтобы сформировать у них умение осознанно выбирать профессию, соотносить ее требования со своими способностями, склонностями, притязаниями. Профессиональная ориентация молодежи требовала развития методов, технологий не только в области информирования о мире профессий, но и в сфере самопознания, а также помощи оптантам в построении личного профессионального плана.

В целях контроля за эффективностью профконсультационной работы был проведен многолетний лонгитюд (с 1968 по 1975), в котором участвовали ленинградские психологи — ученики и коллеги Е. А. Климова (Г.Ф. Королькова, А. А. Парыгина, Н.Ф. Гейжан, М.П. Коровина). Были прослежены профессиональные судьбы более 500 оптантов, с которыми работали психологи. При этом с каждым оптантом проводилось несколько встреч. Из общего числа оптантов 1/3 десятиклассников и 2/3 восьмиклассников не имели определенных профессиональных планов, а 2/5 школьников обладали планами, которые психолог не мог одобрить. В соответствии с рекомендациями психолога приняли

решение о профессиональном выборе 2/3 оптантов и через 7 лет 80% этих оптантов характеризовались положительным синдромом профессиональной адаптации, а 20% — отрицательным синдромом. В группе школьников, поступивших вопреки совету психолога, — через 7 лет соотношение лиц с положительным и отрицательным синдромом оказалось противоположным: 80% — проявляли отрицательный и 20% — положительный синдром профессиональной адаптации [14, с. 258–259]. Эти данные убедительно свидетельствуют о высокой результативности разработанной психологами системы профориентации и профконсультации старшеклассников.

С именем Е.А. Климова связана организация первой Всероссийской конференции по профориентации в 1968 г.; итоги многолетней работы в этом направлении отражены в учебном пособии Е.А. Климова «Психология профессионального самоопределения» [21].

С 1980 г. Е.А. Климов — профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Он руководил этой кафедрой с 1983 по 2002 г. Здесь благодаря Е.А. Климову сформировалось научное сообщество, представители которого разделяли как идеи московской психологической школы (психологии труда, а также психологической теории деятельности и культурно-исторической психологии), так и наследие психологов Ленинграда и Казани, культивировавших целостный подход к изучению интегральной индивидуальности.

В 1980-е гг. под руководством Е.А. Климова начинают исследоваться феномены развития профессиональной самооценки, профессионального самосознания [32; 36]. Это движение научной мысли оказывается закономерным, так как климовский подход к делу профориентации молодежи строился на основах гуманистических принципов, уважения права личности на жизненный и профессиональный выбор. При этом признавалась недопустимой практика решения вопроса о выборе профессии психологом за оптанта. В этой ситуации психологу оставалось исследовать особенности личности оптанта, его самосознания и помочь ему в получении необходимой для профессионального самоопределения информации, а также содействовать оптантам в освоении ими алгоритмов решения задач планирования жизни и профессионального пути. Сам процесс профессионального самоопределения понимается ученым и его аспирантом В.А. Байметовым как диалогический по своей природе, это диалог оптанта с самим собой, а также его диалог с консультантом, близкими и значимыми ему людьми [1]. В целях оптимизации процесса профессионального самоопределения у школьников разрабатываются эффективные игровые методы профориентации. Данной теме были посвящены кандидатские диссертации Н.С. Пряжникова [37] и М.С. Валитова [2], выполненные под руководством Е.А. Климова.

С начала 1980-х гг. Е.А. Климов читает обновленный курс «Психология труда» для студентов факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Преодолевая сложившиеся традиции, Евгений Александрович дает новое определение предмета психологии труда как отрасли науки. Психология труда, по его представлениям, призвана изучать не профессиональное поведение, не деятельность (нередко фактически лишенную субъекта), не личность трудящегося и частные ее свойства, важные для успеха трудовой деятельности, но человека как субъекта труда, его формирование, становление и функционирование.

В центре внимания психологов оказывается сознание работающего человека. Подходы к его изучению опираются на достижения отечественных классиков психологии С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, на положения психологической теории деятельности, тезис о «единстве сознания и деятельности». Исходя из этих положений, ученый предлагает психологам путь проникновения во внутренний мир изучаемых субъектов труда — путь психологической интерпретации выполняемых работником трудовых задач. В учебнике Е. А. Климова «Введение в психологию труда» [7] и других его книгах читатель может найти программу классификации эргатических функций, определение предмета труда, типологию продуктов труда, охватывающую весь мир профессий и все формы продуктов труда; системно представленную программу анализа средств труда, условий труда. При этом в поле внимания исследователей оказываются все виды профессионального труда, а также труда общественно полезного и труда, направленного на самообслуживание. В психологии труда могут, с точки зрения Климова, изучаться разные этапы онтогенеза, ибо люди не рождаются субъектами труда, но становятся ими в процессе социализации, в ходе трудового и нравственного развития.

В период дошкольного детства и младшего школьного возраста исследуются психологические условия формирования существенных психологических признаков сознания субъекта труда (выделенных Е.А. Климовым). Под руководством Е.А. Климова В.И. Тютюнником была эмпирически доказана возможность формирования психологических признаков субъекта труда у дошкольников 4 лет. Этот период (4–6 лет) был обозначен как сензитивный для трудового развития личности, эмпирически установлено, что трудовое развитие детей обусловлено позицией взрослых [41]. В докторской диссертации В.И. Тютюнник представил эмпирические корреляты развитых форм сознания субъекта труда, обнаруженные у представителей творческой элиты — художников, ученых, писателей, основываясь на анализе их дневников; им было установлено также, что творческий труд в подростковом возрасте способствует личностному развитию [42]. В подростковом возрасте и юности исследуются психологические факторы, детерминирующие профессиональное самоопределение, тесно связанное с личностным и жизненным самоопределе

нием. Период зрелости интересен психологам труда с точки зрения профессионального развития психики, личности человека как субъекта труда, вариантов положительного и неблагоприятного (для личности и общества) развития, определения истоков профессиональных кризисов и путей их преодоления. Пожилой возраст и старость являются объектом исследования в рассматриваемой дисциплине с точки зрения подбора доступных видов труда как форм социальной реабилитации.

Оптимизация функционирования субъектов труда (индивидуальных и групповых) включает широкий круг проблем, среди них: психологическое проектирование, нормирование и рационализация состава трудовых задач, трудовых процессов, условий и средств труда; психологические способы управления качеством продукции; оптимизация функциональных состояний субъекта труда; психология в управлении профессиональными конфликтами; профилактика производственного травматизма и аварийности; психология в профессиональном обучении, освоении инноваций; психологический профподбор и аттестация персонала; управление карьерой; изучение и формирование эффективных стилей трудовой деятельности и саморегуляции; психологические основы обеспечения качества трудовой жизни и пр.

В последние годы Е.А. Климов занимается проблемой становления профессионала, психологией профессионализма как феномена общекультурного и персонального значения [17; 24].

В психологии труда разрабатываются и такие внутринаучные, методические проблемы, как психологическое профессиоведение, включающее принципы и технологии изучения отдельных профессий, создание классификаций профессий и профессиональных задач. Особое внимание Е.А. Климов уделяет вопросам истории, теории и методологии психологии труда и смежных направлений прикладной психологии [22]. Концепция Е.А. Климова была положена в основу историко-научного изучения латентных стадий психологии труда в России, стадий зарождения психологического знания о труде и трудящемся через реконструкцию его образцов, сохранившихся в разных формах общественного сознания [11; 33]. Представления ученого о сосуществовании научных и вненаучных форм психологического знания о труде, его идеи о месте и роли науки в жизни общества получили развитие в разработке материала по отечественной истории психологии труда в первой половине ХХ в. [34].

Психология труда в интерпретации Е.А. Климова тесно связана с ведущими отраслями психологической науки, при этом психология труда выступает в роли фундаментальной научной дисциплины по отношению к ветвям прикладной психологии, ориентированным на отдельные сферы общественной жизни (таким как, например, военная, авиакосмическая, транспортная, юридическая психология, психология профессионального спорта, психология торговли и пр.). Кроме того, психология труда, её понятийный аппарат, методы ис-

следования и технологии воздействия используются как органическое звено, дополняющее ресурсы психологии управления и организационной психологии, экономической психологии, акмеологии, инженерной психологии и эргономики.

В соответствии с представлениями педагогической психологии и идеями кибернетики Е.А. Климов наметил идеальный вариант развитого, желательного для общества субъекта труда как некую цель воспитательных воздействий. В статье «Человек как субъект труда и проблемы психологии» он представил характеристику базовых признаков сознания субъекта труда, выделив их когнитивный (понимание), инструментальный (владение) и аффективный (эмоциональное переживание) компоненты [26]. Автор рассматривает четыре разновидности признаков сознания субъекта труда соответственно сущностным характеристикам труда как вида деятельности, указанным в свое время К. Марксом: 1) осознание субъектом социальной ценности результата труда; 2) осознание обязательности достижения результата труда и соблюдения при этом социально установленных норм и правил профессионального поведения; 3) осознание назначения и осознанное владение субъектом труда системой средств труда; 4) осознание межлюдских производственных отношений, связанных с трудом. В брошюре «Психологическое содержание труда и вопросы воспитания» (1986) Е. А. Климов представил основу методики дифференцированной оценки всей совокупности указанных признаков. При этом для каждого признака (и его компонента) разработаны критерии оценки степени его развитости в сознании конкретного человека как субъекта труда. Шкалы оценки включают пять градаций. Первая (минимальная) оценка характеризует людей с низким уровнем культуры, примитивным морально-нравственным развитием, близким к асоциальной направленности личности; пятая градация соответствует высшей форме трудового развития человека, типичной для людей с подвижническим отношением к жизни, обществу, при которой работающий получает наслаждение от занятий творческим социально важным делом [35, с. 360–365]. Главное в этой методике — выделение такого параметра первого признака, как «сознание социальной ценности представляемых субъектом результатов труда». Мало повторять слова о важности нравственного, гражданского воспитания молодежи, необходимо операционализировать эти понятия, найти им соответствующие признаки в деятельности работающего человека и ее психических регуляторах. Методика дифференцированной оценки структуры труда была с успехом применена в ряде диссертаций, выполненных под руководством Е. А. Климова [28; 30; 41; 42]. Разработка данной методики совпала по времени со страшной катастрофой на Чернобыльской АЭС, причины которой во многом оказались связанными с низкой моральной ответственностью оперативного персонала станции [29, с. 86, 87, 131]. В эпоху «перестройки», начатой М.С. Горбачевым, оказалось особенно важным оценивать в работающих людях именно гражданские качества, и не только оценивать, но и всемерно воспитывать. Актуальность обозначенной концепции не снижается и в наше время, когда ведущие отечественные психологи выдвигают на первый план проблемы нравственных регуляторов поведения, социальной реализации человека [5; 6 и др.].

Полезной представляется и разработанная Е. А. Климовым в 1980-е гг. психологическая типология причин «отказов» в эргатических системах, обусловленных асоциальной направленностью субъекта труда, низким уровнем социального интеллекта, морально-нравственного развития [35, с. 300–307].

В книге «Образ мира в разнотипных профессиях» (1995) Е.А. Климову удалось эмпирически доказать факт неслучайных различий содержательных характеристик образа мира и профессионального самосознания субъекта труда в зависимости от типа профессии, выделенного по её предметному содержанию [12]. Здесь представлена полезная для исследователей программа дальнейшего эмпирического изучения особенностей профессионального сознания представителей разнотипных профессий.

Евгений Александрович постоянно заботится о популяризации научной психологии, повышении уровня психологической культуры населения. Так, им подготовлены учебник для общеобразовательной школы «Психология» [23], учебник для студентов непсихологических вузовских специальностей «Основы психологии» [16], созданы средства информационной поддержки процессов включения молодежи в профессиональное становление. Под редакцией Е. А. Климова вышло 9 выпусков сборников «Человек и профессия». Климовская классификация профессий положена в основу 6-томного издания «Мир профессий», опубликованного в 1980-е гг. издательством «Молодая гвардия». Под руководством Е. А. Климова в 1999—2005 гг. составлены ориентационные описания основных профилей подготовки в МГУ (свыше 200 видов специальностей и специализаций) для профориентации абитуриентов и студентов младших курсов.

Е.А. Климов опубликовал более 300 работ, среди них около 40 учебников и учебных пособий; к основным публикациям можно отнести и ряд работ учебно-методических и научно-популярных работ [9; 15; 19; 18; 24 и др.].

Самоотверженный труд Евгения Александровича Климова отмечен многими правительственными наградами, среди них — медаль «За освоение целинных земель» (1957), нагрудный знак «Отличник профтехобразования СССР» (1979), почетный знак «За заслуги в развитии системы профтехобразования» (1988); орден Международной Академии Психологических Наук «За заслуги в психологии» (1998), Орден почета (2001). Цикл его учебников и учебных пособий отмечен в Московском университете премией им. М. В. Ломоносова (1999). За серию работ по тематике «Системно-генетические исследования профессиональной деятельности» ему присуждена премия им. С. Л. Рубинштейна (Постановление Президиума РАН от 10 сентября 2002 г.). Е. А. Климов — по-

бедитель Национального профессионального конкурса «Золотая Психея» по итогам 2004 г. в номинации «Патриарх российской психологии».

В 2005 г. он награжден почетной грамотой за научно-педагогическую деятельность Академией государственной службы при Президенте РФ. Учебное пособие Е.А. Климова «Педагогический труд: психологические составляющие» (2004) получило награду в конкурсе «Лучшая книга по педагогике — 2006 г.» в номинации «Лучшие учебники и учебные пособия по педагогике». В 2007 г. он награжден золотой медалью Российской академии образования «За достижения в науке».

Пожелаем Евгению Александровичу доброго здоровья, внимательных талантливых учеников и дальнейших творческих успехов.

Библиографический список

- 1. *Байметов В.А.* Диалог в профессиональном самоопределении: дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.
- 2. Валитов М. С. Профориентационные игры как средство активизации психологической готовности оптантов к выбору профессии. Авт. дис. ... к. псих. н. М., 1989.
- 3. *Гаврилов В.Е.* Психологический анализ гностических профессий и их классификация в целях профориентации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1980.
- 4. *Галкина О.И. и др.* Информационно-поисковая система «Профессиография»: метод. рекомендации/под ред. Е. А. Климова. Л.: ВНИИ профтехобразования, 1972.
- 5. *Ермолаева Е.П.* Психология социальной реализации профессионала. М.: Издво ИП РАН, 2008.
- 6. *Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
- 7. Климов Е.А. Введение в психологию труда: учебник для вузов. М.: Академия, 2004.
- 8. *Климов Е. А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. К психологическим основам труда, учения, спорта. Казань: Изд-во КазГУ, 1969.
- 9. *Климов Е.А.* Конфликтующие реальности в работе с людьми (психологический аспект). М.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.
- 10. *Климов Е. А.* К психологам России (Выступление при открытии Учредительного съезда РПО 22 ноября 1994 г.) // РПО. ежегодник. М., 1995. Т. 1, вып. 1.
- 11. Климов Е. А., Носкова О. Г. История психологии труда в России. М.: Изд-во МГУ, 1992.
- 12. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во МГУ, 1995.
- 13. *Климов Е.А.* Обучение рабочих на производстве новым приемам труда и пути индивидуального подхода. Казань: Изд-во КазГУ, 1958.
- 14. *Климов Е.А.* Общая психология. Общеобразовательный курс: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.
- 15. Климов Е. А. Основы психологии: практикум. М.: ЮНИТИ, 1999.

- 16. *Климов Е. А.* Основы психологии: учебник для вузов по непсихологическим специальностям. М.: Культура и спорт; ЮНИТИ, 1997.
- 17. Климов Е.А. О становлении профессионала: приближение к идеалам культуры и сотворение их (психологический взгляд). М.: МПСИ, 2006.
- 18. *Климов Е.А.* Педагогический труд: психологические составляющие. М.: Издательство МГУ, Академия, 2004.
- 19. Климов Е.А. Психология: воспитание, обучение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.
- 20. Климов Е.А. Психология профессионала. М.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
- 21. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2004.
- 22. Климов Е.А. Психология труда как область знания, отрасль науки, учебная дисциплина и профессия // Вопросы психологии. 1983. № 1.
- 23. Климов Е.А. Психология: учебник для средней школы. М.: ЮНИТИ, 1997.
- 24. Климов Е. А. Пути в профессионализм. Психологический взгляд. М.: Флинта, 2003.
- 25. *Климов Е.А.* Сообщество психологов России: сущее и должное // Вопросы психологии. 1995. № 2.
- 26. *Климов Е.А.* Человек как субъект труда и проблемы психологии // Вопросы психологии. 1984. № 4.
- 27. Климов Е. А. Школа... а дальше? Л.: Лениздат, 1971.
- 28. *Котрикова М.Ю.* Индивидуальная психологическая структура труда учителя иностранного языка: автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1995.
- 29. *Легасов В. А.* Из сегодня в завтра. Мысли вслух. Чернобыль и безопасность. М.: Аврора, 1996.
- 30. *Леонтьева И.Г.* Психологическая структура труда рабочих в различных условиях контроля его качества: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 1991.
- 31. *Мерлинкин В. П.* Некоторые типологически обусловленные особенности начального формирования навыков у спортсменов-акробатов: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. Л., 1968.
- 32. *Миронова Т.Л.* Структура и развитие профессионального самосознания: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 1999.
- 33. *Носкова О.Г.* Развитие психологических знаний о труде и трудящемся в России конца XIX начала XX века: дис. ... канд. психолог. наук. М., 1986.
- 34. *Носкова О. Г.* История психологии труда в России (1917–1957): дис. ... канд. психолог. наук. М., 1998.
- 35. *Носкова О.Г.* Психология труда: учебн. пособие/под ред. Е.А. Климова. М.: Академия, 2004.
- 36. *Овсянникова В.В.* Самооценка учащихся профессионально-технических училищ как субъекта профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. Л., 1982.
- 37. *Пряжников Н. С.* Имитационная игра как средство формирования у оптантов умения строить личные профессиональные планы: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 1988.

- 38. *Субханкулов М. Г.* Индивидуально-типологические различия в скоростных приемах труда у учащихся токарей-универсалов: дис. ... канд. психолог. наук. Л., 1965.
- 39. Толочек В.А. Устойчивые и изменчивые характеристики и компоненты индивидуального стиля деятельности (на примере спортивной борьбы дзю-до): автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 1985.
- 40. Толочек В.А. Стили профессиональной деятельности в условиях взаимодействия субъектов: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 1998.
- 41. Тютюнник В.И. Начальные этапы онтогенеза субъекта труда: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 1989.
- 42. Тютюнник В.И. Начальный этап онтогенеза субъекта творческого труда: дис. ... канд. психолог. наук. М., 1994.
- 43. Якубчик Б.И. Некоторые индивидуальные различия в деятельности спортсменаакробата и учет их в процессе учебно-тренировочных занятий: дис. ... канд. психолог. наук. Казань, 1964.

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Л.И. Никовская, В.Н. Якимец¹

В статье представлены результаты исследования, проведённого в 21 субъекте РФ с помощью нового инструмент для количественной оценки и мониторинга состояния публичной политики. Авторами было выявлено пять типов публичной политики в регионах. Исследование показало, что сложившийся моноцентричный режим привел к снижению роли публичной сферы и политики в современном политическом процессе как на федеральном уровне, так и на региональном. Без расширения качества и системности публичной политики невозможно вести речь о переходе к модернизации, а тем более к инновационному типу развития российского общества.

Ключевые слова: публичная политика, регионы, модернизация, власть, бизнес, некоммерческие организации (НКО), бюрократия, гражданское общество.

The article presents the results of a study conducted in 21 Russian Federation subjects with the help of a new tool for quantifying and monitoring of public policy. The authors identified five types of public policy in the regions. The study showed that the established one-center regime led to a decrease in the role of the public sphere and politics in the modern political process at the federal level and at the regional level. Without a quality and systemic public policy cannot talk about the transition to modernization, and especially to innovative type of development of Russian society.

Key words: public policy, regions, modernization, government, business, nonprofit organizations (NPOs), bureaucracy, civil society.

В нынешних условиях, когда заявлен курс на системную модернизацию страны, центральной становится проблема, какая политическая система окажется для ее осуществления более эффективной — либеральная автократия

¹ Никовская Лариса Игоревна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Эл. почта: nikovsky@inbox.ru

Якимец Владимир Николаевич – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института системного анализа РАН. Эл. почта: iakim@isa.ru

Исследование реализовано при государственной поддержке в виде гранта Института общественного проектирования в соответствии с Распоряжением Президента РФ от 16 марта 2009 г. № 160-рп «Об обеспечении в 2009 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества».

или демократия. Стоящие перед страной стратегические задачи по модернизации российского общества предполагают создание собственной российской модели «умной экономики», формирование национальной инновационной системы, переход к «обществу знаний», к инновационному типу развития. Все эти задачи невозможно решить, опираясь лишь на меры бюрократической мобилизации и одни лишь технократические усилия. Без включения в эти процессы потенциала общества, без развития творческой конкуренции идей и подходов, без реальной многопартийности любые самые позитивные импульсы сверху неизбежно будут натыкаться на объективные социально-экономические и политические ограничители. Именно поэтому необходимо проведение полноценной политической модернизации политической системы в направлении расширения принципов политической конкурентности, демократии и повышения качества народного представительства в органах власти и управления.

В условиях разворачивающихся системных изменений особенно важным становится институт обратной связи, позволяющей власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов, производить коррекцию управленческих решений, канализировать накопившееся общественное напряжение, а населению верить в дееспособность института представительства интересов, в право и возможность влияния на принятие социально значимых решений. Все эти вопросы в той или иной мере составляют суть феномена публичной политики. Серьезная системная модернизация, как известно, не просто дает шанс новому или ранее маргинальному. Она должна сформировать устойчивый спрос на технологии отбора и селекции тех субъектов, которые формируют существо нового этапа. Но заранее сказать, какие это будут субъекты, невозможно. Именно поэтому необходимо дать равные возможности для более широкого круга сторон, чтобы быстрее произошел поиск и формирование новых субъектов роста.

Иными словами, развитие модернизации и национальной инновационной системы требуют диверсификации вертикали управления в сторону расширения действия принципов конкурентности, плюрализма, открытости, диалога, т.е. тех принципов, на которых основывает свою деятельность гражданское общество. Способность органов власти, бизнеса и гражданских инициатив к партнерству и консолидации во имя внедрения и стимулирования инноваций — один из важных критериев современного развития, важнейших ресурс преодоления технологической отсталости. На это, собственно, указали и авторы широко обсуждаемого в экспертной среде доклада ИНСОРа «Россия XXI в.: Образ желаемого завтра». Нынешняя модернизация предъявляет свои требования к политической системе страны:

— качественное государственное управление: компетентное, обеспечивающее выполнение базовых функций государства и предоставление обществу

базовых общественных благ, некоррумпированное, прозрачное, ответственное и поддерживающее постоянную обратную связь с обществом;

- верховенство права, защита прав и свобод граждан, в том числе права собственности;
 - обеспечение свободного развития каждого гражданина и групп граждан.

Такое государство, помимо всех прочих своих базовых функций, должно выступать арбитром и управляющим всеми конфликтами между плюралистичными интересами. Описанные черты желаемого общественного строя дают четкое его определение как демократии, причем демократии современной [3].

Думается, что именно институт публичной политики выступает тем социально-политическим образованием, которое по своей природе и призвано выступать условием и средством, позволяющим обществу формировать стратегическую повестку дня, создавать внутренние стимулы и ценности творческого и инновационного развития, переводить возникающие в этом процессе конфликты и столкновения в позитивно-функциональное русло, превращая их тем самым в элемент социальной динамики.

Публичная политика во всем многообразии своего проявления представляет собой широкий круг процессов и явлений. Во-первых, это особое качество государственного управления, которое все более ориентируется на идеи постбюрократической организации, предполагающей отказ от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации, перехода от «логики учреждения» к «логике обслуживания», к развитию нового государственного менеджмента, исключающего жесткие вертикальные формы «господства-подчинения» (на это были нацелены все административные реформы, проводившиеся в современном мире в последнюю четверть ХХ в.). Во-вторых, активное гражданское участие и соответствующие процедуры в принятии властных решений; в-третьих, разработка с общественным участием различного рода программ для решения в обществе возникающих проблем, а также социальные технологии их реализации; в-четвертых, она охватывает процесс двусторонней коммуникации разнообразных общественных групп, выстраиваемых большей частью симметрично, в диалоговом режиме.

В России политологические исследования, более или менее охватывающие сферу публичной политики, концентрируются преимущественно либо на общей теории политики, либо на политических технологиях, востребованных электоральной практикой. Редко встречаются исследования, посвященные методам формирования публичной политики, механизмам реализации публичной политики, учету интересов различных групп населения и т.п. И фактиче-

ски не представлены работы, в которых изучается весь цикл — формирование, реализация, оценка и коррекция публичной политики.

От организации публичной сферы и развитости ее ключевых институтов и механизмов в значительной мере зависит характер публичной политики. Публичная сфера — это своеобразный «инновационный инкубатор», позволяющий «свежей крови» новых социальных технологий:

- оптимизировать механизм взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества (развить межсекторное социальное партнерство);
- преодолевать с целью конструктивного реформирования закостенелость государственных институтов;
- подключать ресурс гражданских инициатив к формированию государственной политики и контролю над деятельностью власти.

Публичная сфера выполняет четыре важнейшие функции взаимодействия власти и общества в формировании политики, выражающей публичный интерес:

- 1) артикуляция общественных интересов;
- 2) публичный контроль деятельности власти и состояния дел в обществе, в государстве, в экономике, в социокультурной сфере;
 - 3) влияние на формирование государственной политики;
 - 4) политическое просвещение граждан.

Разработанный нами новый инстирумент для количественной оценки и мониторинга состояния публичной политики в регионах России (далее — ЯНиндекс) [1; 2; 4; 5] строился на основе показателей, характеризующих состояние субъектов публичной сферы и степени развитости институтов и механизмов публичной политики. ЯН-индекс — составной. Он состоит из двух частных индексов, а именно: ЯН-индекса развитости субъектов публичной политики (оценивает развитость субъектов публичной сферы — представительной власти, исполнительной власти, НКО-сектора, бизнеса, партий, профсоюзов и пр.) и ЯН-индекса, характеризующего состояние институциональной инфраструктуры публичной политики (определяет степень открытости и демократичности ключевых институтов и процедур, касающихся систем и каналов участия граждан в публичной политике, таких, как выборы, верховенство закона, возможности ведения экономической деятельности, гражданский контроль и пр.).

В целом задачи расширения рамок и качества социально-политического представительства интересов полноценно могут осуществляться только в публичной сфере. Публичная сфера — это сфера диалога, общения, коммуникации, сфера договора с государством по общезначимым вопросам. Как только атрибут публичности начинает исчезать или ощутимо «уменьшаться», так сразу же на смену ему идут закрытость, коррумпированность, клановость и пр., каналы влияния на органы государственной власти монополизируются силь-

нейшими группами давления, а гражданские институты оказываются не в состоянии донести свои интересы до власть имущих.

Основная гипотеза нашего исследования состояла в том, что чем меньше развиты институты и субъекты публичной политики (далее — ПП), тем больше степень социальной напряженности и конфликтности в регионе, недовольства эффективностью государственного и муниципального управления, тем хуже показатели социального взаимодействия с основными активными группами региона и, соответственно, использования их потенциала для решения социально значимых проблем регионального сообщества в условиях кризиса. При конструктивном выстраивании ПП граждане должны не только воспринимать правильность принимаемых сверху решений, но и быть подключены к поиску и реализации административных решений и иметь институциональные каналы для взаимного интенсивного обмена информацией, снятия напряжений и урегулирования конфликтных ситуаций.

В условиях преодоления кризисных явлений и перехода к системной модернизации страны на принципах демократии и укоренения ее институтов очень важна такая функция публичной политики, как налаживание диалога между социально значимыми субъектами общественно политического процесса: властью, бизнесом, гражданскими организациями и самим населением, которое очень чувствительно реагирует на стремительное снижение общественного благосостояния. Расширение поля публичной политики может стать механизмом достижения консенсуса, т.е. общественного согласия, среди различных активных групп общества и власти по формированию и принятию той «повестки дня», которая будет способствовать выходу общества из кризиса и переходу его к новому качественному состоянию.

Вторым нашим предположением, которое проверялось в ходе исследования, было утверждение о том, что модель «управляемой демократии» в условиях кризиса и задач созидательной модернизации не только не оправдала себя, но и показала исчерпанность своих концептуальных и технологических возможностей и низкую их эффективность. Обрыв обратных связей и избыточная вертикализация системы политико-государственного управления способствуют лишь реализации модели бюрократической мобилизации, что характерно для догоняющего типа развития, экспансии административного начала властвования в «большую политику», нечувствительности к сигналам, идущим снизу и, как следствие, формированию высокого уровня социальной напряженности и конфликтности, сужению спектра горизонтальных связей и многообразия интересов, которые только и могут быть той основой, на которой начинают складываться условия и предпосылки формирования новых субъектов инновационного развития и посткризисного рывка. И самое главное — избыточная и жесткая вертикализация ведет к блокированию потенциала развития деловой и гражданской инициативы, что существенно тормозит развитие социального и человеческого капитала в масштабах как региона, так и страны.

Третьим предположением проведенного исследования было то, что на характер и качество публичной политики в регионе существенное влияние оказывают региональные особенности социально-политических процессов, характер политико-государственного управления, сложившаяся политическая культура и реальная заинтересованность в развитии полноценного взаимодействия субъектов гражданского общества и власти, а также взаимная настроенность использовать обоюдный потенциал власти и гражданской и деловой инициативы.

Расчетные значения ЯН-индексов, гистограммы и «плоскостные портреты» публичной политики, полученные с помощью нашей методологии, информативны и очень наглядны. Ни в одной из трех проведенных фокус-групп представители трех секторов регионального сообщества — власти, бизнеса и НКО-сектора не опровергли полученных количественных оценок, более того, давая качественные интерпретации полученных результатов, они лишь подтвердили правоту и объективность представленных данных. По итогам проведенных фокус-групп было сформулировано общее мнение, что разработанный количественный инструментарий — ЯН-индекс — позволяет наглядно сравнивать положение дел с развитием публичной политики и демократизации в разных субъектах РФ и внутри того или иного региона. Кроме того, используя развитый инструментарий, можно наладить систему мониторинга публичной политики в исследуемых регионах, постепенно охватывая и субрегиональный уровень.

В результате эмпирического опроса в 21 регионе России нами было выявлено пять типов публичной политики в регионах:

- 1) *регионы с консолидированными низкими оценками* респонденты из 3 секторов *одинаково низко* оценили состояние ПП;
- 2) центрированные регионы там, где консолидированно была дана средняя оценка;
- 3) *регионы с разрывами оценок* оценки ПП респондентами из разных секторов характеризовались *значимым разрывом*;
- 4) регионы с партнерскими отношениями между секторами респонденты, по крайней мере, из двух секторов дали консолидированно высокие оценки состояния ПП;
- 5) *регионы с неконсолидированными оценками ПП* между оценками респондентов из разных секторов большие разрывы в зоне низких оценок.

К *первому типу* (рис. 1) относятся Республика Дагестан, Мурманская и Иркутская области и Республика Коми.

На экспертной сессии в Иркутске ее участники отмечали:

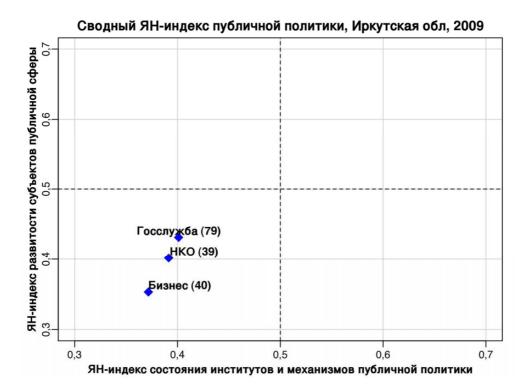

Рис. 1. Пример региона с консолидированными низкими оценками

НКО: «Сворачиваются партнерские отношения — прекращена деятельность Губернского собрания общественности, власть выдавливает НКО-сектор на обочину публичной политики».

Бизнес: «Власть давит и устрашает, бизнес в ответ не подчиняется законам, уходит от непомерных налогов, вынужденно участвует в коррупции».

Власть: «Мы не совсем удовлетворены: нормативно-правовая база не развита, институты и механизмы МСП слабы».

Второй тип (рис. 2) характерен для Ярославской, Нижегородской, Курской и Амурской областей и Алтайского края.

Мнения, высказанные на экспертной сессии в Курске:

НКО: «Полярные позиции отсутствуют, так как в публичной политике работает принцип золотой середины. Нет авторитаризма, нет и бурных волн».

Бизнес: «Нет особых барьеров для входа на уровень принятия решений. Власть поддерживает полезные начинания».

Власть: «В совокупности все три сектора гражданского общества работают неплохо и удовлетворены существующим балансом интересов».

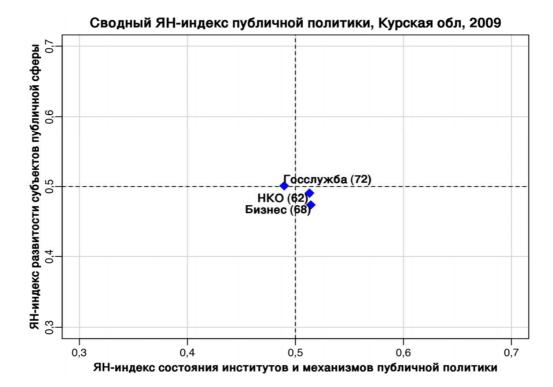

Рис. 2. Пример центрированного региона

Третий тип (рис. 3) выявлен в Пензенской, Архангельской и Тюменской областях, в Краснодарском крае, Республике Татарстан.

На экспертной сессии в Краснодаре отмечалось:

НКО: «В крае жесткая вертикаль власти, НКО выдавлены из процесса принятия решений: многие институты существуют номинально, имеют декоративный характер — Общественный совет по содействию развитию гражданского общества при Главе не очень активен, 3 года назад принят Закон о создании Общественной палаты края, но она так и не появилась».

Бизнес: «У нас неэффективны антикоррупционные законы, нет независимых судов, работают неформальные связи. Власть — закрытая корпорация, она оторвана от понимания интересов других групп».

Власть: «Третий сектор маргинален, формально всякие «Советы при...» не позволяют ему реально влиять на принятие решений. Признаем, что степень взаимодействия власти и НКО слабая, НКО играют формальную роль в ПП».

Четвертый тип — партнерский представлен на рис. 4. Сюда попали Новосибирская и Челябинская области, а также Республика Карелия.

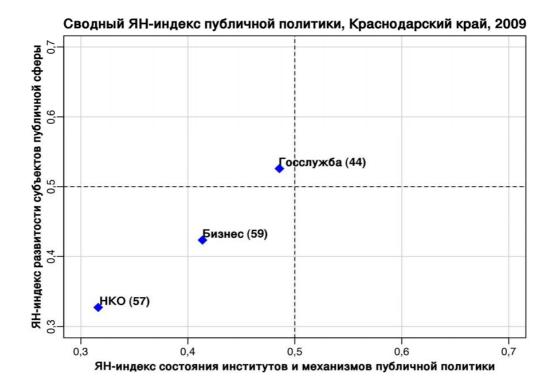

Рис. 3. Пример региона с разрывами оценок ПП

Мнения, высказанные на экспертной сессии в Петрозаводске:

НКО: «Власти привлекают НКО к решению вопросов социальной политики. В Конституции РК с 1993 г. за НКО закреплено право законодательной инициативы. Власть поддерживает трансграничное сотрудничество НКО со Скандинавскими странами».

Бизнес: «Из-за кризиса малый бизнес разоряется. Надеемся на усиление потенциала частно-государственного партнерства и на развитие взаимодействия между бизнес-ассоциациями и властью».

Власть: «РК настроена на развитие потенциала МСП. Мнение НКО важно при подготовке решений, это надо для верной расстановки приоритетов, выявления острых проблем и поиска правильных вариантов решения (справедливые, отвечающие ожиданиям общества».

Пятый тип — это Хабаровский и Пермский края, Томская и Волгоградская области (рис. 5).

Здесь восприятие ПП респондентами из разных секторов характеризуется большим разрывом в зоне низких оценок. Видно, что оценки власти, находясь в нижнем квадранте, тем не менее доминируют над оценками двух других сек-

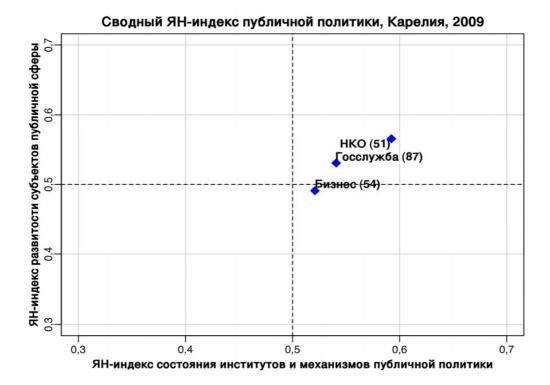

Рис. 4. Пример региона с партнерскими отношениями между секторами

торов. Из-за такого разрыва в восприятии ПП предконфликтная ситуация достаточно вероятна.

На рис. 6 даны межрегиональные сравнения оценок состояния ПП, сделанных бизнесменами, представителями органов власти и НКО.

То, что представители бизнеса всех исследуемых регионов ниже других секторов оценили состояние ПП, можно отнести к последствиям финансово-экономического кризиса. На экспертных сессиях с участием представителей малого и среднего предпринимательства говорилось о серьезных масштабах разорений и сворачивании бизнеса. Однако это не исчерпывающее объяснение. Сложившаяся система ПП в регионах оказалась негибкой, практически не учитывала потребности малого и среднего бизнеса при разработке антикризисных мер и не позволяла оперативно вносить коррективы в антикризисные программы.

Это усугублялось и действием коррупционных схем. Иными словами, малый и средний бизнес оказался один на один перед проблемами сокращения спроса, сложностями получения кредитов и не имел своевременной поддерж-

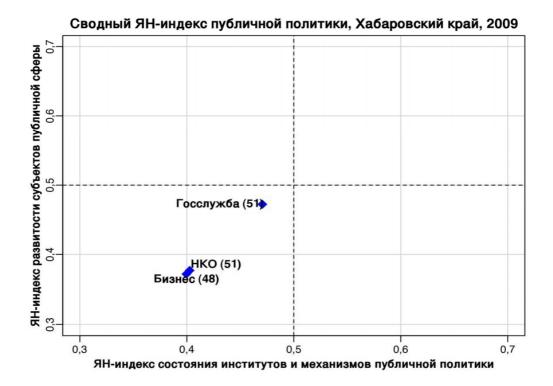

Рис. 5. Пример региона с неконсолидированными оценками ПП

ки со стороны власти. Это и предопределило более низкие оценки состояния $\Pi\Pi$ со стороны бизнесменов из разных регионов.

Чуть лучше выглядят оценки представителей НКО-сектора за счет небольшого числа регионов, где власти активно сотрудничают с НКО. В целом же эта картина межрегионального сравнения их оценок ПП не сильно отличается от оценок бизнеса.

По-иному выглядит межрегиональное сравнение оценок представителей власти. В ряде регионов они оптимистично оценивают состояние ПП, сильно отличаясь от мнений бизнеса и НКО. Что за этим стоит? Самодостаточность? Дистанцирование от общества? Или сознательное завышение своей роли в развитии ПП? Здесь нет общего знаменателя. В регионах, где выявлены сильные разрывы в оценках, скорее всего, преобладает намеренное завышение оценки. Не синдром ли это «потемкинских деревень»?

И наконец, еще один интересный результат, полученный в ходе анализа результатов оценки публичной политики в динамике.

На рис. 7 приведены данные расчета ЯН-индекса для Приморского края, полученные в ходе пилотажного исследования 2005 г., а также при проведении

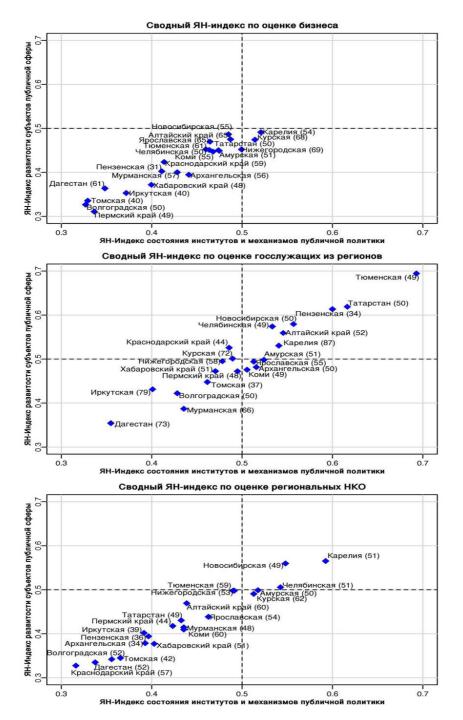

Рис. 6. Межрегиональное сравнение оценок ПП бизнесменами, представителями органов власти и НКО

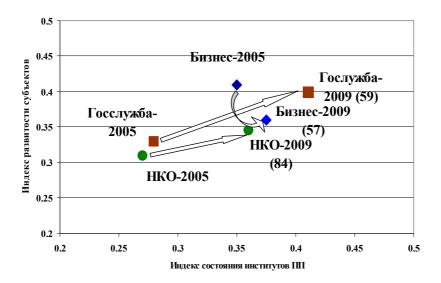

Рис. 7. Динамика изменения ЯН-индексов ПП в Приморском крае

масштабного исследования 2009 г. Нетрудно видеть, что результаты не только сопоставимы, но и хорошо интерпретируемы. В кризисном 2009 г. оценки бизнеса изменились существенно меньше, чем оценки госслужащих и НКО. Более того, индекс оценки деятельности субъектов публичной сферы понизился, это объясняется тем, что в период кризиса предприниматели имели слабую поддержку со стороны разных ветвей власти. Некоторое улучшение оценок бизнесменами состояния институтов публичной политики связано с тем, что за прошедшие годы деятельность ряда институтов была улучшена. Последнее нашло отражение и в том, что индекс состояния институтов по оценке НКО вырос на один пункт.

Наибольший прирост показал ЯН-индекс ПП, рассчитанный по результатам опроса госслужащих. Он вырос за 5 лет на 2 пункта. На наш взгляд, такой прирост — это излишне оптимистичная оценка, когда желаемое выдают за действительное.

Итак, исследование показало, что сложившийся моноцентричный режим привел к снижению роли публичной сферы и политики в современном политическом процессе как на федеральном уровне, так и на региональном. Продолжает сохраняться система принятия политических и социально значимых решений в режиме консультаций и «приводных ремней» при активном контроле государственно-административных структур. Но подобная практика конструирования публичной политики порождает опасность усиления бюрократического корпоративизма. Традиционное чиновничество не готово к постоянному диалогу с партнерами, которые пытаются войти в круг

общественных консультаций. Формирование государственной политики оно по-прежнему рассматривает как составную часть своих прерогатив. Участие внешних сил воспринимается как покушение на суверенную территорию исполнительной власти. Существующая система принятия решений демонстрирует устойчивую склонность превращать режим консультаций в декорацию традиционно бюрократической политики. Поэтому режим консультаций работает в той мере, в какой высшая политико-государственная власть зачитересована оказывать политическое давление на участников, принуждая их к лояльности и сотрудничеству. Многие перспективные общественные организации и структуры, не обладая надежными каналами представительства интересов и политическими связями, оказываются вне сферы «парадигмы согласования», которая пока все больше функционирует в духе бюрократически-элитистского корпоративизма.

А между тем новые вызовы общественного развития, обусловленные задачами перехода к системной модернизации, нацеливающей на формирование национальной инновационной системы, создают повышенный спрос на функции и услуги, связанные с экспертизой и консалтингом по публичной политике, поскольку только последняя позволяет «свежей крови» социальных инноваций взломать стагнирующий механизм «управляемой демократии». Отсюда потребность в поддержке со стороны гражданского общества, центров публичной политики, связанных с различными гражданскими и деловыми инициативами. В этом, видимо, кроется глубинный настрой государства поддерживать тот формат взаимодействия с гражданскими структурами, который в последнее время оформился в виде общественных обсуждений программных статей и обращений Президента РФ (пример публичной дискуссии вокруг его статьи «Россия, вперед!», подготовки последнего Послания Федеральному Собранию РФ). Иными словами, тот вариант стабильности и порядка, который вначале нынешнего десятилетия отвел Россию от края пропасти и минимизировал угрозы безопасности государства и общества, сегодня показал невысокий запас прочности и особенно развития, поскольку Путин так и не решил проблему российской бюрократии и ее экспансии в «большую политику». Именно поэтому политическая и экономическая стабилизация как безусловные и очевидные достижения путинской политики, сняв остроту проблемы безвластия и анархии, вернули мощь и уверенность бюрократическому классу в России, который в турбулентно развивающейся кризисной ситуации оказывается все более неэффективным, так как контролируемая сверху бюрократия не могла быть иной, кроме как традиционной, служащей не делу и закону, а лицам, преследующим собственные интересы. Сформировавшаяся «партия порядка» лишила себя «защиты от дурака» — политическая жизнь перестала своевременно получать подпитку снизу. Роль оппозиции была заранее сведена к нулю. В результате стала плохо выполняться функция представительства интересов. Узкий политический класс замкнулся сам на себя и «закапсулировался». Поэтому симптомы кризисного развития не привели к росту голоса конструктивной политической оппозиции и политической публичной дискуссии. Нарастающее социально-политическое напряжение не канализировалось. И если в кризисные и штормовые 1990-е гг. ситуацию вытянул стихийно формирующийся, вопреки всем обстоятельствам, малый бизнес (люди шли в «челноки», создавали малые предприятия и пр.) и некоммерческий сектор, который решал проблемы самозанятости и микрокредитования (и хотя коррупция и криминалитет их прижимали, но они были несистемны). Сегодня малое предпринимательство и НКО-сектор фактически блокированы под административным прессом и уже системной коррупцией, поскольку проблема последней — это не «порча» государственного механизма, это уже сам механизм.

Но сегодня проблема стоит глубже — без расширения качества и системности публичной политики невозможно вести речь о переходе к модернизации, а тем более к инновационному типу развития российского общества. В принципе речь надо вести о создании условий для социальной инновации, т.е. тех новых форм и технологий общественной жизнедеятельности, которые способствовали социальной оптимизации общества и повышению качества жизни большинства людей. Поэтому представляется важным, чтобы в России как можно быстрее возникла полноценная среда, позволяющая реализовать эту функцию гражданского общества. Такая среда включает в себя науку (которая в контексте гражданского общества, как правило, вообще не упоминается), экспертную среду (которая без науки существовать не может), собственно НКО и такой важнейший институт, как независимые и квалифицированные средства массовой информации. Множественность политических лидеров и институтов гражданского общества — страховка от опасностей авторитаризма и тоталитаризма, преследующих как тень едва ли не любую крупную демократию и всегда возникающих перед глазами в периоды преодоления кризисов либо затяжных трудностей. Попросту говоря, ситуация требует срочного разворота к широкому общественному диалогу, декомпрессии политического режима. Требуется возврат к реальной демократии. Обществу необходимо вернуть веру в работоспособность политических механизмов воздействия на реальную власть, на процесс принятия социально значимых решений, а значит, и разделения ответственности за свое будущее между обществом и властью. Большая гибкость и социальная эластичность создаваемой системы делает общественную среду менее напряженной, вовремя разряжает скопившуюся деструктивную энергию, канализирует недовольство, а самое главное — дает пробиться новым росткам и трендам.

Библиографический список

- 1. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Антикризисный потенциал публичной политики: введение в проблему оценки ее состояния в регионах России // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 3.
- 2. *Никовская Л. И., Якимец В. Н.* Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Полития. 2007. № 1.
- 3. Россия XXI века: образ желаемого завтра. URL: http://www.riocenter.ru/ru
- 4. *Якимец В. Н.* Индекс для оценки и мониторинга публичной политики // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт взаимодействия. М.: РАПН, РОССПЭН, 2008.
- 5. *Якимец В. Н.* Индекс для оценки и мониторинга публичной политики в регионах России // Труды ИСА РАН/под ред. А. П. Афанасьева. М.: КомКнига, 2006. Т. 25.

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

И.Г. Чайка¹

В статье рассматривается появление в мире принципиально новых видов угроз, основанных не только на технологических факторах, но и на психологических и культурных началах. Дается характеристика и примеры применения технологий информационного противоборства.

Ключевые слова: информационное пространство, безопасность, информационное воздействие, политический дискурс.

The article discusses the emergence of a world fundamentally new types of threats, based not only on technological factors, but also on psychological and cultural basis. The characteristics and application examples of technology information confrontation.

Key words: information space, security, the Information impact, the political discourse.

На рубеже веков Россия столкнулась с рядом серьезных вызовов, которые предъявляет современный этап развития общества. В условиях, когда политика превращается в форму социальной реакции на трансформации в культурной сфере общества, когда происходит изменение механизмов включения человека в политику, массовизации населения как источника и субъекта политической власти, деидеологизация и театрализация политики, изменение роли государства, виртуализация политического пространства, непредсказуемость и риск становятся неотъемлемыми атрибутами политического процесса [8, с. 3]. Эти глобальные и региональные вызовы современности требуют активного рационального и целенаправленного применения информационных технологий на основе согласования интересов больших социальных общностей, институтов, способности разрешения кризисных и конфликтных ситуаций.

Данная ситуация является следствием появления в мире принципиально новых видов угроз, основанных не только на технологических, но и на психологических и культурных факторах. Сегодня мы становимся свидетелями последствий применения психологического оружия, когда жертва обычно и не догадывается об этом. Поэтому ряд ученых склонны рассматривать информационное воздействие в качестве новой мировой войны [6]. Информационная по-

 $^{^1}$ Чайка Иван Геннадьевич — аспирант кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: ivan_chaika@mail.ru

литика может как способствовать развитию, так и тормозить его в различных сферах экономики, социальной политики.

Вошедшее в политический лексикон в конце XX в. понятие «информационное противоборство» придавало этому виду политической конкуренции военно-стратегический и глобально политический смысл. Как отмечают В. Н. Абрамов и А. В. Соловьев, стратегическое информационное противоборство было разделено на первое и второе поколения, предусматривающие разграничение задач в ходе осуществления конкретных мероприятий. Первому отводилась роль обеспечения действий традиционных сил, направленных в большей степени на дезорганизацию функционирования систем управления. Стратегическое информационное противоборство второго поколения — продукт американских специалистов в области информационной борьбы. Этот комплекс мер воздействия на противника был вызван к жизни информационной революцией, вводящей в круг возможных сфер противоборства информационное пространство и ряд других областей (прежде всего экономику) [1; 4].

В последнее время основные исследования в области информационной безопасности и информационного противоборства постепенно перемещаются в сферу идеологии и психологии. Так, по мнению Дж. Петерсена, президента Арлингтонского института, в будущем информационное оружие будет развиваться не столько в области «железа» (технических средств) и компьютерных программ, сколько в идеологической сфере. Основными средствами воздействия на противника станут не вирусы или электромагнитные импульсы, направленные на поражение программно-аппартных платформ, а манипулирование восприятием и спекуляции вокруг идей, таких, как глобальное потепление, экология, расовое и международное взаимодействие, ядерная война, которые смогут подвигнуть толпы людей на поступки. Эксперт в области масс-медиа, президент корпорации «Аэробюро» Ч. Де Каро (США) даже изобрел специальный термин «мягкая война» применительно к «враждебному использованию всемирного телевидения для формирования воли другой нации через изменение представлений о реальности» [3, с. 3] так называемые суггестивные манипулятивные технологии. Кроме того, сегодня и Интернет становится одним из средств проведения «мягких войн».

В связи с этим отмечаются изменения в понимании сути и роли атакующего информационного оружия. На современном этапе в качестве такового рассматриваются средства и методы манипулирования информацией и индивидуальным общественным сознанием. Среди таких технологий нарастающую опасность представляют системы скрытого информационного воздействия, основным объектом нападений которых является психика человека. Характерный признак нового мышления — появление понятия «реальная виртуальность», используемого для обозначения ситуации, когда освещение некоторого со-

бытия в СМИ приобретает большую социальную значимость, чем собственно само это событие [3, с. 2].

Г.Г. Почепцов обращает внимание на то, что возрастающая роль информационного пространства в любых типах задач, стоящих перед современным обществом (социальных, экономических, политических, военных), заставляет нас более пристально посмотреть на арсенал средств, которые могут быть использованы для их решения [7, с. 73-81]. Это определенные информационные технологии, в рамках которых осуществляется переход из информационной сферы в другие области, однако делается это с помощью опоры на массовое сознание, причем основным в информационной технологии является воздействие в пространстве принятия решений. Технологии позволяют, с одной стороны, беречь ресурсы для получения эффективных результатов, с другой — осуществлять перенос имеющегося инструментария из одной точки просранства-времени в другую. В последнее время возник феномен контроля виртуальной действительности на современных технологических основаниях. Изменяя виртуальную действительность в нужную сторону, мы получаем результаты в реальности. Информационное пространство современного мира не строится как аналог реального пространства, хотя массовое сознание воспринимает его именно таковым. РК и другие прикладные науки эксплуатируют это расхождение, эту неэквивалентность двух пространств, которая скрыта от массового сознания. Тем самым массовое сознание, реагируя на информационную реальность, переносит эту свою реакцию на подлинную реальность. Факт начинает функционировать в рамках какой-то интерпретации, лишь затем становясь знанием.

Информационно-политическое воздействие, будучи интенсивной технологией, требует введения в виртуальное пространство определенных характеристик, выгодных для цели кампании. Можно даже утверждать, что информационно-политическое воздействие сознательно провоцирует конфликт, который в дальнейшем будет разрешать в выгодном для коммуникатора русле. Для целей подобной кампании необходимо создавать определенное информационное доминирование, которое не давало бы оппоненту возможности захватить инициативу. При информационно-политическом воздействии реальность трансформируется в виртуальность, в рамках которой начинает разворачиваться планируемое действие. Виртуальность позволяет усиливать нужные для целей кампании аспекты и ослаблять ненужные, поскольку виртуальность более управляема, чем реальность.

Само понятие «социальная технология» можно представить как определенный способ осуществления человеческой деятельности по достижению общественно значимых целей. Сущность способа состоит в рациональном расчленении деятельности на процедуры и операции с их последующей координацией и синхронизацией; это расчленение осуществляется предварительно, созна-

тельно и планомерно на основе и с использованием научных знаний, передового опыта, с учетом специфики области деятельности. Социальная технология выступает в двух формах: как программа, содержащая процедуры и операции (способы и средства деятельности), и сама деятельность, построенная в соответствии с этой программой. Специфика программы состоит в том, что она существенным образом предопределяет направленность и содержание технологизируемой деятельности. Социальная технология как элемент человеческой культуры возникает двумя путями: «вырастает» в социокультурной среде эволюционно либо строится по ее законам как искусственное образование.

Таким образом, технологию можно определить как способ реализации людьми конкретного сложного процесса путем расчленения его на систему последовательно взаимосвязанных процедур и операций, которые выполняются более или менее однозначно и имеют целью достижение высокой эффективности [8, с. 3].

Технологический эффект достигается за счет:

- расчленения деятельности на определенное число операций, необходимых и достаточных для ее эффективного осуществления, исключения тем самым бесполезных действий;
- четкого распределения операций между исполнителями и исключения необеспеченных операций, функций;
- координации действий исполнителей и исключения или минимизации возможных сбоев;
- алгоритмизации деятельности и экономии ресурсов путем сокращения времени на поиски, выбор вариантов и т.п.

Важнейшей предпосылкой появления и распространения разнообразных политических технологий как совокупности способов организации деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного субъекта, стало изменение самого политического пространства. А.И. Соловьев выделяет несколько качественных изменений поля политики [11, с. 68–73].

1. Выдвижение на арену власти массового социального субъекта, характеризующегося внутренней неконсолидированностью, слабой структурированностью, ориентацией на ценности массовой культуры. Политическая идентификация стала осуществляться преимущественно на основе интерпретации человеком культурных текстов, чьи образы, знаки и символы не обладали никакими смысловыми ограничениями, кроме индивидуальных (и одновременно ситуативных) прочтений индивидом своих потребностей и причин обращения к власти. Поэтому политика стала превращаться в форму социальной реакции на трансформации в собственно культурной среде общества.

- 2. Изменение механизмов включения индивидов в политическую сферу. В политической жизни из сферы внимания как власти, так и общества стали выпадать целые проблемные блоки, которые традиционно инициировали массовую политику: права человека, защита личности от необоснованного государственного вмешательства, обеспечение необходимых для жизни социально-экономических стандартов и т.д. Это привело к стремительному нарастанию явлений конформизма (как добровольно занятой политической позиции граждан), массовому «демократическому потребительству» и другим аналогичным фактам, возвещающим о качественном ослаблении заинтересованности граждан в политическом участии и использовании ими политических механизмов для реализации своих индивидуальных интересов. В силу этого политика стала неумолимо сокращать свое присутствие в отношениях власти и общества.
- 3. Произошли глубокие изменения в информационной вертикали политики, устанавливающей коммуникацию элитарных и неэлитарных слоев и выступающую базисным элементом организации всей системы политической власти. Эти изменения проявляются прежде всего в том, что идеологии, стимулировавшие утверждение групповых ценностей — стабилизации, авторитета, порядка, национальных интересов, прогресса и других основополагающих ориентиров политической игры, вытесняются на периферию политической диагностики. В условиях массовизации общества когнитивные и иные возможности оказываются чрезмерными и нефункциональными для того, чтобы служить смысловой ориентации граждан в политике, транслировать их интересы, способствовать балансу отношений элитарных и неэлитарных группировок. Происходит формирование новых структур и механизмов, способных обеспечить информационные связи элит и неэлит, у массы появляется самостоятельная способность к производству политически значимой информации. В складывающихся сегодня условиях масса становится не только получателем политической информации, ее потребителем и интерпретатором, но и ее творцом. Массовые образы, мнения, настроения в демократическом пространстве превращаются в величину, которую невозможно игнорировать при осуществлении власти, поскольку ее наличие (учитывая присущие этой среде эффекты самозаражения, резонанса, тиражирования стандартов, самомистификации и пр.) провоцирует качественное видоизменение способов и форм контроля над поведением неэлитарных слоев со стороны правящих кругов. Элита не может претендовать на уникальность своих идейных продуктов, и она вынуждена прибегать к новым способам управления общественным мнением с учетом особого характера распространения информации именно в массовом субъекте.

А.И. Соловьев связывает изменения в информационном пространстве политики с выходом на политическую авансцену технотелемедиумов, т.е. новых электронных способов передачи информации, способствующих возникно-

вению в политическом пространстве разнообразных социальных эффектов, предполагающих и соответствующие организационные изменения в сфере власти, характере политического коммуницирования, институциональном дизайне поля политики, стилистике властвования [9, с. 12].

Технотелемедиумам удалось институционализировать новую вертикаль в отношениях верхов и низов, вполне соответствующую задачам поддержания стабильности в обществе, а именно разнообразные политические технологии.

Повышение на основе интернет-коммуникаций ментальной сплоченности этнически близкого, но политически расколотого населения зачастую провоцирует конфликты между различными государствами и региональными структурами. В ряде случаев, несмотря на активные экономические и политические связи, между народами вырастают новые социокультурные стены [2, с. 11].

Двойственность культурных последствий совершенствования электронных коммуникаций и интерактивных технологий проявляется также в нарушении гармонии сложившихся культур, в размывании их базовых, первичных смыслов. Постепенно встраиваясь в современную культурную среду, Интернет и другие интерактивные электронные СМИ не только влияют на социальную дифференциацию общества (в частности, путем предоставления политическим меньшинствам непропорционально высокого представительства в Сети), но и, подталкивая людей к переосмыслению своего индивидуального и группового опыта, продуцируют у них новые ожидания, меняют саму структуру их политически значимых интересов [10, с. 9].

Более того, правомерно утверждать, что новые возможности перемещения информации современными телетехномедиумами обусловливают и возникновение неизвестного прежде типа жизнедеятельности — всех со всеми и одновременно порознь [12, с. 121]. Тот же эффект имеет и виртуализация политического пространства в Сети: переплетение реальности с вымышленными событиями и искусственно выстроенной информацией подрывает основы рациональной социальной и политической ориентации, порождая у человека элементы скепсиса и иронии в восприятии такого рода комбинированной действительности. Понятно, что, стимулируя утверждение новых способов культурного освоения политически значимой информации, современные коммуникации создают совершенно новую социальную атмосферу для развития политической жизни и воспроизводства культуры.

На политическую арену стали выходить подвижные, рыночные способы организации дискурса, и прежде всего политическая рекламистика, представляющая собой систему маркетинговых принципов, норм и технологий обращения информации, используемых при обеспечении всех контактов коммуникатора и реципиента в политическом пространстве. Только методики данного типа (включающие инструментарий рекламы, информационного лоббизма, PR и др.), руководствующиеся задачей наиболее быстрого и точного удовлетво-

рения потребностей масс во властно значимой информации, стали способны поддерживать спорадический характер использования людьми механизмов политики для защиты своих интересов.

Высокий темп обращения информации, затрудняющий ее превращение в смыслозначимые социальные реакции индивида, обусловил и появление особой формы организации релятивных политических целей — имиджа. Именно последний способен сегодня выполнять сигнальную функцию для верхов и низов, аттестуя в глазах населения политику властей в той мере, в какой это необходимо людям для прояснения собственных задач, адаптации к существующим порядкам, реализации собственных намерений. Имиджевые способы организации политических дискурсов являются выражением нового уровня обеспечения самостоятельности индивидов в поле власти. Они усиливают свободу выбора человеком своей позиции и одновременно эффективность отбора им политических альтернатив. Имидж не программирует, а ориентирует политический выбор человека, он сосредоточен на обеспечении свободного выбора человека и предоставлении ему для этого соответствующей информации, аргументов, склоняющих его к поддержке той или иной альтернативы в реализации конкретного политического проекта. У имиджевых техник коммуницирования устанавливается свой язык общения власти с населением — легкий и тривиальный, но зато привлекательный (в силу обязательного дополнения элементами развлечения) и способный к распространению через электронные СМИ. Причем такая тесная смысловая и техническая связь имиджа и технотелемедиумов ведет к тому, что политические сообщества начинают формироваться уже сугубо технологическим способом, подрывая тем самым не только идейные, но и нередко смысловые очертания отношений населения к власти.

Имидж представляет собой образ, основанный на стереотипах, т.е. образ обобщенный, упрощенный и ригидный [5]. Имидж — это культивирование нужных реакций. Это значит, что стороны порождают те типы поведения, в которых сами заинтересованы. Возникает новый стереотип, создаваемый в соответствии со стереотипом, уже имеющимся у аудитории.

Понятие социального стереотипа впервые было введено в научный оборот американским исследователем средств массовой информации У. Липпманом для обозначения распространенных в общественном мнении предвзятых представлений о членах различных национально-этнических, социальнополитических и профессиональных групп. Стереотипизированные формы мнений и суждений по поводу социально-политических вопросов трактовались им как своеобразные «выжимки» из господствующих сводов общепринятых морально-этических правил, доминирующих социальных представлений и потока в большинстве случаев тенденциозной, сугубо политической пропаганды и агитации.

Согласно У. Липпману, социальные стереотипы представляют собой основной мыслительный материал, на котором строится массовое сознание [13, с. 231]. Липпман сводил мышление к простым реакциям на внешние стимулы, роль которых выполняют именно стереотипы — стойкие, эмоционально окрашенные, упрощенные модели объективной реальности, вызывающие у человека чувство симпатии или антипатии к явлению, которое ассоциируется с тем или иным приобретенным им опытом. Стереотипизация процесса мышления в психологическом плане связана с установкой, формирующейся в процессе предшествующей практики людей. Под установкой, составляющей психологическую почву стереотипа, подразумевают готовность воспринимать явление или предмет определенным образом, в определенном свете, исходя из предшествующего опыта восприятия.

Таким образом, стереотипы имеют объективную природу и являются неотъемлемым свойством психики человека делать обобщения. Действительно, если бы человек не обладал способностью обобщать, упрощать, схематизировать окружающую действительность, он не смог бы быстро ориентироваться в непрерывно растущем потоке информации, которая к тому же постоянно усложняется и все более дифференцируется [4, с. 106]. Эту возможность обеспечивает способность головного мозга человека вырабатывать обобщенные представления о явлениях и фактах, формирующиеся на основе предыдущих знаний человека, а также поступающей к нему новой информации.

Например, российское и международное общественное мнение прочно закрепило за Кавказом представление как о регионе с очень высоким уровнем конфликтности. Многие эксперты, в частности, сравнивают его с Балканами. В то же время россияне, живущие на Северном Кавказе слабо идентифицируют себя с Кавказом в целом, воспринимая Армению, Азербайджан, Грузию, ставшие независимыми государствами, как «чужое» пространство, а не как часть единого историко-культурного ареала. Отсюда и представление, что «чем дальше от нас, тем хуже».

Россия как одно из ведущих государств мира всегда будет оставаться объектом для воздействий претендентов на мировое лидерство. Подтверждением этому служат попытки отдельных государств сформировать у широких кругов мировой общественности негативный образ Российской Федерации. Прилагаются усилия по изменению расстановки сил в наиболее важных регионах мира, основанные на антироссийских настроениях. Периодически реанимируется информационная поддержка действий сил сепаратизма на Северном Кавказе. Именно поэтому в настоящее время особенно актуальным становится разработка и внедрение технологий, способных обеспечить региональную безопасность и стабильное развитие Юга России в целом и Краснодарского края в частности.

Библиографический список

- 1. *Абрамов В.Н., Соловьев А.В.* Информационное противоборство и неправительственные организации // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2008. № 2.
- 2. *Арутиюнян Л. Н.* Политическая культура: процессы формирования и изменения (о некоторых гипотетических основаниях одной теоретической модели) // Образы власти в политической культуре России. М: МОНФ, 2000.
- 3. *Григорыв В.Р.* Информационные вирусы новое оружие массового поражения // Информационные войны. 2008. № 3.
- 4. *Кузина К.А.* Роль СМИ в формировании имиджа Каспийского региона: дис. ... канд. полит. наук. Астрахань, 2008.
- 5. Панарин И. Н. Дипломатия и имидж России. URL: http://www.panarin.com/doc/7/
- 6. *Потехин В.* Современные войны и национальная безопасность России. URL: http://www.df.ru/~metuniv/consor/POTEH2.html.
- 7. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003.
- 8. Савченко И.А., Шпак В.Ю., Юрченко В.М. Технология политического действия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007.
- 9. *Соловьев А.И.* Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Политические исследования. 2002. № 3.
- 10. *Соловьев А.И.* Политическая культура: Проблемное поле метатеории // Вестник МГУ. Сер. 12. 1995. № 3.
- 11. *Соловьев А.И.* Политический облик постсовременности: очевидность явления // Общественные науки и современность. 2001. № 5.
- 12. Шевченко И. А. Политические Интернет-технологии в трансформирующемся обществе: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2005.
- 13. Lippman W. Public Opinion. Hard Press. New York, 1922.

ВЛИЯНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Ф. А. Кубанова¹

В статье выявлено влияние трансформаций избирательной системы на деятельность политических партий России (по материалам парламентских выборов 1993-2007 гг.). Установлено, что переход от смешанной к пропорциональной системе и принятие Федерального закона РФ «О политических партиях» привели к преобладанию политических ресурсов крупнейших партий. Особое внимание уделено специфике голосований по партийным спискам в Карачаево-Черкесской Республике.

Ключевые слова: политические партии, избирательная система, парламентские выборы, Карачаево-Черкесия.

The article revealed the influence of transformations of the electoral system on the activities of political parties in Russia (on the federal parliamentary elections 1993-2007). It was established that the transition from mixed to a proportional system and the adoption of the Federal Law «About political parties» have led to the predominance of political resources of the major parties. Particular attention is paid to the specifics of voting on party lists in Karachay-Cherkessia.

Key words: political parties, electoral system, parliamentary elections, Karachay-Cherkessia.

В современной России политические партии — неотъемлемый компонент политической системы. Электоральная активность политических партий предоставляет обширный материал для осмысления роли данного института в политической системе как на федеральном, так и на региональном уровне.

Цель статьи — выявить влияние избирательной системы на деятельность политических партий России в региональном аспекте (1993–2010 гг.).

Неизбежное наличие в обществе групп, имеющих различные политические интересы, порождает деятельность партий, поскольку их главная задача заключается в борьбе за распределение политической власти и контроль

¹ Кубанова Фатима Аскеровна – соискатель кафедры политологии и истории Карачаево-Черкесской государственной технологической академии. Эл. почта: fkubanova@yandex.ru

над нею. Партии участвуют в агрегировании социальных интересов, однако для них главное — контроль за принятием и реализацией государственных решений. Современные политические партии не являются выразителем интересов отдельного социального слоя, они интегрируют интересы различных социальных групп.

Одно из важных проявлений демократической политической системы — многопартийная система, функционированию которой способствуют нормы избирательной системы. Многопартийность призвана оградить политическую систему от узурпации власти каким-либо ее институтом, в том числе и отдельной политической партией.

Избирательная система определяется нами как целостная совокупность норм права, регулирующих способы определения итогов выборов и распределение мест между их участниками, а также субъектов политики — участников выборов и устойчивые политические отношения между ними. Традиционно выделяют три типа избирательных систем: пропорциональную, мажоритарную и смешанную. Причем их влияние на электоральную активность партий не сводится к распределению мест в парламенте, а непосредственно меняет внутрипартийную организацию и стратегии деятельности партий.

Вступление в силу в 2001–2009 гг. федеральных законов о выборах и политических партиях стало качественно новым этапом развития политической системы России.

Конституционной основой правового статуса политической партии в России служит ряд статей действующей Конституции РФ. В первую очередь речь идет о закреплении многопартийности, что носит принципиальный характер. До марта 1990 г. в нашей стране существовала однопартийная система с правящей партией — КПСС.

Конституция РФ 1993 г. явилась отражением острых противоречий переходного периода: конфликта легитимности исполнительной и законодательной ветвей власти, а также объективных противоречий между потребностью в политической и экономической либерализации и нелиберальным характером общества, усугубленным трудностями и лишениями раннего этапа преобразований [10, с. 51]. В таких условиях авторы Конституции пошли на учреждение режима сильной президентской власти.

Первым опытом смешанной избирательной системы в постсоветской России стали выборы Государственной Думы РФ в декабре 1993 г. На протяжении 1990-х гг. глава государства оставался беспартийным, а партии вели борьбу за позиции в законодательной ветви власти. Становление российской партийной системы в эти годы проходило на фоне длительного процесса трансформации политического режима. Этот процесс, изобиловавший жесткими конфликтами элит и кризисами в управлении страной, существенно повлиял

на формат российской партийной системы, который характеризует партийная фрагментация и электоральная неустойчивость [4, с. 12]. Неустойчивой считается та партийная система, где велика доля избирателей, меняющих свои предпочтения в промежутках между выборами, а фрагментированной — та, которая состоит из значительного числа элементов, т.е. партий.

Для этого периода характерно обилие мелких партий, затруднявших формирование эффективного политического рынка. Российские партии не могли претендовать ни на обеспечение устойчивой связи масс и элит, ни на выполнение функции политического представительства, ни на обеспечение политической подотчетности правительства [3, с. 56].

Единственным изменением в избирательной системе в 1995 г. стало введение нормы, ограничивавшей «центральную» часть списка избирательных объединений и блоков 12 кандидатами и вынуждавшей их разбивать списки на региональные группы кандидатов [2, с. 84]. Нормой стал 5% барьер, оказавшийся непреодолимым по итогам выборов для 39 из 43 избирательных блоков и объединений. Установленный барьер по партийным спискам преодолели КПРФ, АДПР, «Наш Дом — Россия» и «Яблоко». Таким образом, к середине 1990-х гг. в России утвердилась смешанная система голосования на выборах в нижнюю палату парламента, что явилось позитивным аспектом в развитии партийной системы. Отрицательный аспект состоял в отсутствии нормативной базы деятельности политических партий. В 1995 г. был принят Федеральный закон «Об общественных объединениях», ставший базовым для деятельности общественных объединений, но он не конкретизировал правовые нормы функционирования партий.

Рассмотрим динамику участия российских политических партий в федеральных парламентских выборах за последние три электоральных цикла на территории Карачаево-Черкесской Республики (1999, 2003, 2007 гг.).

В выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва 19 декабря 1999 г. по Карачаево-Черкесской Республике приняли участие 26 партий и общественных движений. Из них 5% барьер на территории Карачаево-Черкесии преодолели КПРФ (40,84%), «Отечество — вся Россия» (15,44%) и «Межрегиональное движение «Единство» («Медведь») (14,91%) [5, с. 1]. В Государственной Думе по итогам выборов сохранили свои места КПРФ, ЛДПР, «Яблоко». На партийной арене появились новые участники — «Единство», «Отечество — вся Россия» и СПС.

Новой чертой, отличавшей думские выборы 1999 г., было активное участие региональных органов власти в организации и проведении общефедеральных выборов. Создание «губернаторских» блоков и объединений —показатель консолидированности региональной элиты и претензий на самостоятельную роль в отношениях с центром. Следует отметить рост влияния блока «Единство», который стал претендовать на статус «партии власти».

Как показали выборы 1999 г., в России появляется новый способ образования партий, сочетающий три элемента: 1) наличие популярного или имеющего хорошие шансы на популярность лидера; 2) использование государственного финансового и информационного ресурса; 3) действующую структурную основу в виде региональной элиты и ее клиентелы.

Одним из направлений политических реформ, начатых после прихода к власти В.В. Путина, стали преобразования партийной системы и стремление унифицировать нормы электорального процесса. Главные из этих изменений — два закона: новый Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (2002 г.) и Закон «О политических партиях» (2001 г.). Отличием норм новых законов от периода 1993—2002 гг. является введение принципа избрания не менее 50% депутатов представительных органов власти субъектов РФ по пропорциональной системе и запрет на создание региональных политических партий. В выборах могли принимать участие только региональные отделения федеральных партий. Принятие данных законов стало важным этапом в процессе развития партийной системы в России. Вместе с тем Федеральный закон «О политических партиях» закрепил стремление государства к правовому контролю над процессом возникновения и деятельности политических партий.

Состоявшиеся в декабре 2003 г. парламентские выборы привели к существенным трансформациям в партийной системе РФ. Принятый в 2001 г. Закон «О политических партиях» наделил их исключительным правом участвовать в выборах по партийным спискам и существенными преимуществами при выдвижении кандидатов в одномандатных округах. Повышению роли партий способствовали и другие законодательные инициативы. Со второй половины 2003 г. в действие вступила поправка к Закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», согласно которой в субъектах федерации по партийным спискам должно избираться не менее половины состава органов законодательной власти. Со следующих выборов 2007 г. на федеральном уровне вводится 7-процентный барьер для прохождения в парламент, что способствует доминированию крупных партий в политической системе страны. Произошло сокращение числа партий. Для участия в выборах 2003 г. были зарегистрированы 23 партии и блока против 26 в выборах 1999 г.

В декабре 2003 г. 5-процентный барьер на территории Карачаево-Черкесской Республики успешно прошли всего четыре политические партии: «Единая Россия» (49,59% голосов избирателей), КПРФ (13,20%), «СПС» (9,52%) и Λ ДПР (5,11%) [6, с. 3–5].

Таким образом, произошли радикальные изменения в поведении электората:

— убедительная победа политической партии «Единая Россия»;

106

- почти трехкратное ослабление Коммунистической партии в голосовании по спискам и резкое сокращение числа ее одномандатников;
- успех ЛДПР и СПС, которые не преодолели 5-процентный барьер в нижнюю палату парламента на федеральном уровне.

После выборов 7 декабря 2003 г. баланс политических сил в Государственной Думе изменился. Конституционное большинство получила «Единая Россия» (305 депутатских мандатов). Общее количество депутатских фракций уменьшилось с шести до четырех. Впервые с 1993 г. в парламенте не были представлены «Яблоко» и СПС. Фракция КПРФ сократилась вдвое (52 депутатских мандата). В сложившихся условиях это позволило политической партии «Единая Россия»:

- самостоятельно определить характер партийно-политического структурирования нового состава Государственной Думы;
- провести своего представителя на должность председателя Государственной Думы без предварительных консультаций с иными представленными в парламенте политическими партиями и блоками;
- установить контроль над всеми стратегически важными комитетами Государственной Думы и аппаратом парламента;
- за счет использования технологии пропорционального представительства обеспечить большинство в Совете Государственной Думы [8, с. 3].

По итогам выборов «Единая Россия» получила возможность представить себя в парламенте одновременно и как правая, либеральная политическая сила, т.е. стать правоцентристской политической партией.

Первая особенность выборов 2003 г. заключается в том, что они зафиксировали изменение отношения общества к власти. Их итоги показывают, что действия главы государства В.В. Путина были позитивно оценены электоратом. Голосование за «Единую Россию» — это поддержка избирателем и курса президента, и власти в целом.

Вторая особенность выборов 2003 г. — активное использование административного ресурса. Власть ассоциировала себя с «Единой Россией». Президент дважды высказался в ее поддержку; почти 30 губернаторов присутствовали в ее списке.

Третья особенность федеральных выборов — некоторое снижение их легитимности по сравнению с предыдущими выборами. Явка на выборы сократилась почти до уровня выборов 1993 г. (1993 г. -54,81%, 1995 г. -64,73, 1999 г. -61,85, 2003 г. — 55,75%) [10, с. 59–60].

Пропрезидентские силы заняли после парламентских выборов 2003 г. доминирующие позиции на российской политической сцене. Столь твердого и уверенного большинства, которое «партия власти» получила в новой Думе, не имела ни одна партия ни в одном из предыдущих составов палаты. «Единая Россия» получила значительные преимущества в проведении избирательной кампании как на федеральном, так и региональном уровне. Вследствие этого за партийный список «Единой России» по России проголосовало 37,57% избирателей страны. Выборы показали не просто важность административного ресурса, а его определяющее значение.

С 1 января 2006 г. вступили в силу новые нормы Федерального закона РФ «О политических партиях», основными из которых стали запрет политическим партиям выдвигать кандидатами в депутаты и на иные должности членов других партий, отмена голосования «против всех», снижение порога явки для признания выборов состоявшимися. Принят также законопроект, запрещавший депутатам, избранным по партийным спискам, переходить в другие партии. Ранее депутатов уже обязали вступать во фракцию только того списка, от которого были избраны. Но речь идет о том, что, даже оставаясь членом фракции, депутат не имеет права участвовать в создании новой партии [9].

На муниципальных выборах стала использоваться смешанная избирательная система, предусматривающая образование одного пропорционального округа и одного мажоритарного избирательного округа. Данная система практически не отличается от полностью пропорциональной системы, поскольку гражданам, не желающим баллотироваться по партийным спискам, могут дать 20% мандатов.

К следующему избирательному циклу произошли значительные изменения в политической системе не только страны, но и регионов. Они включали в себя:

- введение обязательности избрания не менее половины депутатов региональных парламентов по пропорциональной избирательной системе;
 - изменения порядка формирования Совета Федерации;
- запрет на существование региональных политических партий и на образование предвыборных блоков;
 - постепенное повышение заградительного барьера для партийных списков;
 - отмену выборности губернаторов электоратом.

Особенностями реформы стали унификация избирательного и партийного законодательства, минимизация допустимых различий в правилах проведения региональных выборов на партийной основе, подкрепляемые резким усилением государственного контроля над политическими партиями.

С декабря 2007 г. Россия избирает парламент по пропорциональной системе с применением ряда других новаций избирательного законодательства. Увеличение заградительного барьера до 7% направлено на концентрацию партийной системы и формирование ответственного большинства в парламенте. Также барьер призван исключить попадание в Государственную Думу радикальных политических партий. Официальное обоснование смены электораль-

108

Итоги выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации пятого созыва (2 декабря 2007 г.) по Карачаево-Черкесии

Название партии	Количество голосо- вавших	
	чел.	%
Политическая партия «Аграрная партия России»	462	0,16
Всероссийская политическая партия «Гражданская Сила»	138	0,05
Политическая партия «Демократическая партия России»	72	0,03
Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»	10330	3,66
Политическая партия «Союз правых сил»	112	0,04
Политическая партия «Партия социальной справедливости»	233	0,08
Политическая партия «Либерально-демократическая партия России»	5353	1,90
Политическая партия «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь»	831	0,29
Политическая партия «Патриоты России»	1682	0,60
Всероссийская политическая партия «Единая Россия»	262308	92,90
Российская объединенно-демократическая партия «Яблоко»	250	0,10

ной формулы заключалось в необходимости стимулировать развитие политических партий и многопартийности, обеспечить справедливость их представительства [1, с. 8].

Рассмотрим итоги выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва 2 декабря 2007 г. по Карачаево-Черкесии, используя данные таблицы [7].

Всего участие в голосовании приняли 282349 чел. (93,37% от общего числа избирателей, зарегистрированных в республике).

Из 11 политических партий, участвовавших в выборах, убедительную победу одержала «Единая Россия», значительно опередившая своих соперников и набравшая 92,90% голосов избирателей в Карачаево-Черкесии. Коммунистическая партия Российской Федерации по сравнению с предыдущими выборами 2003 г. почти в четыре раза уменьшила свои позиции (с 13,20 до 3,66%). АДПР набрала менее 2%, остальные партии — менее 1% голосов избирателей республики.

На федеральном уровне в Госдуму прошли 4 политические партии: «Единая Россия» (64,30%), КПРФ (11,57%), ЛДПР (8,14%) и «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь» (7,74%) [12]. «Единая Россия» сформировала парламентское большинство, что сказывается на принятии решений.

Таким образом, реформирование политической системы общества носит противоречивый характер. С одной стороны, оно создает основу для развития в стране полноценной партийной системы, с другой стороны, реформы создают дополнительные средства влияния для властей федерального и регионального уровней на деятельность региональных отделений политических партий.

Состоявшиеся в 2007–2008 гг. парламентские и президентские выборы создали ситуацию, которая позволила начать пересмотр некоторых устоявшихся стереотипов как в самой структуре власти, так и в механизмах ее связей с обществом. Но наряду с изменениями, инициированными сверху, политическая система стала реагировать и на объективные процессы в социальной сфере и экономике [11, с. 23]. В своей совокупности все эти изменения затронули не только партийно-политическую составляющую системы, но и сферу функционального представительства, т. е. оба основных канала политического взаимодействия государства и общества.

Итак, партия «Единая Россия» получила значительные преимущества в проведении избирательных кампаний и на федеральном, и на региональном уровнях. Выборы продемонстрировали не просто важность административного ресурса, а его определяющее значение. Результаты выборов показали, что на успех могут рассчитывать партии с налаженной ведомственной и партийной структурой. Отсутствие подобной структуры не позволило многим региональным отделениям политических партий преодолеть установленный барьер. Унификация норм избирательного и партийного законодательства резко усилила государственный контроль над политическими партиями.

Библиографический список

- 1. *Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю.* Пропорциональная избирательная система и опасности президенциализма: российский случай // Полис. 2007. № 5.
- 2. *Гельман В. Я.* Избирательные кампании в России: испытание электоральной формулы // Полис. 1996. № 2.
- 3. *Гельман В.Я.* От «бесформенного плюрализма» к «доминирующей власти»? (Трансформация российской политической системы) // Общественные науки и современность. 2006. № 1.
- 4. *Голосов Г.В.* Партийные системы России и стран Восточной Европы. М.: Весь мир, 1999.
- 5. Итоги выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва по Карачаево-Черкесской Республике // День республики. 1999. № 154.
- 6. Итоги выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва по Карачаево-Черкесской Республике // День республики. 2004. № 10–11.

- 7. Итоги выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по Карачаево-Черкесской Республике // День республики. 2007. № 228-233.
- 8. Кочетков А. П. Итоги думских выборов 2003 года // Власть. 2004. № 8.
- 9. Кынев А. Избирательная реформа Владимира Путина и региональные выборы. URL: http://demset.org/f/index.php?showtopic=1068
- 10. Макаренко Б. И. Парламентские выборы 2003 г. как проявление кризиса партийной системы // Полис. 2004. № 1.
- 11. Перегудов С. П. Политическая система России после выборов 2007–2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации (часть І) // Полис. 2009. № 2.
- 12. Результаты выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания пятого созыва. URL: http://www.izbircom.ru/

ПРИНЦИПЫ РАВЕНСТВА, ИНКЛЮЗИИ И НЕДИСКРИМИНАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ЛИЦАМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

М. А. Егупова¹

Статья посвящена проблемам реализации конституционного права на образование лицами с ограниченными возможностями здоровья. Автор анализирует общепризнанные международные нормы и законодательство Российской Федерации с точки зрения принципов равенства, инклюзии и недискриминации и предлагает меры, которые необходимо предпринять на законодательном уровне для преодоления обозначенных проблем.

Ключевые слова: Право на образование, лица с ограниченными возможностями здоровья, принципы равенства, инклюзии и недискриминации.

The article is devoted to complicated problems of exercising the constitutional right to education for person with disabilities. The author analyses universally acknowledged international norms and legislation of Russian Federation from the point of view of principles of equality, inclusion and undiscrimination and proposes the measures which are necessary to take at the legislative level to negotiate the said problems.

Key words: Right to education, person with disabilities, principles of equality, inclusion and undiscrimination.

Приоритетным направлением деятельности государства является обеспечение важнейших прав человека, к числу которых, несомненно, относится право на образование. В связи с провозглашением Российской Федерации социальным государством особенно актуально это звучит для лиц с ограниченными возможностями здоровья. В концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. [11] обеспечение доступности качественного общего образования провозглашено как одна из задач, направленных на обеспечение эффективности образования. Вопросы, связанные с реализацией этой задачи,

¹ Егупова Марина Александровна – преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, соискатель кафедры конституционного и муниципального права Кубанского государственного университета. Эл. почта: drozhina@yandex.ru

не могут рассматриваться отдельно от проблем включения в систему общего образования людей с ограниченными возможностями здоровья.

Обеспечение права на образование включает в себя целый комплекс мер политических, социальных, экономических, юридических, организационных и иных, нацеленных на сохранение психического и физического здоровья лиц с ограниченными возможностями здоровья, создание специальных образовательных учреждений, подготовку специалистов, обладающих навыками обучения инвалидов и иных лиц с особыми образовательными потребностями в рамках общеобразовательной школы, и т.д. Одной из правовых гарантий реализации конституционного права на образование является создание необходимой, достаточной, актуальной и непротиворечивой нормативно-правовой базы, основанной на достижениях международного гуманитарного права.

К важнейшим принципам, на которых основывается подход к образованию, относятся равенство, инклюзия и недискриминация. Анализируя документы, принятые международным сообществом в течение последних 60 лет, можно сделать вывод о постепенном развитии названных принципов в нормах международного права.

Базовые положения в области реализации права на образование содержат универсальные международные акты, в том числе Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенция о правах ребенка (1989 г.).

Положения, содержащиеся в указанных документах, основаны на том, что образование должно способствовать полному развитию человеческой личности, сознанию ее достоинства и укреплению уважения к правам человека и основным свободам.

Принятие Всеобщей декларации прав человека стало отправной точкой в создании специальных международных документов в области образования. Утвержденная 14 декабря 1960 г. в г. Париже на 11 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования определила понятие «дискриминация» и провозгласила запрет дискриминации в области образования.

Право инвалидов иметь такие же возможности для получения образования, что и у других лиц, было провозглашено Всемирной программой действий в отношении инвалидов, принятой 3 декабря 1982 г. Резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи ООН. Согласно этому документу система образования для детей и взрослых, являющихся инвалидами, должна быть индивидуализированной, доступной и всеобъемлющей, а также предлагать ряд возможностей в соответствии с кругом особых потребностей данной группы населения (ст. 122). Образование инвалидов должно по возможности проходить в рамках общей школьной системы (ст. 120), однако, если по какой-либо причине возможности общей школьной системы недостаточны для некоторых детей-инвалидов, эти дети должны учиться в течение надлежащего периода времени в специальных заведениях (ст. 124). Качество этого специального школьного обучения должно соответствовать качеству обучения в общей школьной системе, и эти две системы образования должны быть тесно взаимосвязаны.

В Конвенции о техническом и профессиональном образовании (Париж, 10 ноября 1989 г.) в ч. 5 ст. 2 отмечено, что договаривающиеся государства обращают внимание на особые потребности лиц с физическими недостатками или других групп населения, находящихся в неблагоприятных условиях, и принимают соответствующие меры, с тем чтобы эти группы могли пользоваться благами технического и профессионального образования.

Осознание того, что потребности инвалидов в образовании заслуживают особого внимания, привело к принятию международным сообществом Всемирной декларации об образовании для всех (принятой в 1990 г. в Джомтьене, Таиланд). Всемирная декларация об образовании для всех провозглашает необходимость принятия мер по обеспечению равного доступа к образованию для всех категорий инвалидов как неотъемлемой части системы образования (ч. 6 ст. 2).

Рекомендации Всемирной декларации об образовании для всех были приняты во внимание и получили свое дальнейшее развитие в Стандартных правилах обеспечения равных возможностей для инвалидов, принятых в г. Нью-Йорке 20 декабря 1993 г. Резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи ООН. В Стандартных правилах обеспечения равных возможностей для инвалидов предлагается ответственность за образование инвалидов в интегрированных структурах возложить на органы общего образования. В тех государствах, где образование является обязательным, его следует обеспечивать для детей обоего пола с различными формами и степенями инвалидности, включая самые тяжелые формы, привлекать к процессу образования на всех уровнях родительские группы и организации инвалидов, при обучении в обычных школах предоставлять услуги переводчиков и другие надлежащие вспомогательные услуги.

Приоритетным признается обучение инвалидов в обычной школе, и только в случаях, когда система общего школьного образования все еще не удовлетворяет адекватным образом потребностям всех инвалидов, можно предусмотреть специальное обучение, направленное на подготовку учащихся к обучению в системе общего школьного образования. Качество такого обучения должно отвечать тем же стандартам и целям, что и обучение в системе общего образования, и быть тесно с ним связано.

Для обеспечения инвалидам возможностей в области образования в обычной школе государствам следует иметь четко сформулированную политику,

понимаемую и принимаемую на уровне школ и в более широких рамках общины; обеспечить гибкость учебных программ, возможность вносить в них добавление и изменение; предоставлять высококачественные учебные материалы, обеспечить на постоянной основе подготовку преподавателей и оказание им поддержки (правило 6).

Особое место в системе международных документов, касающихся вопросов образования для лиц с ограниченными возможностями, занимают Саламанкская декларация о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями и Рамки действий по образованию лиц с особыми потребностями, принятые Всемирной конференцией по образованию лиц с особыми потребностями: доступ и качество (Саламанка, Испания, 7-10 июня 1994 г.). Декларация была принята в целях утверждения в образовательной сфере принципа инклюзивного образования, обеспечения того, чтобы школы могли быть открытыми для всех детей, в частности, для детей с особыми образовательными потребностями. Как отметил Федерико Майор, «трудно добиться успеха, если рассматривать изолированно образование для лиц с особыми потребностями, поскольку этот вопрос в равной степени актуален как в странах Севера, так и в странах Юга. Это образование должно быть составной частью педагогической стратегии и, несомненно, новой социальной и экономической политики. Для этого необходимо провести кардинальную реформу общеобразовательных учебных заведений» [3].

Саламанкская декларация содержит призыв ко всем правительствам принять в форме закона или политической декларации принцип инклюзивного образования, заключающийся в том, что все дети поступают в обычные школы, если только не имеется серьезных причин, заставляющих поступать иначе.

В декларации отмечается, в частности, что основной принцип инклюзивной школы заключается в том, что все дети должны обучаться совместно во всех случаях, когда это является возможным, несмотря ни на какие трудности или различия, существующие между ними. Инклюзивные школы должны признавать и учитывать различные потребности своих учащихся путем приведения в соответствие различных видов и темпов обучения, а также обеспечения качественного образования для всех путем разработки надлежащих учебных планов, принятия организационных мер, разработки стратегии преподавания, использования ресурсов и партнерских связей с их общинами (ст. 7).

Зачисление детей в специальные школы или в специальные классы, или секции в рамках какой-либо школы на постоянной основе должно быть исключением, рекомендованным только в тех редких случаях, когда совершенно очевидно, что обучение в обычных классах не способно удовлетворить образовательные или социальные потребности какого-либо ребенка или это необходимо для благополучия данного ребенка или других детей (ст. 8).

Учебный план следует адаптировать к потребностям детей, а не наоборот (ст. 28). Детям с особыми потребностями необходимо оказывать дополнительную учебную поддержку в контексте обычного учебного плана, а не какого-нибудь иного учебного плана. Руководящий принцип должен заключаться в обеспечении всем детям одинакового образования, оказывая дополнительную помощь и поддержку нуждающимся в них детям (ст. 29).

Принципы инклюзивного образования нашли дальнейшее развитие в Конвенции о правах инвалидов, принятой в г. Нью-Йорке 13 декабря 2006 г. Резолюцией 61/106 на 76-м пленарном заседании 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В качестве гарантий реализации права на образование признается невозможность исключения инвалидов из системы общего образования, бесплатного и обязательного начального или среднего образования; равный с другими доступ к инклюзивному, качественному и бесплатному начальному и среднему образованию в местах своего проживания; обеспечение разумного приспособления, учитывающего индивидуальные потребности; поддержка инвалидов, в том числе индивидуализированная, для облегчения их эффективного обучения в обстановке, максимально способствующей освоению знаний и социальному развитию (ст. 24).

Конвенция о правах инвалидов имеет важное значение в силу обязательности ее норм для ратифицировавших ее стран. В то же время независимыми экспертами отмечается, что «Конвенция не определяет конкретных форм образования инвалидов и не устанавливает определенных сроков внедрения инклюзии в системы образования стран-участниц. Очевидно, что ООН понимает: формирование такой важнейшей сферы, как образование, зависит от традиций и уровня развития каждой конкретной страны. Именно поэтому Конвенция определяет лишь общие направления и принципы совершенствования образования стран-участниц» [5, с. 15]. В 2008 г. Российская Федерация подписала Конвенцию о правах инвалидов и в настоящее время готовится к ее ратификации. Насколько Российская Федерация готова к внедрению принципов равенства, инклюзии и недискриминации, закрепленных в Конвенции о правах инвалидов, позволит оценить анализ современного российского законодательства об образовании.

Согласно ч. 1 ст. 7 Конституции РФ Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Конституции РФ закреплено, что каждый имеет право на образование. Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях (ст. 43).

Гарантии права на образование лиц с ограниченными возможностями здоровья, закрепленные в Конституции РФ, нашли дальнейшее отражение

в Законе РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» [1] (далее — Закон РФ «Об образовании»). В ч. 1 ст. 5 указанного закона гражданам РФ гарантируется возможность получения образования независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям (объединениям), возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, наличия судимости.

В соответствии с ч. 6 ст. 5 Закона РФ «Об образовании» государство создает гражданам с ограниченными возможностями здоровья, т.е. имеющим недостатки в физическом и (или) психическом развитии, условия для получения ими образования, коррекции нарушений развития и социальной адаптации на основе специальных педагогических подходов. Следовательно, государство, во-первых, признает за лицами с ограниченными возможностями здоровья наличие особого правового статуса в сфере образования; во-вторых, характеризует таких лиц как имеющих недостатки в физическом и (или) психическом развитии; в-третьих, гарантирует создание особых условий для получения такими лицами образования; в-четвертых, предусматривает использование для обучения таких лиц специальных педагогических подходов.

Рассматривая положения Закона РФ «Об образовании», нельзя не отметить недостаточность норм, регулирующих положение лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательном процессе. Так, закон закрепил определение лиц с ограниченными возможностями здоровья как имеющих недостатки в физическом и (или) психическом развитии, однако не определил перечень лиц, относящихся к данной категории. В то же время в подзаконных актах такой перечень содержится. В частности, Приказ Министерства образования и науки РФ от 3 марта 2009 г. № 70 «Об утверждении Порядка проведения государственного выпускного экзамена» к категории лиц с ограниченными возможностями здоровья относит глухих, слабослышащих, слепых, слабовидящих, с тяжелыми нарушениями речи, с нарушениями опорно-двигательного аппарата и других. На наш взгляд, такой перечень необходимо закрепить законодательно.

Под особыми условиями для получения образования лицами с ограниченными возможностями здоровья Закон РФ «Об образовании» подразумевает прежде всего возможность установления специальных федеральных образовательных стандартов (ч. 5 ст. 7), включение в общий перечень образовательных учреждений специальных (коррекционных) образовательных учреждений для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья (п. 5 ч. 4 ст. 12), разработку образовательных программ специальных (коррекционных) образовательных учреждений с учетом особенностей психофизического развития и возможностей обучающихся, воспитанников (ч. 2 ст. 17), а также возможность проведения итоговой аттестации для обучаю-

щихся с ограниченными возможностями здоровья, освоивших образовательные программы среднего (полного) общего образования, как в форме единого государственного экзамена, так и в других формах (ч. 4 ст. 15). Несмотря на то что закон предусматривает возможность обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья в рамках общеобразовательной школы, в законе прямо не закреплен приоритет инклюзивного образования, провозглашенный мировым сообществом в важнейших международных документах, в том числе в подписанной Российской Федерацией Конвенции о правах инвалидов. Закон не содержит положений, касающихся особенностей образования лиц с ограниченными возможностями здоровья в общей школе. Адаптируемость образования, отмечаемая исследователями в области международного права в качестве одного из ключевых элементов международных стандартов образования [4], подразумевает в первую очередь обучение лиц с ограниченными возможностями здоровья по индивидуальным планам, позволяющим максимально эффективно освоить общеобразовательную программу. Российское законодательство об образовании, строящееся на принципах жесткой регламентации образовательных стандартов и программ, не позволяет обеспечить равный доступ людей с разными образовательными потребностями в общеобразовательную школу. О. Ильина отмечает, что «в российском законодательстве отсутствует механизм создания специальных условий для обучения в обычной школе детей-инвалидов ... более того, некоторые положения закона препятствуют получению образования детьми-инвалидами, например, п. 4 ст. 17 Закона об образовании, в соответствии с которым при неосвоении программы за год по двум и более предметам ребенок должен переводиться в коррекционный класс. В связи с тем что более 80% детей с инвалидностью — это дети с нарушением познавательной сферы, для большинства из них обучение в массовой школе будет невозможно» [2, с. 71].

Закон РФ «Об образовании» не раскрывает содержания и особенностей специальных педагогических подходов, использование которых может быть предусмотрено при обучении лиц с ограниченными возможностями здоровья. Представляется, что предусмотренные Конвенцией о правах инвалидов такие меры, как содействие освоению азбуки Брайля, альтернативных шрифтов, содействие освоению жестового языка и поощрению языковой самобытности глухих, обеспечение обучения лиц, в частности детей, которые являются слепыми, глухими или слепоглухими, с помощью наиболее подходящих для индивида языков и методов и способов общения, заслуживают законодательного закрепления.

Рассматривая правовое положение людей с ограниченными возможностями здоровья в образовательной сфере, следует отметить Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [7], закрепляющий образовательные возможности инвалидов в Российской Федерации. В соответствии со ст. 9 указанного закона одним из основных направлений реабилитации инвалидов является их профессиональная ориентация, обучение и образование.

Дополнительные социальные гарантии предусмотрены детям-инвалидам, инвалидам I и II групп при поступлении в высшие учебные заведения. Эти лица на основании ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [8] принимаются в государственные и муниципальные высшие учебные заведения вне конкурса при условии успешного прохождения вступительных испытаний. Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 16 указанного закона студентам-инвалидам I и II групп размер стипендии увеличивается на 50%. Следует отметить, что названные гарантии реализации права на образование не распространяются на лиц с ограниченными возможностями здоровья, не признанных в установленных законом порядке инвалидами.

Особо в законодательстве РФ урегулированы вопросы образования несовершеннолетних с ограниченными возможностями здоровья и (или) отклонениями в поведении. Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [10] в п. 6 ч. 1 ст. 14 установлено, что формы обучения и воспитания несовершеннолетних с ограниченными возможностями здоровья и (или) отклонениями в поведении определяются на основе подготовленных психолого-медико-педагогическими комиссиями рекомендаций. Учреждения, осуществляющие образовательный процесс, обязаны оказывать социальнопсихологическую и педагогическую помощь несовершеннолетним с ограниченными возможностями здоровья и (или) отклонениями в поведении либо несовершеннолетним, имеющим проблемы в обучении (п. 1 ч. 2 ст. 14).

Законодательство об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья характеризуется отсутствием комплексного федерального акта, регулирующего вопросы образования таких лиц. Вопрос о создании подобного акта поднимался еще в 1999 г. В это время был разработан проект федерального закона об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании). Этот законопроект, принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации, был отклонен Президентом РФ в связи с нецелесообразностью принятия специального федерального закона по вопросу образования лиц с ограниченными возможностями здоровья, поскольку значительная часть содержащихся в нем норм уже закреплена соответствующими положениями Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и Закона РФ «Об образовании». Кроме того, ряд положений проекта федерального закона противоречил Конституции РФ и законодательству Российской Федерации.

В настоящее время отсутствие федерального закона об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья привело к ситуации, когда регионы должны самостоятельно преодолевать пробелы правового регулирования в этой сфере. Так как субъекты РФ находятся в различных экономических условиях, ситуация с регулированием сферы образования лиц с ограниченными возможностями здоровья существенно отличается в зависимости от региона. В Письме Министерства образования и науки РФ от 18 апреля 2008 г. № АФ-150/06 «О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами» отмечается, что во многих субъектах Российской Федерации (Республика Карелия, Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Ленинградская, Самарская, Ярославская области, г. Москва и др.) разработаны документы концептуального характера, посвященные вопросам развития образования детей с ограниченными возможностями здоровья. Мероприятия, направленные на создание условий для получения образования детьми этой категории, реализуются в рамках региональных целевых программ развития образования или специально принятых для решения данных вопросов самостоятельных целевых программ. В то же время в ряде регионов должного внимания регулированию образования лиц с ограниченными возможностями здоровья не уделяется.

Одной из целей государственной политики в интересах детей, провозглашенных Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка» [9], является осуществление прав детей, предусмотренных Конституцией РФ, недопущение их дискриминации, упрочение основных гарантий прав и законных интересов детей, а также восстановление их прав в случаях нарушений. Государство согласно указанному закону обязуется содействовать физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей. По нашему мнению, образование — именно та сфера жизни общества, которая в наибольшей степени может повлиять на развитие человека, особенно детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, к которым Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка» относит детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, потому содействие реализации их права на образование должно стать приоритетным направлением деятельности государства.

Представляется, что принципы человеколюбия и милосердия, о необходимости утверждения которых говорится в Федеральном законе от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» [6], должны служить основой построения российского законодательства об образовании, вектором, в соответствии с которым будет строиться представление общества о лицах с ограниченными возможностями здоровья и их потребностях, в том числе в сфере образования.

Российская Федерация, взявшая на себя обязательства по исполнению норм международного права и формирующая внутригосударственную систему законодательства путем включения в нее общепризнанных принципов и норм международного права, в недостаточной мере и не всегда последовательно и полно закрепляет в законодательстве положения международных документов, касающиеся обеспечения равенства, инклюзии и недискриминации. Перспектива подписания Российской Федерацией Конвенции о правах инвалидов предполагает проведение ряда мероприятий по осмыслению международных положений, закрепляющих принцип инклюзивного образования, разработке на их основе документов, отвечающих российским реалиям, внесению изменений в действующие законодательные акты, в том числе в Закон РФ «Об образовании». Кроме того, необходимы анализ и обобщение положительного опыта законодательного регулирования вопросов образования лиц с ограниченными возможностями здоровья в субъектах РФ с целью его внедрения на федеральном уровне.

Библиографический список

- 1. Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1797.
- 2. Ильина О. Правовые аспекты инклюзивного образования // Образование для всех: политика и практика инклюзии: сб. научных статей и научно-методических материалов. Саратов: Научная книга, 2008.
- 3. Майор Ф. Предисловие к Саламанкской декларации. URL: http://pravo.perspektivainva.ru/?95.
- 4. Матюшева Т.Н. Международно-правовой стандарт права на образование (ключевые элементы, юридические качества) // Право и образование. 2009. № 8.
- 5. Россия: на пути к равным возможностям: подготовлена коллективом независимых экспертов и консультантов по инициативе Представительства Организации Объединенных Наций в Российской Федерации. М.: Весь Мир, 2009.
- 6. Собрание законодательства РФ. 1995. № 32. Ст. 3198.
- 7. Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.
- 8. Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.
- 9. Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.
- 10. Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
- 11. Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 2). Ст. 119.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, социологии управления, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ax): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется Библиографический список, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 Библиографического списка.

Резюме. Рукопись должна включать резюме статьи объемом не более 800 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования).

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412H.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов..

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент
ФИО, научное звание, должность
«»20r.
полпись, заверенная печатью